К. Х. Момджян

Категории исторического материализма: системность, развитие

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

К. Х. Момджян

Категории исторического материализма: системность, развитие

начальные этапы восхождения от абстрактного к конкретному

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА · 1986

Рецензенты: *И. С. Нарский*, доктор философских наук, профессор,
В. И. Разин, доктор философских наук, профессор

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

В монографии рассматриваются дискуссионные проблемы методологии социального познания, имеющие важное значение для исследования сложнейших процессов современной истории. Автор стремится раскрыть основные принципы категориальной организации исторического материализма методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Для преподавателей, научных работников, студентов и аспирантов философских факультетов.

МОНОГРАФИЯ

Карен Хачикович Момджян

КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА: СИСТЕМНОСТЬ, РАЗВИТИЕ (НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ)

Заведующая редакцией Г. С. Прокопенко. Редактор Н. П. Барбарич. Художник Е. А. Микельсон. Художественный редактор Н. Ю. Калмыкова. Технический редактор Н. И. Матюшина. Корректоры В. П. Кададинская, Л. А. Кузнецова

ИБ № 2376

Сдано в набор 31.03.86. Подписано в печать 19.09.86. Л-67423 Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 17,14. Тираж 4900 экз. Заказ 345. Цена 1 р. 40 к. Изд. № 3768

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. 119899, Москва, Ленинские горы

М $\frac{0302020200-165}{077(02)-86}$ КБ № 18—56—86

© Издательство Московского университета, 1986

ПРЕДИСЛОВИЕ

Характерной чертой современного этапа развития исторического материализма является растущий интерес к исследованию принципов его категориального строения. В явном меньшинстве, как об этом свидетельствуют материалы научных обсуждений, оказались специалисты, полагающие, что интерес к систематизации категорий вызван факторами преходящего порядка, в том числе своеобразной «научной модой», якобы отвлекающей исследователей от анализа содержательных проблем. Напротив, ныне, безусловно, преобладает точка зрения, полагающая, что активное обсуждение понятийной организации исторического материализма объясняется рядом далеко не случайных обстоятельств и имеет первостепенное значение для дальнейшего совершенствования нашей науки, выполнения ответственнейших задач, стоящих перед ней на современном этапе развития социалистического общества.

Растущее понимание этого факта вызвано тем, что в последнее время, несмотря на успешное в целом развитие исторического материализма, «все больше начали о себе давать знать и серьезные логико-методологические трудности, затрагивающие перспективы дальнейшего развития не только исторического материализма, но и общественной науки в целом» [227, с. 1]. Характеризуя эти трудности, ученые прежде всего связывают их с осуществившимся за последние десятилетия тематическим расширением науки, включившей и включающей в себя все новые проблемы, «подсказанные» реальной диалектикой общественного развития. В результате «специалисты, и прежде всего преподаватели, перед которыми стоит повседневная практическая задача чтения систематического курса исторического материализма, естественно, оказались поставленными перед необходимостью упорядочения ... нового материала: их не

удовлетворяло его простое механическое подключение к действующей структурной модели исторического материализма» [154, с. 117]. Более того, в свете новых знаний ученых перестала удовлетворять и сама эта «действующая модель», недостаточность которой опять-таки первыми почувствовали преподаватели, в среде которых постепенно сложилось убеждение, что «в настоящий момент предложенная в программах структура вузовского курса исторического материализма не может способствовать выработке должного представления о целостном характере общественного развития» [49, с. 57], т. е. выполнению нашей наукой своей основной познавательной задачи. В этом плане «всякому, кто знаком с программами и учебными пособиями по историческому материализму, не может не броситься в глаза, что категории... в них не обусловливают друг друга, а просто внешне соседствуют. С этими связана их частая перетасовка. Категории... располагаются то в одном порядке, то в другом, но каждый раз этот порядок является чисто внешним. Все это говорит о том, что хотя реальные связи между категориями исторического материализма и существуют, однако они далеко еще не выявлены, не раскрыты. И раскрытие этих внутренних связей является одной из самых важных задач, стоящих перед специалистами» [262, с. 45].

Таким образом, из сказанного можно сделать вывод, что настойчивые попытки раскрыть объективную системную связь между категориями исторического материализма вызываются прежде всего обстоятельствами дидактического порядка, потребностями преподавания общесоциологической теории марксизма. Справедливость такого вывода несомненна. Безусловно, должно сознавать, что объективная логика развертывания категорий исторического материализма и логика его преподавания как учебной дисциплины в известной мере автономны. Тем не менее педагогический процесс может быть по-настоящему успешным, основанным на понимании, а не на заучивании материала лишь в том случае, если переход от одной темы к другой учитывает объективную связь категорий и основывается на ней.

Однако следует ли из сказанного, что проблема систематизации категорий исторического материализма является, по существу, проблемой «вузовской» науки, к которой вынужденно обращаются педагоги, в то вре-

мя как для специалистов, не связанных с преподаванием, эта проблема не имеет практического значения? Представляется, что развитие исторического материализма в последние годы дало ясный ответ на этот вопрос, показав, что знание и сознательное использование принципов категориальной организации науки выступают ныне необходимыми условиями правильного решения любых содержательных проблем.

В ранее изданной монографии «Концептуальная природа исторического материализма» мы уже пытались рассмотреть особую проблемную ситуацию, ныне сложившуюся в нашей науке и создавшую сильнейшие «онтологические» стимулы к интенсивной разработке ее понятийной структуры [208, с. 34—47]. Речь шла о специфических проблемах, вставших перед теорией в результате значительного усложнения социального процесса, связанного с существенной перестройкой структурно-функциональных связей, которые характеризуют общество как сложнодифференцированную систему, развивающуюся, по словам К. Маркса, «в направлении целостности» [1, т. 46, ч. I, с. 229]. Этот процесс, как известно, имел своим начальным пунктом структурно-функциональный синкретизм первоначальных социальных объединений, когда институализированные сферы общественного производства (сферы общественной жизни) существовали лишь потенциально, представляя собой организационно несамостоятельный момент некоторой «моносферы», строение которой определялось, по существу, потребностями материального производства. Дальнейшее развитие в указанном направлении было связано с «эмансипацией» сфер производства человека, социального управления и духовного производства, выделившихся из материально-производственной организации и получивших возможность обратным порядком влиять на нее в качестве относительно самостоятельных образований. Наконец, современный этап развития связан с новой формой организационного синтеза сфер, осуществляющегося в виде их композиционного взаимопроникновения, при котором сохраняющиеся границы сфер теряют ранее присущую им очевидную выделенность.

В названной монографии показано, что указанное обстоятельство ставит исторический материализм перед необходимостью существенного уточнения важнейших

вопросов, которые казались окончательно решенными. Речь идет прежде всего о сердцевинных проблемах, так или иначе связанных с решением основного вопроса социальной фнлософии. Так, взаимопроникновение сфер материального и духовного производства, осуществляемое в форме превращения науки в непосредственную производительную силу создания необходимых «вещных функций», заставило ученых рассмотреть под новым углом зрения универсальный принцип первичности общественного бытия перед общественным сознанием, закон определяющей роли материального пронзводства в обществе. К тем же последствиям привела фнксация структурно-функциональной «диффузии» социального управления, проникающего в сферы общественной жизни, целостное развитие которых ранее не поддавалось сознательной регуляции. В паллиативной форме этот процесс характеризует развитие капиталистических стран (где сохраняется глубинная причина стихийности в виде частной собственности и порождаемого ею антагонизма социальных интересов); он свойствен и развивающимся странам, получившим ныне беспрецедентную возможность выбора модели формационной ориентации (в лице соцналистического или капиталистического пути развития). Однако с субстанциональной полнотой названная тенденция проявляется лишь в жизни социалистического общества, что ставит перед учеными сложнейшую проблему — «совместить выработанный историческим материализмом объективный подход к общественному развитию как естественноисторическому процессу, подчиненному не зависящим от воли и сознания людей законам, с признанием того факта, что социалистическое общество строится сознательно, планомерно, что оно не может ни возникнуть, ни совершенствоваться без сознательной, целенаправленной деятельности людей» [94, с. 11]. В этом плане стаиовится иеобходимым, к примеру, совместнть понимание категории материальных производственных отношений, которые складываются, не проходя через сознание людей, с фундаментальным фактом, что соцнализм является первой в истории формой общественного устройства, которая не только со стороны своей политико-юридической надстройки, но и со стороны базиса возникает не стихийно, но в результате осознанной деятельности народных масс. Столь же актуальной становится задача уточнения са-

мого смысла структурно-классификационных категорий базиса и надстройки, различие между которыми теряет свою наглядность в условиях, когда «планомерная организация хозяйственной жизни является не внешним по отношению к экономике фактором, а имманентной характеристикой общественного производства», поскольку «любой собственник средств производства, в том числе и собственник в лице государства, призван выполнять определенные прямые экономическне функции, необходимые для воспроизводства отиошений, иначе он перестанет быть собственником» [115, с. 17, 88]. (Именно эти соображения вынуждают ученых, отождествляющих различие базиса и надстройки с различием сфер общественной жизни, утверждать, что социалистическое государство «нельзя целиком и безоговорочно отнести к базису или иадстройке» [Там же, с. 24]).

Названные проблемы стали объектом острейших дискуссий, в ходе последних ученые стремились выработать непротиворечивое понимание важнейших категорий, от которых непосредственно зависит правильное понимание процессов современной истории. Однако уже на первых порах выявились трудности, причины которых состояли не в незнании специалистами каких-то фактов социальной действительности, но, скорее, в нечетком понимании принципов теоретической интерпретации, концептуального видения этих фактов, объективно свойственных теории исторического материализма. Источником сложностей и противоречий была и остается недостаточная системность социологического мышления ученых, при которой нарушалось известное методологическое требование, сформулированное В. И. Лениным: «Каждое понятие находится в известном **отношении**, в известной связи со *всеми* остальными», в силу чего условием их понимания является понимание взаимозависимости всех понятий, их переходов из одного в другое [5, т. 29, с. 179]. Ратуя за преодоление «неоднозначности и односторонности» в пониманни фундаментальных категорий, ученые на практике убедились в том, что научная ценность понятий «зависит не только от того, насколько в них отражены моменты, стороны, свойства социальной действительности. Категории, изолированные друг от друга, «не работают». Необходимо установить отношение между ними, раскрыть их теоретическую взаимосвязь» [216,

с. 5]. Стало ясно, что «категории должны раскрываться как последовательные звенья познания социального целого, а понимание содержания каждой категории зависит от ее места и роли в общей цепи взаимосвязи категорий» [316, с. 3].

Таким образом, в науке сложилась одна из тех поворотных ситуаций, когда «обращение к фактическому материалу не может разрешить возникшего спора. В таких случаях необходимо обратиться к анализу категориальной структуры научного мышления, выяснить, правильно ли категории используются, применяются ли они для решения того класса задач, который соответствует их природе, не привносится ли в понимание их взаимосвязи таких соотношений, которые им чужды, и т. д.» [23, с. 5]. Решение этой задачи означает преодоление той стадии становления научного знания, когда «концепция может существовать, а логическая ее структура, принципы ее построения, место каждой категории, входящей в нее, могут быть при этом не ясны, не изучены, и в этом смысле система категорий науки не осознана, то есть как осознанная и исследованная она не существует» [112, с. 38][1]. Именно в настоящий момент исторический материализм, столкнувшись с новой реальностью, постоянно проверяющей его на «логическую прочность», претерпевает своеобразный переход от «теории в себе» к «теории для себя» — он стремится устранить любую неясность, любую приблизительность в вопросах собственной категориальной организации, которые ныне могут быть вызваны лишь «недопониманием» реальных системных опосредований социального процесса и в свою очередь вызывают прямые онтологические ошибки.

Сказанное в достаточной степени раскрывает практическую значимость последовательной систематизации категорий общесоциологической теории марксизма, от чего непосредственно зависит эффективность объяснения и предвидения ею современных общественных про-

---

[1] Подобное состояние является естественным для начальных этапов развития науки, закладывающих ее системообразующие постулаты, объективные связи между которыми могут известное время оставаться неявными, уточняясь в дальнейшем, когда «потребности усложняющейся социальной практики и дальнейшего прогресса самой науки неизбежно актуализируют... проблему систематизации категорий» [113, с. 3—4].

цессов, и прежде всего процессов, характеризующих дальнейшее развитие социалистического общества. Особое значение решение этой проблемы приобретает в настоящий момент, когда XXVII съезд КПСС взял курс на всемерную интенсификацию общественного развития, теоретическим условием которой является глубокое понимание принципов системной организации социалистического образа жизни. В условиях, когда «многогранные задачи ускорения, его взаимосвязанные аспекты... нуждаются в дальнейшем глубоком и всеобъемлющем анализе» (6, с. 84—85), осмысливаемая учеными система категорий исторического материализма «должна послужить своеобразной моделью жизни общества, отражающей всю сложнейшую систему взаимосвязей и взаимодействия различных сфер и компонентов общественной жизни. Она должна нацеливать ученого социального профиля на всестороннее и глубокое рассмотрение процессов, присущих обществу развитого социализма, взятых в единстве всех их существенных аспектов, связей и отношений» [287, с. 20].

Последовательная систематизация категорий исторического материализма представляет собой сложнейшую проблему, которая может быть решена лишь совместными усилиями многих ученых. В настоящей монографии мы ограничиваемся стремлением выяснить некоторые общеметодологические принципы такой систематизации путем восхождения от абстрактного к конкретному и рассмотреть его начальные этапы, на которых исторический материализм еще не выходит за рамки исследования всеобщих законов социального процесса, закладывая при этом необходимый фундамент дальнейшей исторической (формационной) конкретизации выработанных определений. Однако и эти этапы категориальной систематизации не могут быть рассмотрены нами во всей их полноте. Данное исследование сведено главным образом к анализу процессов выделения субстанциональной категории науки, «элементарной клеточки» изучаемой ею реальности, законов перехода к ближайшему «надклеточному» образованию в лице коллективной «деятельности как взаимодействия». Процесс дальнейшего движения к сущностному определению общественного производства и далее институциональным формам его осуществления в лице сфер общественной жизни рассмотрен схематически в заключительном разделе.

Ее написание было значительно облегчено появлением в последние годы ряда фундаментальных трудов по историческому материализму, в которых определенный метод системного изложения категорий сочетается с их содержательной разработкой. Это обстоятельство превращает данные работы [130, 155, 196, 197], помимо прочего, в ценные учебные пособия, по которым возможно непосредственное изучение категориального содержания исторического материализма. Естественно, в данной монографии подобная задача не ставилась. Анализ категорий исторического материализма проведен в ней главным образом в методологическом ключе, с акцентом на принципы их системной интеграции. Конкретные проблемы науки рассматриваются в содержательном, а не категориальном ракурсе лишь при наличии существенных разногласий в их постановке и интерпретации, вызванных сугубо методологическими причинами — в том случае, когда эти разногласия вытекают из «недостаточной осознанности основных принципов формирования системы категорий исторического материализма» [316, с. 42].

Считая основным способом категориальной систематизации науки разработанный и неоднократно использовавшийся основоположниками марксизма метод восхождения от абстрактного к конкретному, мы начнем свое исследование с необходимых характеристик этого метода.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Знакомство с литературой по интересующей нас проблеме показывает, что нередко попытки ученых дать адекватную систематизацию категорий науки ограничиваются главным образом их классификацией, выделяющей особые группы родственных понятий, которые отражают различные уровни и аспекты, тематическое многообразие исторического материализма. При таком подходе категории берутся как уже «готовые», ставшие, без учета их генетических связей, взаимопереходов, отражающих процессуальный характер теории. Вместе с тем диалектический подход с присущим ему пониманием внутренней связи между принципами системности и развития обязывает нас считать важнейшим условием воссоздания категориальных связей науки учет ее концептуального самодвижения, которое состоит «в смене, взаимозависимости *всех* понятий, в *тождестве их противоположностей,* в *переходах* одного понятия в другое, в вечной смене, движении понятий...» [5, т. 29, с. 179]. Лишь в этом случае классификация категорий становится их систематизацией и именно в последней находит свое теоретическое обоснование. «*Движение* научного познания — вот суть» [Там же, с. 79] — в этих словах В. И. Ленина резюмирован основной принцип диалектической логики, имеющий универсальное значение для методологической рефлексии любой науки. Прямой рекомендацией для исследователей понятийной организации исторического материализма звучит известное ленинское положение: «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*), исходя из простейших основных» [Там же, с. 86].

Ясно, что такое выведение имеет свои объективные законы, которые основоположники марксизма связывали с принципом восхождения от абстрактного к конкрет-

ному, рассматривая его одновременно как «правильный в научном отношении» способ развития познания [1, т. 46, ч. I, с. 37], создания категориального аппарата теории и как метод рефлексивного изложения уже созданной понятийной системы, универсальный «метод изложения ... диалектики вообще» [5, т. 29, с. 318]. Исходя из такого понимания, рассмотрим основные законы восхождения от абстрактного к конкретному применительно к задачам категориальной систематизации исторического материализма.

§ 1. Принцип восхождения от абстрактного к конкретному и основные направления дифференциации категориального аппарата исторического материализма

Казалось бы, накопленный марксистской теорией опыт использования метода восхождения от абстрактного к конкретному исключает необходимость специально обосновывать правомерность его применения к теории исторического материализма. Вместе с тем отношение к этому методу со стороны многих специалистов все еще остается двойственным. До тех пор пока восхождение от абстрактного к конкретному рассматривается как общий принцип диалектической логики, вне связи с анализом конкретных концептуальных систем, практически все ученые признают его ценность и научную значимость. Как правило, никто не возражает против понимания восхождения как «системы основных положений материалистической диалектики, переформулированных в познавательные предписания» [292, с. 73], как логического аналога «принципа развития в его применении к задаче построения науки и ее систематического изложения» [148, с. 29] и т. д. Тем не менее признание этого принципа де-юре не мешает ряду ученых излагать понятийное содержание исторического материализма в противоречии с его элементарными требованиями.

Прежде всего это касается выбора начального пункта целостного изложения нашей науки. До последнего времени практически все работы, стремившиеся дать такое изложение, начинали его с сердцевины нашей концепции — фиксации детерминационных зависимостей общественной жизни как естественноисторического процесса, в котором доминирующую роль играют матери-

ально-производственные факторы. Вндимо, такое изложение, стремящееся с самого начала раскрыть существо революционного переворота во взглядах на общество, совершенного основоположниками марксизма, может считаться оправданным с дидактической точки зрения. При этом следует заранее учесть тот факт, что значительная часть преподносимого материала будет приниматься слушателями «на веру», усваиваться в качестве мировоззренческой аксиомы, поскольку осознать реальное содержание центральных категорий социально-философского материализма (отнюдь не являющихся «линейным продолжением» общефилософских установок) сразу совершенно невозможно. К пониманию таких сложнейших категорий, как «общественное бытие и общественное сознание», «базис и надстройка», «общественно-экономическая формация» и других, можно прийти лишь путем последовательного рассмотрения более простых, опосредующих их определений, раскрывающих субстанциональную природу социального процесса, его организационных факторов, детерминационные связи между которыми фиксирует материалистическое понимание истории. Соответственно дидактически допустимая процедура «педагогического начала» не должна превращаться в метод концептуальной реконструкции системных связей развивающейся науки, что явно противоречит методу восхождения от абстрактного к конкретному, превращая сложнейшие определения теории в беспредпосылочные постулаты.

Тем не менее именно такая процедура до сих пор практикуется в некоторых моделях категориальной систематизации исторического материализма и зачастую рассматривается их авторами как «строго научная» альтернатива «схоластическим» поискам исходной абстракции науки, «клеточки» изучаемой ею реальности и пр. Привычка «педагогического видения» исторического материализма, как мы увидим ниже, вызывает у некоторых ученых опасение, что, осуществляя категориальную систематизацию науки с фиксации наиболее абстрактных проявлений социального процесса, мы чуть ли не ставим под угрозу материалистическое понимание истории. Они требуют для марксистского учения такого изложения понятий, которое сразу заявило бы категориальный смысл материалистического воззрения на общество (не учитывая, что такое требование

идет вразрез с фундаментальными законами движения научного знания, в соответствии с которыми К. Маркс начинал систематическое изложение политической экономии буржуазного общества вовсе не с тайн прибавочной стоимости, так как понимал, что, «в отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» [1, т. 13, с. 43]).

Весьма непростой вопрос о связи логического начала нашей науки с идеей материализма в социологии будет подробно рассмотрен в дальнейшем. Пока же зафиксируем нередко встречающиеся в литературе отказ от принципа восхождения от абстрактного к конкретному, стремление противопоставить ему иные способы понятийной организации исторического материализма и зададимся вопросом: чем вызвано столь существенное расхождение мнений по вопросу, давно решенному классиками марксизма, давшими как методологическое обоснование принципа восхождения, так и блестящие образцы его практического применения?

Отвечая на этот вопрос, следует прежде всего отметить, что многих ученых смущает тот факт, что способ изложения исторического материализма, принятый основоположниками марксизма в «Немецкой идеологии» и других работах, далеко не во всем соответствует принципам восхождения, последовательно проведенным в «Капитале». Отсюда делается вывод, что метод восхождения от абстрактного к конкретному не имеет универсального значения для науки и его применение в «Капитале» объясняется концептуальными особенностями политэкономии, которых лишена теория исторического материализма [1].

[1] Иногда подобные рассуждения имеют в виду не метод восхождения, взятый в целом, но какую-либо из составляющих его процедур. К примеру, В. А. Демичев в целом признает действенность метода восхождения, считая, что изложение исторического материализма «неизбежно должно, подчиняясь законам мышления, идти от простого к сложному, от скрыто конкретной абстракции к системе абстракций» [114, с. 10]. При этом, однако, он оспоривает универсальный характер логической процедуры вычленения наряду с исходной категорией науки, также и «элементарной клеточки» изучаемой ею реальности. «Конечно, — пишет он, — возможно, что анализом зафиксированной «клеточки» предмета исследования и начинается развертывание теоретической системы. Но может быть, это не обязательная научная норма?.. На каком основании иногда молчаливо полагается, что любая наука должна иметь свою «клеточ-

Признавая различия в характере изложения историко-материалистической и политико-экономической концепций марксизма, мы полагаем, что эти различия объясняются причинами, вовсе не ставящими под сомнение универсальность применения процедур восхождения от абстрактного к конкретному. На самом деле речь должна идти о различной степени развитости названных концепций, проявляющейся в том, что логика «Капитала» суть логика рефлексивного изложения уже *созданной* теории, в то время как в «Немецкой идеологии» воплощена не более чем логика *создания* науки, переходящей от выработки первоначальных абстракций ко все более полному концептуальному отображению объекта. С самого начала этот процесс представляет собой восхождение от абстрактного к конкретному в мышлении, выступающему как «синтез многих определений, следовательно, единство многообразного» [1, т. 12, с. 727]. Вместе с тем нельзя не видеть, что реальное развитие науки, разрабатывающей свой категориальный аппарат, может отклоняться от «чистой» логики восхождения, характеризоваться логическими отступлениями или, напротив, внезапными скачками вперед, основанными на научной интуиции. Следует учитывать, что наука развивается отнюдь не по прямой линии, но по спирали, постоянно возвращаясь к одним и тем же тезисам, которые, сохраняя свое объективное место в системе категориальных связей, в то же время меняют форму своего концептуального существования, превращаясь из гипотез в доказанные постулаты и пр. Соответственно изложение теории, представляющее собой,

ку»? Имеются ли для такого предположения серьезные научные аргументы?» [Там же, с. 9]. Отвечая на поставленные вопросы, В. А. Демичев приходит к выводу, что установление К. Марксом экономической «клеточки» буржуазного общества объясняется тем фактом, что предметом политэкономии являются «бестелесные» производственные отношения между людьми, для которых важно найти соответствующую форму «материализации», воплощения в чувственно воспринимаемом предмете, каковым выступает товар. Что же касается исторического материализма, то он в отличие от политэкономии исследует общество, которое изначально представляет собой чувственно-конкретную материальную систему. Имея такую исходную категорию, исторический материализм соответственно не нуждается в том, чтобы «искать для анализа этой целостности еще какое-то воплощение в некоей «клеточке» [Там же, с. 10]. Ниже мы постараемся показать методологическую ошибочность такого подхода к логической процедуре, составляющей важное неотъемлемое звено восхождения от абстрактного к конкретному.

по сути дела, первоначальную разработку ее понятийного содержания, следуя магистральным путем восхождения от абстрактного к конкретному, способно в частностях нарушать его последовательность, не подчиняться всем формальным требованиям этого метода. Вместе с тем такая «свобода» заканчивается сразу, как только потребности дальнейшего развития теории начинают предъявлять особые требования к ее категориальной «оснастке» — требования последовательной систематизации понятий, полного осмысления вчерне установленных между ними логических связей. Этот новый этап развития, охарактеризованный нами выше как переход от «теории в себе» к «теории для себя», предполагает новую форму рефлексивного изложения, дающего систематику категорий в их генетической зависимости, условием чего является пунктуальное выполнение всех требований восхождения от абстрактного к конкретному.

Таким образом, известные «отклонения» от метода восхождения в изложении классиками основ материалистического понимания истории объясняются не принципиальной невозможностью последовательной методологической рефлексии в историческом материализме, а определенной неравномерностью развития отдельных составных частей марксистского учения, в силу которой сложнейшая задача категориальной систематизации не получила в них одинаково глубокой разработки.

В нашей науке признан тот факт, что классики марксизма «не оставили работ, в которых было бы осуществлено последовательное выведение всех категорий исторического материализма и в которых все понятия этой науки были бы представлены в их органической взаимосвязи» [316, с. 19]. Не останавливаясь на этом вопросе специально, следует упомянуть, что более высокая степень методологической рефлексии в экономических работах К. Маркса, последовательное использование в них всех требований метода восхождения объясняются прежде всего тем, что революционные открытия марксизма в области политэкономии были совершены в рамках концептуально оформившейся дисциплины, накопившей за полтора столетия существования достаточные представления о предмете и методах своего исследования. Более того, буржуазные политэкономы, явившиеся предшественниками К. Маркса, в целом уже завершили начальный этап развития науки от чувственно-

конкретного к абстрактному, выработав исходные понятия теории, послужившие для создателя «Капитала» исходным пунктом восхождения [1, т. 13, с. 38—39].

Иначе обстояло дело с разработкой классиками теории исторического материализма. Несмотря на то что в предшествующих марксизму философских системах содержался ряд блестящих догадок, несомненно повлиявших на становление материалистического понимания истории, невозможно утверждать, что последнее развилось на сколько-нибудь прочном фундаменте концептуально сложившейся науки. В данном случае основоположникам марксизма пришлось наряду с онтологической разработкой сложнейших социально-философских и социологических проблем общественного развития практически с самого начала очерчивать предметную специфику и категориальную структуру созданной ими общесоциологической теории. Неудивительно, что эта проблема была решена в общих чертах; при этом методологические принципы мышления, которыми руководствовались классики, не рассматривались ими специально, что связано с объективными законами становления науки, со спецификой познавательных задач, характерных для начальных этапов такого становления. Тем не менее многочисленные характеристики метода восхождения от абстрактного к конкретному не оставляют сомнений в том, что если бы классики успели решить задачу систематизации категорий исторического материализма, они решили бы ее именно методом восхождения, выступающим как единственно правильный способ создания и рефлексивного изложения науки[2].

[2] Объективное единство этих аспектов восхождения обусловлено тем, что «логические категории развиваются в познании, вместе с познанием и как стороны, моменты познания. Следовательно, логические категории должны рассматриваться в той последовательности и в том расчленении, в каких они появляются в развивающемся знании» [70, с. 14]. Вместе с тем такое единство не реализуется автоматически. Если развитие науки осуществляется в целом в виде восхождения независимо от воли и желания ученых, то способ изложения уже полученных результатов выбирается ими. Это не означает, что таких способов, могущих обеспечить логически непротиворечивую систематику категорий, может быть несколько. В отличие от классификации понятий, которая может осуществляться по разным основаниям, их систематизация, стремящаяся избежать доказуемых ошибок, не может отклоняться от правил восхождения. Наличие подобных отклонений (если речь не идет о преподавании науки) свидетельствует о неправильном понимании ученым важных проблем методологической рефлексии науки.

К этому мнению в последнее время склоняется все большее число специалистов, работающих над проблемами категориальной организации исторического материализма. Подтверждение сказанному — материалы Всесоюзного координационного совещания по теме «Проблемы структуры исторического материализма и систематизации его категорий» (Москва, 1980). Большинство участников, принявших участие в обсуждении основного доклада, выразили согласие с позицией Ю. К. Плетникова, утверждавшего, что систематизация категорий науки должна непременно учитывать тот факт, что «нахождение элементарных форм предмета исследования, выработка простейших абстракций всегда предвосхищали возникновение целостных теоретических систем. Само же теоретическое знание развивалось и систематизировалось путем восхождения от абстрактного к конкретному. Диалектико-материалистическое обоснование и классическое применение этого метода в «Капитале» К. Маркса открыли новые страницы науки» [227, с. 2].

И тем не менее согласие многих ученых в вопросе об основном методе построения категориального аппарата исторического материализма отнюдь не означает полного единства предлагаемых содержательных способов решения этой проблемы. В действительности между учеными существуют серьезные разногласия по вопросу о начале, последовательности, основных этапах восхождения. Давая самую общую характеристику применения метода восхождения в историческом материализме, подчеркнем, что существующие разногласия вызываются как сложностью понятийной системы науки, так и сложностью самого метода, которая не всегда в должной мере учитывается исследователями. Напротив, ученые, скептически относящиеся к его возможностям, нередко убеждены в том, что метод восхождения является слишком «простым» способом решения сложнейших задач категориальной систематизации, считают, что для их решения совершенно недостаточно «найти «исходную категорию», «клеточку», указать на ряд философских принципов и основоположений, которым необходимо подчиняться при ее развертывании в систему, и таким, в общем, несложным способом подключиться к разработке фундаментальной теоретической проблемы» [154, с. 117]. При таком подходе восхождение от абстрактного к конкретному нередко рассматривается

как попытка «нанизать» все категории исторического материализма на одну нить, «выстроить их в шеренгу», представить как однопроектные определения, выводимые непосредственно одно из другого. Отсюда делается вывод, что метод восхождения представляет собой в лучшем случае один из частных, подчиненных приемов систематизации категорий, «абсолютизация» которого извращает природу исторического материализма как многоаспектной и многоуровневой концепции с отнюдь не «точечной» логикой развертывания ее понятийного содержания.

В действительности, однако, речь должна идти не о «простоте» метода восхождения, а о его заведомом упрощении исследователями, не принимающими во внимание реальное содержание составляющих его процедур. Прежде всего не учитывается тот факт, что «взаимосвязь последовательно излагаемых категорий вовсе не всегда будет выведением из одной — предшествующей — категории другой — последующей» [114, с. 10]. В этом плане последовательное применение метода восхождения предполагает, как мы увидим ниже, непременное выведение *всех* законов и категорий науки из *одного*, субстанционального определения ее объекта, но отнюдь не непременное выведение каждого понятия из каждого, «соседствующего» с ним. К примеру, на определенном этапе восхождения теория исторического материализма, установив сущностно рефлектированное определение общественного производства, приступает к рассмотрению явлений этой сущности, переходя от одного к другому с учетом меры существенности таких явлений. При этом становится совершенно ясно, что между материальным производством, производством человека, «форм общения» субъектов и духовным производством не могут быть установлены отношения «непосредственной выводимости», связи «простого», переходящего в «сложное». Однако отсутствие подобной возможности отнюдь не свидетельствует о «неприменимости» метода восхождения к анализу подобных зависимостей; напротив, их раскрытие является реализацией имманентных принципов метода, содержательное рассмотрение которых будет осуществлено ниже.

Пока же отметим, что в своем реальном содержании метод восхождения от абстрактного к конкретному не только не противоречит потребностям объемного, много-

стороннего анализа общества, но является единственным способом его проведения. Прежде всего сказанное касается процедур аспектного изучения объекта, фиксирующих разные «срезы» его системной организации. К примеру, одним из оснований понятийной дифференциации нашей науки (как и всякой теории, анализирующей сложноорганизованные объекты со способностью саморазвития) является различие таких относительно самостоятельных проекций системной организации общественного процесса, как структурная, функциональная и динамическая. Первая из них, как известно, связана с необходимостью установления структурно выделенных образований, на которые членится общественное устройство: от обладающих наибольшей автономией подсистем до элементов как наиболее простых, далее неделимых (в рамках данной субстанциональной определенности) единиц. В этом аспекте исследования выделенные образования рассматриваются методом изолирующей абстракции, в отвлечении от существующих между ними детерминационных опосредований. Последние становятся объектом анализа в рамках функционального подхода, осуществляющего уже не дифференциальный, но интегральный подход к обществу как «живому» целому. Задачей функционального анализа является установление механизмов, поддерживающих такую целостность, которая создается особым взаимодействием структурно выделенных образований. Наконец, динамический аспект общесоциологического анализа позволяет установить всеобщие, исторически постоянные, действующие на всем протяжении существования общества (или определенного общественного типа) механизмы его развития и совершенствования, выделить те явления общественной жизни, от которых исходит постоянный импульс к изменению социальной организации.

Конечно, в реальной действительности выделенные типы опосредований социальной системы органически взаимосвязаны, обусловливают и «взаимопродолжают» друг друга, что препятствует попыткам найти в понятийном аппарате социологии «чисто» структурные, функциональные или динамические законы и категории. Это, однако, не является препятствием к обособлению указанных аспектов анализа социального процесса, который, поворачиваясь к науке разными гранями, сущест-

венным образом влияет на ее концептуальную дифференциацию, выделение в ней особых групп определений, связанных между собой отнюдь не «ниточной» зависимостью.

Указывая на это обстоятельство, важно в то же время понимать, что связь между выделенными аспектами социологической теории может и должна рассматриваться как одно из проявлений закона восхождения от абстрактного к конкретному в познании. В процессе такого восхождения, как будет видно ниже, любое сущностное определение объекта, до того как будут установлены свойственные ему явления и действительность, рассматривается путем последовательного движения от наиболее простых структурных характеристик «чистой» сущности к ее более сложным функциональным и динамическим признакам. Именно о таком развитии теории писал, в частности, Ф. Энгельс, характеризуя метод восхождения, применеиный К. Марксом в его исследованиях буржуазной экономики: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отиошеиие мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс, который происходнт только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто устаиовлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.» [1, т. 13, с. 497—498]. Нетрудно видеть, что рассмотрение сторои отношения *в отдельности* есть не что иное, как структурный анализ исследуемого объекта; следующее за ним изучение *взаимодействия сторон* соответствует принципу фуикционального подхода; наконец, исследование способов, которымн *разрешается* составляющее

природу данного объекта *противоречие,* ведущее к его превращению в новый объект, есть завершающее данный виток анализа динамическое рассмотрение объекта [3].

Таким образом, мы видим, что метод восхождения от абстрактного к конкретному оказывается достаточно «сложным» для того, чтобы в полной мере осмыслить такое комплексное явление, как аспектную дифференциацию теории, меняющей «угол зрения» на остающийся неподвижным объект. Вместе с тем аспектная дифференциация, как известно, отнюдь не исчерпывает собой концептуальную многомерность теории исторического материализма, включающей в себя не только различные аспекты, но и *уровни* теоретического исследования (выделение которых связано с изменчивостью объекта, порождающей таксономическую вариативность его форм). Возникает вопрос: является ли метод восхождения от абстрактного к конкретному достаточным логическим средством, позволяющим учесть также и этот план категориальной дифференциации нашей науки?

Отвечая на поставленный вопрос, подчеркнем, что историческая изменчивость объекта самым существенным образом сказывается не только на историческом материализме, но и на концептуальной организации об-

---

[3] Еще раз подчеркнем, что речь идет об отношениях логической последовательности между взаимополагающими определениями, существование которых «порознь», в отрыве друг от друга невозможно. Так, рассуждая о логической исходности структурного подхода, дающего самую бедную в содержательном отношении первичную дифференциацию структурных образований общества (без установления которых беспредметно теоретическое исследование законов его функционирования и развития), следует учитывать, что в действительности структурное расчленение элементов, компонентов и подсистем исходит из неоднозначности их функционального статуса в системе, что исключает суждения об абсолютном первенстве структурного анализа. Необоснованно также утверждение абсолютной первичности структурно-функционального подхода перед динамическим, не учитывающее факт диалектического тождества структурно-функциональных и динамических связей, принципа структурности и принципа развития. Тем не менее сказанное не препятствует социологии рассматривать логическое движение от структурных определений к функциональным и далее динамическим как проявление механизмов восхождения от абстрактного знания объекта к конкретному; следует лишь учитывать, что такая последовательность движения науки с разной «чистотой» проявляется в ходе ее реального становления и в ходе рефлексивного изложения ее категориального содержания.

ществознания, взятого в целом. Известно, что естественные науки, как правило, сталкиваются с ситуацией, когда «реальный объект исследования остается тем же самым в буквальном смысле этого слова, а наука о нем (понимание его) развивается достаточно быстро... в такие исторические сроки, за которые предмет сам по себе измениться хоть сколько-нибудь существенно не успевает» [129, с. 244]. В случае же с общественными науками объект «развивается достаточно быстро, так что последовательные стадии его исторической зрелости сменяют одна другую, иногда даже на глазах одного поколения... Развивается не только знание, не только система понятий («концептуальный объект»), но и реальный предмет этого знания, исторически конкретное целое» [129, с. 244—245]. Это обстоятельство чрезвычайно усложняет процедуры восхождения от абстрактного к конкретному, заставляя науку соотносить диалектику простого и сложного в фиксированном объекте с диалектикой его различных состояний, обусловливающих и подготавливающих друг друга. Перед теорией встают непростые проблемы соотношения логического и исторического, образцом решения которых является «Капитал» К. Маркса, доказавшего, что, несмотря на все трудности, метод восхождения остается той «единственно возможной логической последовательностью, которая только и позволяет отразить (воспроизвести, репродуцировать) в движении понятий объективный процесс саморазвития исследуемого объекта» [Там же, с. 237].

Хорошо известно, что одно из важнейших отличий логики «Капитала» К. Маркса от метода «Науки логики» Гегеля состоит в том, что «для Гегеля предмет логики отождествляется с логикой, и поскольку Гегеля интересует логика вообще, то у него не возникает логики определенного предмета. Маркс же рассматривает капитализм в качестве исторически определенного развивающегося предмета» [70, с. 20]. Соответственно в анализе капитализма различаются «во-первых, зрелый предмет, предмет, развивающийся на собственной основе; во-вторых, его становление, т. е. процесс преобразования возникшим данным целым (капитализмом) качественно отличного от него предмета, целого (предшествующей общественно-экономической формации); в-третьих, качественно отличные друг от друга предметы

как ступени (общественно-экономические формации) в процессе развития (общества)» [Там же, с. 271].

Такая диалектическая изменчивость объекта, имеющего собственную историю, условия возникновения, вынудила автора «Капитала» обратиться к методологическому осмыслению принципов концептуальной организации теории политической экономии, особым образом учесть реальные случаи несовпадения онтологического и гносеологического планов развития, свидетельствующие об относительной автономности законов концептуального движения науки и влияющие на его категориальную последовательность. Такое возможное несоответствие, существующее между процессом реального становления и развития объекта и процессом развития теории, имеет несколько аспектов проявления, специально проанализированных К. Марксом.

Прежде всего К. Маркс обращает внимание на бесперспективность попыток строить теорию путем фактографического описания действительного пути развития капиталистических отношений в Европе. «...Для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики,— отмечал он, — нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*» [1, т. 46, ч. I, с. 449]. В этом плане логическое, безусловно, не совпадает с историческим, если понимать под последним событийную последовательность исторического развития в синкретическом единстве его сущностных и второстепенных, необходимых и случайных факторов. Ясно, что такая «временная последовательность исторических явлений не может служить ориентиром для теоретического анализа их взаимоотношений в сложившейся и воспроизводящейся системе» [289, с. 231]; в этом феноменологическом аспекте соотношения исторического и логического их «несовпадение... обусловлено тем, что далеко не все явления, выступающие в качестве факторов генезиса системы, входят в необходимые условия ее воспроизводства и развития... Временная последовательность исторических явлений часто не предопределяет реальной генетической связи явлений в процессе формирования того или иного исторического образования» [Там же, с. 231].

Таким образом, фактографическое описание процесса развития, механически следующее за всеми его изгибами и поворотами, само по себе не может привести

к теоретическому пониманию этого развития, его внутренней логики. В этом плане сама необходимость возникновения объекта, закономерные этапы его развития могут быть познаны лишь методами логической реконструкции, поскольку «та подлинная историческая последовательность, которая служит прообразом последовательности категорий в системе, развиваемой способом восхождения от абстрактного к конкретному, не дана теоретику непосредственно, до и вне логического движения мысли, а только ходом такого движения и выявляется» [129, с. 246].

Вместе с тем подобное движение мысли, фиксирующее сущностные характеристики реального процесса развития объекта, в ряде пунктов также отличается от последнего. Так, излагая теорию буржуазного производства, К. Маркс не мог не учитывать, что оно возникло не в «безвоздушном пространстве», а явилось результатом долгого экономического развития, в процессе которого товарное производство превратилось из подчиненного момента в господствующий, системообразующий фактор хозяйственного механизма. В этих условиях казалось бы естественным начинать методологически рефлексивное изложение политэкономии капитализма с анализа его исторических предпосылок, обратившись тем самым к рассмотрению экономических категорий докапиталистических стадий хозяйства. Если учесть, что буржуазное производство характеризовалось К. Марксом как «наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства» [1, т. 46, ч. I, с. 42], можно было бы предположить, что именно такое начало соответствует требованию начинать с простейших определений, предъявляемому методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Вместе с тем подобный путь построения теории не был принят К. Марксом. Напротив, создатель «Капитала» пришел к выводу о характерном несоответствии между направленностью реального исторического движения от простых форм экономической организации к более сложным и последовательностью теоретического рассмотрения, в соответствии с которой анализ развитого буржуазного производства дает «возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено. Буржуазная эко-

номика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.» [Там же, с. 42]. Казалось бы, такая направленность развития познания не согласуется с принципами восхождения от абстрактного к конкретному. Однако на самом деле это не так: следует учитывать, что характеризуемое Марксом движение науки от более развитого объекта к менее развитому не имеет прямого отношения к принципам восхождения, поскольку исторически простое в данном случае не совпадает с логически простым как началом восхождения. Нельзя забывать, что метод восхождения является средством внутренней организации всякой концептуально самостоятельной теории, рассматривающей свой обособленный объект. В то же время выделенная К. Марксом закономерность познания характеризует не внутреннюю логику развития такой теории, но лишь методологическую связь между обособленными концепциями, исследующими обособленные объекты (античную, феодальную, капиталистическую экономики) с акцентом на их автономность, абстрагируясь от возможности их рассмотрения в качестве различных состояний одного и того же объекта («экономики вообще»). В этом плане автономный анализ более развитого объекта есть именно «ключ», «подсказка» для автономного исследования менее развитых объектов, которое само по себе может осуществляться лишь путем движения от простейших внутренних определений к более сложным (от простого к сложному в античной экономике и т. д.). К этому следует добавить, что знание более развитых объектов, облегчающее процесс изучения менее развитых, не является абсолютно необходимым условием последнего: ясно, что наука не может прекратить изучение налично данного объекта в ожидании, пока он перейдет в иное качество, проясняющее спорные в настоящий момент вопросы.

Сказанное, однако, не избавляет науку от необходимости концептуального осмысления реальной истории развивающегося объекта, которое является «внутренним делом» теории, когда речь идет о диалектике состояний одного и того же изучаемого ею феномена. Такое исследование находится уже в непосредственной зависимости от принципов восхождения от абстрактного к конкретному, применение которых в данном случае также выявляет существенное несовпадение исторического и логического, влияющее на категориальную организацию

науки. Так, признавая всю необходимость рефлексивного изложения процесса становления и исторического развития капитализма, К. Маркс в то же время считал, что «было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [1, т. 46, ч. I, с. 44]. В результате способом построения научной теории капитализма стал путь, при котором К. Маркс приступает к анализу «процесса рождения капитала... в главе 24 — лишь после того, как посвятил двадцать три главы логическому анализу капитала как исторически конкретного явления и как понятия, ему соответствующего» [129, с. 247]. При таком подходе исследование присущих объекту законов исторического развития является необходимым этапом восхождения от абстрактного к конкретному, которому, однако, предшествует «исследование предмета, движущегося на своей основе» [70, с. 274]. Построение логической модели ставшего объекта оказывается необходимым условием последовательной теоретической реконструкции законов смены его исторических состояний, имеющих важнейшее значение для науки[4].

В итоге концептуальный анализ буржуазного производства К. Маркс начинает таким образом, что «расположение категорий определяется местом и ролью отражаемых категориями сторон именно в уже возникшем предмете» [Там же, с. 274]. При этом используемые по-

---

[4] В марксистской литературе достаточно подробно рассмотрена «способность логического анализа настоящего (понимаемого как исторически высшая фаза развития объекта. — *К. М*) давать историческое по существу понимание этого настоящего, а через него — прошлого, т. е. реального генезиса, породившего это настоящее» [129, с. 248]. Как справедливо отмечает Э. В. Ильенков, «данная особенность логического развития понятий, способа восхождения от абстрактного к конкретному может быть объяснена и объективно оправдана лишь в том случае, если допустить, что само настоящее... в самом себе — в своем развитии — содержит свое прошлое и обнаруживает его в каком-то измененном, «снятом» виде» [Там же, с. 248—249].

нятия располагаются в полном соответствии с законами восхождения от простейших проявлений зрелой капиталистической экономики (несущих в то же время в себе ее субстанциональные признаки[5]) к характеристикам, отражающим сущность и, далее, действительность анализируемой экономики. При этом принципиальной характеристикой процесса движения понятий является тот факт, что отношения логической выводимости в данном случае устанавливаются между категориями, отражающими не диахронные, а синхронные явления и процессы, которые «имеются в исследуемом объекте... одновременно» [70, с. 276]. Это не означает, однако, что логическая последовательность развития теории полностью отрывается от реального исторического саморазвития объекта, что реализуемые в науке концептуальные связи не имеют решительно никаких коррелятов в изучаемой ею объективной действительности. На самом деле, как показано в «Капитале», характеризующие буржуазную экономику взаимополагающие, синхронно существующие явления и процессы (товар и деньги, производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости и др.) все же могут иметь, по Марксу, исторические различия, связанные с полнотой своего проявления и доминирования на генетически различных этапах капитализма. К примеру, на ранних этапах «главным, преобладающим способом создания прибавочной стоимости является производство абсолютной прибавочной стоимости и лишь позднее становится преобладающим производство относительной прибавочной стоимости» [70, с. 283]. Поэтому логика К. Маркса, идущего от абсолютной прибавочной стоимости к относительной как от простого момента ставшего целого к сложному моменту, в общем «совпадает с исторической последовательностью процессов в самом предмете. Исторически прежде всего играет решающую роль первый момент, на его основе развивается второй момент. А затем второй момент становится господствующим, и теперь уже первый момент развивается на его основе» [Там же, с. 283]. Важно лишь понимать, что та-

---

[5] В этом плане вполне убедительно обоснование В. А. Вазюлиным того факта, что «в первых главах «Капитала» товар в его существовании в качестве простого товара есть товар капиталистического, а не докапиталистического общества» [70, с. 275].

кая историческая последовательность моментов, связанная со сменой их доминации, ни на одном из этапов развития не превращает один из них в «лишний», не ведет к потере им своего статуса самостоятельного, функционально значимого момента, существующего до тех пор, пока существует включающее его целое. Раз приобретя свое капиталистическое качество, и товар, и деньги (существовавшие до капитализма в иной субстанциональной форме), и не существующие вне и помимо капиталистической организации моменты собственной структуры сопровождают этот строй вплоть до его исчезновения, частично исчезая вместе с ним (производство прибавочной стоимости во всех ее формах), частично переходя качественно иному типу экономики (товар и деньги, сохраняющиеся при социализме).

Указанный аспект соотношения исторического и логического, связанный с законами последовательного развертывания взаимополагающих друг друга определений ставшего объекта, будет рассмотрен ниже с точки зрения его реализации в социологической теории марксизма. Пока же следует отметить, что и в данном ракурсе проблемы К. Маркс отмечает возможные случаи несовпадения логического и исторического планов развития, которые должны учитываться методологической рефлексией. Так, обсуждая вопрос о возможности исторического проявления более простых определений развивающегося объекта до проявления его более развитых определений, К. Маркс полагает, что в большинстве случаев «более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого... В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» [1, т. 12, с. 728]. В то же время Маркс отмечает, что в реальной истории «имеются весьма развитые и все-таки исторически менее зрелые общественные формы, где имеют место высшие экономические формы, например кооперация, развитое разделение труда и т. д., но не существует никаких денег, например в Перу». На этом основании он приходит к выводу, что «хотя более простая категория исторически может существовать раньше более конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может быть присуща как раз более сложной

общественной форме, в то время как более конкретная категория была полнее развита при менее развитой общественной форме» [Там же, с. 729]. Ясно, что причиной подобного несоответствия логического и исторического является тот факт, что реальное развитие изучаемого объекта не во всех случаях и не во всех планах идет от простого к сложному, как это происходит с научным знанием. Вместе с тем доминирующим в развитии исторических объектов классики марксизма считали именно развитие как усложнение, что и позволило Ф. Энгельсу поставить вопрос о субстанциональном единстве исторического и логического, утверждать, что логический метод, восходящий от простого (абстрактного) к сложному (конкретному), оказывается, по сути, «тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей», дающим «отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1, т. 13, с. 497].

Таким образом, признавая метод восхождения адекватным способом организации теорий, изучающих исторически изменчивые объекты, методологическая рефлексия фиксирует то специфическое воздействие, которое подобная изменчивость оказывает на процедуры систематизации категорий науки. Указав на некоторые аспекты такого воздействия, мы полагаем, что все они имеют непосредственное отношение к теории исторического материализма.

Это касается и проблемы логического отображения реальной временной последовательности развития общества, и проблемы логического отображения диалектики становящегося и ставшего объекта (принимающей, в частности, форму вопроса о том, должно ли последовательное изложение теории начинаться с фиксации простейших определений «готового» общества или с рассмотрения процессов социогенеза, становления социальной формы движения. Именно последний путь изложения принят авторами монографии «Марксистско-ленинская теория исторического процесса», что представляется известным отступлением от отстаиваемого

авторами метода восхождения от абстрактного к конкретному). Как и политэкономия, теория исторического материализма сталкивается с проблемой логически последовательного развертывания одновременно существующих, взаимополагающих определений социального процесса, между которыми не существует и не может существовать хронологически измеряемой абсолютной первичности и т. д. Вместе с тем в силу специфики предмета наша наука в поисках систематики категорий сталкивается с особыми методологическими проблемами, создающими дополнительные трудности для методологической рефлексии.

Как известно, создавая «Капитал», К. Маркс ставил своей задачей анализ буржуазной организации производства и логически последовательное изложение полученных знаний в рамках специальной дисциплины — политической экономии капитализма. Несмотря на то что в «Капитале» достаточно широко рассмотрены иные исторические виды организации хозяйства, интересовавшие К. Маркса с точки зрения их генетической связи с капитализмом, а также историческое будущее последнего, связанное с его заменой коммунистическим способом производства, можно со всей определенностью утверждать, что предметом Марксова анализа является один из исторически существующих формационных способов производства — буржуазное производство, которое, по словам К. Маркса, «является нашей подлинной темой» [1, т. 46, ч. I, с. 21]. При этом К. Маркс не считал своей специальной задачей не только рассмотрение иных форм производства, но и анализ наиболее общих законов производства как такового, исследование категорий, отражающих тот факт, что «все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения» [Там же]. К. Маркс был весьма далек от того, чтобы недооценивать концептуальное значение теоретических представлений о «производстве вообще». Он писал: «*Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений» [Там же]. Исследованию всеобщих определений производства Маркс, как известно, посвятил специальный раздел «Экономических рукописей 1857—1859 годов». Выработанные представления широко использовались им в «Капитале» в качестве методо-

логической основы анализа буржуазного производства. Именно их методологическую роль подчеркивал К. Маркс, когда утверждал: «Определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа,— одни и те же, не были забыты существенные различия» [Там же].

Тем не менее, повторим еще раз, теория, изложенная в «Капитале», является не учением о всеобщих или формационно общих законах развития производства, но системным исследованием экономических процессов, свойственных одной, отдельно взятой формации. В этом плане предмет исследования с точки зрения своих родовидовых характеристик остается одним и тем же, хотя анализ и захватывает различные стадии его развития, которые при этом остаются все же стадиями, состояниями капитализма, а не качественно отличных от него экономических систем. В силу этого следует считать, что системная совокупность категорий, рассмотренная в «Капитале» методом восхождения от абстрактного к конкретному, представляет собой понятийное образование одного формационного уровня обобщения, не охватывающего собой всей родо-видовой специфики производства как такового.

Иначе обстоит дело с теорией исторического материализма, которая представляет собой многоуровневое концептуальное образование, предмет которого включает в себя как *всеобщие определения* социального процесса, так и *общие определения*, раскрывающие существенные социокультурные сходства между особыми группами общественно-экономических формаций. Такая многомерность понятийного аппарата общесоциологической теории специально рассматривалась нами в монографии «Концептуальная природа исторического материализма», где мы пытались показать, что основой выделения особых уровней нашей науки являются диалектика общего и особенного в социальном процессе, соотношение родовых и видовых признаков, порожденных исторической вариативностью общественных явлений. В данном случае изменчивость анализируемого объекта (общества) имеет своим концептуальным следствием членение целостной по своему предмету науки на ряд относительно самостоятельных теорий, каждая из которых рассмат-

ривает «свое общество», обладающее достаточно автономнымн, взаимодополняющими, но не взаимозаменяющимн друг друга законами организации (речь идет об «обществе вообще», изучаемом на макросоциологическом уровне обобщения, и его историческнх спецнфикацнях, составляющнх объект формационного ранга анализа [208, с. 148—179]). Выделенные уровни «надстраиваются» друг над другом так, что «переход от одной относительно самостоятельной категориальной системы к другой — это прежде всего двнжение определенной теорнн по основным ступеням обобщения нли конкретизации, это движение теоретического знания по слоям объекта, отражением которого оно является» [77, с. 51].

Сказанное означает, что в многоуровневых концепциях восхождение от абстрактиого к конкретному отнюдь не ограничнвается движеннем от элементарных определенин таксономически фиксированного объекта к его развернутой, комплексной характеристике. Возникает новая проекция восхождения, в которой поиятия абстрактного и конкретного уже не являются отражением оитологических характеристик того же по родо-видовым признакам объекта, снионимами «простого» и «сложного» в нх онтологическом измерении, но проявляют себя как гносеологические характеристики возможных способов осмысления таксоиомических спецификацнй анализируемой реальности. Соответственно в данной проекции восхождения наиболее абстрактным является уровень анализа «объекта вообще», берущий его с точки зрения наиболее общих признаков, присущих любым его историческим модификациям. Именно в этом значении понятие «абстрактное» использовалось К. Марксом, например, в категории «абстрактный труд», выработанной путем отвлечения от реальных различий действительных форм человеческого труда, сведения этих различий к «общему знамеиателю», субстанциональному определению, «надстраивающемуся» над чувственно-конкретиыми характеристиками. Конкретизацией же знания в рассматриваемом аспекте является движение от родовых признаков объекта к его видовым и индивидуальным признакам, познание объекта как целостиости, воплощающей в себе синтез общих, особенных и единичных определений. В таком поиманнн конкретное не тождественно чувственной конкретиости реально данных объектов — речь по-прежиему идет о

конкретном в мышлении, наиболее богатом содержанием знаний [6].

Итак, присущее социологической теории движение от наиболее абстрактных представлений об обществе вообще к категориям формационного анализа, представляющим собой историческую конкретизацию первых (и далее, к наиболее богатому содержанием уровню социологического анализа реальных социальных организмов), есть особый аспект восхождения от абстрактного к конкретному, отличающий концептуальную организацию «многомерных» теорий, учитывающих не только историческую изменчивость таксономически равного себе объекта, но и порожденную динамикой социального вариативность его типов, видов, форм. Возникает, однако, вопрос: соответствует ли понимаемое таким образом восхождение от абстрактного к конкретному реальному развитию научного знания? Можно ли утверждать, что научная теория развивается не только от простейших определений объекта к более сложным, но и от наиболее абстрактных уровней обобщения анализируемой действительности к более конкретным? Можно ли считать, что развитие исторического материализма начинается с выработки социально-философских и макросоциологических абстракций и лишь затем приводит к созданию формационных представлений и развитию конкретно-социологического знания?

В самом деле, реальное развитие теории на первый взгляд происходит в противоположном направлении. Вспомним критику В. И. Лениным методологически по-

---

[6] Ясно, что данный аспект восхождения от абстрактного к конкретному качественно отличен от свойственного социологии движения от менее развитого объекта к более развитому (родо-племенная общность — классовая формация), от менее развитой к более развитой стадии одного и того же объекта (социализм — коммунизм). Имея важные следствия для концептуальной организации науки, такое движение тем не менее не вызывает в ней уровневых различий: реальные генетические и функциональные связи между названными явлениями изучаются в пределах одних и тех же уровней теоретического обобщения, поскольку выражают собой взаимодействие между одноporядковыми по шкале общего, особенного и единичного таксономическими объектами. Уровневые различия возникают лишь в процессе типологического анализа таких объектов, позволяющем выделить и смоделировать объективные сходства и различия между ними и на этой основе установить всеобщие, общие и индивидуальные связи социальной организации.

рочного подхода буржуазных социологов, начинавших свои рассуждения об обществе с макросоциологических абстракций, отвлеченных от исследования конкретных исторических процессов. «Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? — писал В. И. Ленин,— значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?» [5, т. 1, с. 141].

Действительно, не вызывает сомнения тот факт, что сколько-нибудь ценные абстракции создаются в процессе таксономического анализа конкретных процессов общественной жизни и в этом плане теория начинает «с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов...» [Там же, с. 143]. Так, «конечным выводам» К. Маркса о природе капиталистического способа производства предшествовал анализ «целого Монблана фактов», эмпирических проявлений капиталистической экономики, которые изучались им на примере наиболее развитой в то время экономики Великобритании. И тем не менее это обстоятельство не может считаться доказательством в пользу генетической первичности уровней теоретического обобщения, выражающих мыслительно-конкретное, перед более абстрактными уровнями. В данном случае речь идет о генетической первичности анализа чувственно-конкретных проявлений изучаемого объекта, что составляет содержание первого из выделявшихся К. Марксом этапов развития научной теории от чувственно-конкретного к абстрактному (и в этом плане В. И. Ленин справедливо критикует схоластически-априорный подход буржуазной социологии, вырабатывавшей свои абстракции не путем последовательного обобщения социальных фактов, но путем экстраполяции на общество различных философских или естественнонаучных постулатов, превращавшей социологию в «социальную физику», «социальную биологию» и пр.). Мы же обсуждаем другой вопрос — проблему генетической зависимости абстрактных и конкретных уровней теории, уже завершившей первый этап своего развития и находящейся на втором этапе восхождения от абстрактных ко все более конкретным определениям.

Ниже мы постараемся показать, что логическим завершением первого этапа развития социальной науки является выработка субстанционального определения анализируемого объекта, «построение исходной теоретической конструкции, которая выражала бы некоторый синтез отправных абстракций... Подобная конструкция по своей методологической функции в развитии теоретического знания аналогична исходным идеализированиым объектам, которые выступают в качестве основы восхождения от абстрактного к конкретному в естественных науках» [289, с. 93]. Тем самым субстанциональное определение представляет собой наиболее абстрактную для категориальной стадии мышления характеристику исследуемого объекта, которая предшествует фундаментальному теоретическому анализу его видовых и индивидуальных модификаций. В этом плане применительно к историческому материализму можно утверждать, что фактический анализ действительной истории (в ходе которого проходили критическую проверку положения предшествующей социальной теории) первоначально привел основоположников марксизма к выработке субстанционального определения общественной жизни как деятельностного процесса, не зависящего от сознания людей, в котором определяющую роль играют факторы экономического порядка. Сформулированные первоначально как гипотезы, эти положения, распространяющиеся на «общество вообще», стали методологической основой его углубляющегося (конкретизирующегося) анализа, приведшего к открытию формационной типологии, которая и позволила осуществить подлинно конкретное, всестороннее воспроизведение в мышлении реального социального процесса и перевело первоначальные гипотезы в разряд научных истин.

Думается, что именно эту необходимость концептуального обоснования макросоциологических абстракций в процессе более конкретного формационного исследования имел в виду В. И. Ленин, когда предпосылал специальному, весьма трудоемкому в теоретическом плане исследованию законов «общества вообще» анализ конкретных общественно-экономических формаций. Такое логическое движение вполне соответствует спиралевидному развитию науки. Вначале она в процессе фактологического анализа конкретных процессов вырабаты-

вает наиболее общие абстракции[7], гипотетически выражающие субстанциональную природу объекта; затем использует их в качестве методологической основы анализа его видовой специфики; наконец, убедившись в теоретико-методологической адекватности использовавшихся гипотез, приступает к их содержательной разработке на новом уровне, качественно обогащенном уже не эмпирическим, но теоретическим знанием конкретного исторического развития объекта.

Однако последнее обстоятельство не может поставить под сомнение генетическую первичность всеобщих абстракций перед более конкретными формационными определениями. В действительности понятие «общественно-экономическая формация» никак не может предшествовать макросоциологической идее определяющей роли материального производства в жизни общества, поскольку именно эта идея логически подготавливает формационный подход к истории: представление о системообразующем факторе социальной целостности, природе субординационных связей «общества вообще» является предпосылкой исследования исторически конкретных типов последнего, в основе выделения которых лежит исторически конкретный способ материального производства. В свою очередь, открытие определяющей роли материально-производственных факторов стало возможным лишь на основе материалистического решения основного вопроса философии, поставившего общественное сознание в зависимость от объективных (материальных) факторов социального процесса (потребностей социального субъекта) — что представляет собой проблему более высокого уровня абстракции [53, 208].

Именно такая последовательность восхождения от абстрактного к конкретному, проявляющаяся в реаль-

---

[7] Фиксируя этот факт, следует учитывать уже отмечавшуюся зависимость между уровнем реального развития анализируемого объекта и возможностями его концептуального осмысления. В этом плане «наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех» [1, т. 46, ч. I, с. 41]. Соответственно «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах» [Там же, с. 42].

ном развитии науки зачастую в латентной, опосредованной форме, становится, на наш взгляд, очевидным направлением рефлексивного изложения ставшей теории, проявляясь здесь в «чистом виде». Доказательством данного положения должно послужить содержание настоящей работы — содержательный анализ последовательности категорий, к которому мы перейдем после рассмотрения общеметодологических вопросов.

Таким образом, мы считаем, что метод восхождения является для социологической теории марксизма способом познания родо-видовой специфики ее объекта, порождаемой его исторической изменчивостью, вариативностью типов, видов и форм, и соответственно способом установления логической последовательности между категориями различного уровня абстракции. В то же время этот метод остается способом последовательной систематизации понятий *в пределах* каждого из этих уровней, т. е. в «горизонтальной плоскости» соотношения абстрактного и конкретного, которая свойствена историческому материализму, как и любой одноуровневой теории, с тем различием, что в горизонтальном направлении наша теория движется не однократно, а соответственно числу имеющихся у нее рангов обобщения, поднимаясь на более конкретные ранги после того, как это движение закончилось на наиболее абстрактных. Если прибавить, что подобное «горизонтальное» движение не является в буквальном смысле плоскостным, поскольку учитывает реальное многообразие аспектов рассмотрения таксономически фиксированного объекта, нетрудно убедиться в том, что все возможные направления концептуальной дифференциации исторического материализма оказываются вполне «подвластными» методу восхождения от абстрактного к конкретному. Вместе с тем применение данного метода для последовательной систематизации категорий нашей науки сталкивается с значительными трудностями в силу сложности «внутренней механики» восхождения, основные принципы которого следует рассмотреть более конкретно, чем это было сделано до сих пор. Начнем с установления исходного пункта категориальной рефлексии науки, понимая под ним уже не исходное (наиболее зрелое) состояние объекта, но первичные определения такого состояния, с которых начинается концептуальное движение в начальной, «горизонтальной плоскости» восхождения.

§ 2. Проблема начала категориальной систематизации. Субстанциональная категория науки и исходная абстракция восхождения

Стремясь использовать принципы восхождения от абстрактного к конкретному для систематизации категорий исторического материализма, ученые обращают особое внимание на проблему начала такой систематизации. Именно в этом принципиальном вопросе выявляется существенное расхождение точек зрения, которое касается не только конкретного перечня категорий, предлагаемых на роль начала систематизации, но и общеметодологических принципов его определения. Характерно, что разногласия существуют несмотря на то, что исследователи в целом одинаково понимают само существо метода восхождения, представляющего собой переход от «категорий к категориям в той последовательности, в какой они появляются в процессе углубления познания — от непосредственного к сущности, от сущности к явлению и действительности» [70, с. 270]. Не вызывает сомнений, что именно «движение мысли от непосредственного к сущности как таковой, от нее к явлениям и затем к действительности есть «механизм» восхождения мышления от абстрактного к конкретному» [Там же, с. 21]. Такое понимание последовательности восхождения, как известно, было предложено Гегелем, который впервые в истории науки предпринял попытку «систематического рассмотрения целой науки, исходя из ее внутренних связей... изобразил в своей системе логики диалектически интерпретированное познание с точки зрения последовательности и связи обнаруживающихся в нем логических категорий» [Там же, с. 7]. Высоко оценив гегелевскую логику, В. И. Ленин резюмировал ее в следующих словах: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*,— потом развиваются понятия *качества*... (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus явления,— причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине...» [5, т. 29, с. 301]. «Таков,— подчеркивает В. И. Ле-

нин,— действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономии* и [истории]» [Там же, с. 298]. Именно такая последовательность была принята в исследованиях К. Маркса, который, по словам Ф. Энгельса, смог «взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли» [1, т. 13, с. 496—497].

Несомненная связь, существующая между методом Гегеля и последовательностью рассмотрения буржуазного способа производства в «Капитале» К. Маркса, неоднократно анализировалась в советской философской литературе. Одним из наиболее интересных исследований мы считаем монографию В. А. Вазюлина «Логика «Капитала» К. Маркса». Автор полагает, что в строении «Капитала» сохраняется деление на последовательно сменяющие друг друга этапы познания объекта, впервые установленные в «Науке логики». Соответственно первый том «Капитала» «в логическом аспекте подразделяется на учение о товаре и деньгах, что соответствует *бытию* капитала, и на учение о процессе собственно производства капитала, что соответствует *сущности* капитала» [70, с. 17]. Во втором томе К. Маркс переходит от анализа этой сущности, взятой в «чистом виде», к анализу ее явлений — процессу обращения капитала; в третьем томе исследуется «действительность капитала — единство процессов капиталистического производства и обращения» [Там же, с. 19] [8].

Таким образом, из общепринятых представлений о существе метода восхождения от абстрактного к конкретному следует, что начало такого восхождения связано с «бытием» исследуемого объекта, представляю-

[8] Естественно, такое строение объясняется отнюдь не стремлением «копировать» «Науку логики», но использованием К. Марксом ряда установленных Гегелем объективных принципов логического развития науки методом восхождения от абстрактного к конкретному (которое Маркс понимал не как онтологический процесс сотворения конкретного из бестелесных абстракций, но как способ, при помощи которого мышление усваивает себе чувственно-конкретное, воспроизводит его как духовно-конкретное).

щим собой совокупность простейших, неопределенных в своей сущности, нерефлектированных относительно нее характеристик. Вместе с тем эта констатация сама по себе недостаточна для установления искомого начала систематизации категорий и требует правильного понимания того, в чем именно состоит, относительно чего измеряется простота и неопределенность начальных звеньев восхождения.

Прежде всего методологическая рефлексия обязана учитывать тот факт, что начало категориальной систематизации отнюдь не представляет собой «абсолютное» начало восхождения в научной теории. Необходимо строго различать две несовпадающие проекции неопределенного, непосредственного в объекте, принадлежащие различным этапам развития науки и находящиеся в неодинаковой связи с задачами ее систематизации. Первая из таких проекций связана с фактическим началом научного познания, тем его этапом, на котором далекое от системности представление об объекте, непосредственно ассоциируемом с его чувственно-конкретными проявлениями, постепенно «испаряется до степени абстрактного определения...» [1, т. 12, с. 727]. В то же время данный этап развития несомненно представляет собой закономерное звено общего процесса движения от абстрактного к конкретному, характеризующего науку на всех стадиях ее существования. Современная методология решительно критикует точку зрения, полагающую, что «восхождение от абстрактного к конкретному охватывает исключительно второй этап» [70, с. 260—261] познания; показывает, что и первый этап обладает собственными законами восхождения от «простых и неопределенных», особым образом абстрактных характеристик чувственного объекта к его сущностным определениям, установление которых означает переход теории к новой, «рациональной» стадии развития.

Именно на этой стадии начинается категориальная систематизация науки, воспроизводящая в «чистом», освобожденном от флуктуаций реального познания виде логику восхождения от мыслительно-абстрактного к мыслительно-конкретному пониманию объекта. Соответственно начало рефлексивного изложения теории качественно отличается от фактического начала познания. Но означает ли это, что в поисках исходного пункта категориальной систематизации ученые могут вообще от-

влечься от первой подготовительной стадии познания? Представляется, что именно таким отвлечением вызываются многие ошибки понятийного анализа. Он не будет успешным, если не учитывает особые законы названной стадии, без изучения которых прежде всего не может быть установлена такая важнейшая логическая предпосылка категориальной систематизации, каковой является выработка *субстанционального определения* науки, завершающая ее развитие от чувственно-конкретного к абстрактному. Обоснуем сказанное, обратившись к логике «Капитала» как эталона концептуальной организации науки методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Как известно, к моменту создания «Капитала» буржуазная политэкономия достаточно продвинулась по пути перехода ко второму этапу познания, на котором объект экономической науки теряет свою исходную чувственно-конкретную форму проявления и предстает в виде не поддающегося чувственному восприятию, не содержащего в себе ни одного грана вещества, рефлексивно воспроизводимого отношения — стоимости. Вместе с тем диалектика познания, связанная с «перерождением» вещи в «общественное производственное отношение», которое только «принимает форму вещи», все еще путала буржуазных экономистов, вызывала у них, по словам Маркса, чувство «наивного изумления, когда то, что они грубо только что определили как вещь, вдруг выступает перед ними в качестве общественного отношения...» [1, т. 13, с. 21]. В этом плане абстрактные определения предшествовавшей К. Марксу буржуазной политэкономии чаще всего «находятся... еще в процессе отделения от их вещественного содержания и поэтому представляются неустановившимися и колеблющимися...» [Там же, с. 44]. Именно поэтому «Капитал» начинается со строгих определений уже выработанных буржуазной наукой на первом этапе своего развития категорий потребительной стоимости, меновой стоимости, стоимости как таковой, порождаемой субстанцией абстрактного труда. В результате собственная концепция К. Маркса, соответствующая второму этапу развития политэкономии, сохраняет в себе в снятом, преобразованном виде логику ее первого этапа, воспроизводит в «чистом виде» движение мысли от чувственно-конкретных проявлений изучаемого объекта (целостность ко-

торых пока еще *ощущается* учеными) к начальным абстракциям. Осмысливая объективную логику такой мыслительной редукции, мы видим, что она в полной мере подчиняется основным законам восхождения от абстрактного к конкретному на стадии, которую Гегель считал переходом от «бытия» объекта к его сущности.

Начиная этот раздел логики с категории *чистого бытия*, понимаемого как абсолютно-отрицательная чистая абстракция, и вследствие этого представляющего собой *ничто*, Гегель через категорию становления (единство бытия и ничто) приходил к понятию *наличного бытия*. Последнее представляет собой «бытие с некоторой определенностью, которая есть непосредственная или сущая определенность, есть *качество*» [84, с. 167]. Дальнейшее логическое развитие идет через категорию *количества* к категории меры, которая «как единство качества и количества есть, следовательно, вместе с тем завершенное бытие» [Там же, с. 185]. Результатом этого развития является установление сущности объекта (мысли), учение о «мысли в ее рефлексии и опосредствовании, о для-себя бытии и видимости, отражении понятия» [Там же, с. 142].

Ту же с логической точки зрения последовательность реализует К. Маркс, когда, реконструируя логику начального этапа развития политэкономии, «в первой главе «Капитала»... воспроизводит движение мысли от непосредственного к сущности (товара) в самых главных моментах (качество, количество, мера)» [70, с. 59]. Констатируя, что объект политэкономии капитализма «на первый взгляд... выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие» [1, т. 13, с. 13], К. Маркс показывает, что исследование реального товара осуществляется «с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества» [1, т. 23, с. 43]. Такое исследование начинается с сущностно неопределенных характеристик чувственно-конкретного товара, фиксирующих его простое качество (как «непосредственное отличие предмета от других предметов и непосредственное тождество его самому себе» [70, с. 18]); далее «мысль движется от качества к случайному, безразличному количеству», снимаемому мерой как единством количества и качества (меновая стоимость), после чего товар обретает свою сущность — стоимость [Там же, с. 19]. Последняя обнаруживается

наукой в процессе осмысления количественной эквивалентности различных по своим потребительным свойствам товарных тел, обменивающихся друг на друга. В результате долгих исследований политэкономия заключает, что их искомое общее заключено не в природных свойствах, но единственно в свойстве быть продуктами единообразного абстрактного человеческого труда, принимающего в специфических условиях капиталистического производства стоимостную форму проявления. Именно к стоимости в конечном счете сводится все чувственное многообразие продуктов труда, от которых в результате такого сведения не остается ничего «кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишенного различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме такой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражение того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости» [1, т. 23, с. 46].

Таким образом, движение от наиболее простых характеристик чувственно-конкретных проявлений капиталистической экономики к определению стоимости как стоящей за ними сущности представляет собой виток восхождения, совпадающий с переходом от первого, «чувственного» ко второму, «рациональному» этапу развития науки. Естественно, характеристика первого этапа как «чувственного» имеет в виду не использование на нем средств познания, предшествующих теоретическому мышлению (применяемой в данном случае индукции), а природу исследуемого объекта, в роли которого выступают пока реальные, открытые чувственному восприятию явления. В этом плане переход к рациональному этапу связан с «перерождением» последних в идеализированный, концептуальный объект, в котором сняты все внешние проявления анализируемой реальности и представлена лишь их абстрактно выраженная сущностная сторона. Однако ясно, что полученное сущностное определение не исчерпывает познавательные цели науки, стремящейся на следующем витке восхождения установить все недоступные чувственному восприятию, логически выводимые модусы своего идеализированного объекта. Так, политэкономия не ограничивается сведе-

нием эмпирически фиксируемых различий конкретных видов труда к «равному общественному» или «абстрактному труду»; осуществив такое сведение, она приступает к логической структурализации полученной абстракции, выделяя «живую» и овеществленную формы «равного труда» и т. д. Понять логику такой конкретизации мы сможем лишь в том случае, если учтем фундаментальную связь чувственной и рациональной ступеней познания, обусловленную целостностью и взаимопроникновением различных по степени существенности проекций анализируемого объекта. Суть данной связи, раскрываемой К. Марксом, состоит в том, что выработанное на первой стадии абстрактно-всеобщее понятие стоимости, выражающее сущность реалий капиталистической экономики, оказывается одновременно субстанциональным определением всех отражающих ее универсалий, причем такому определению принадлежит важнейшая роль в концептуальном развитии науки.

Характеризуя эту роль, следует начать с определения понятия субстанции, по-разному трактуемого в современной теории. Советская Философская Энциклопедия, отмечая первостепенную значимость данной категории, приводит самое широкое ее понимание, обозначающее объективную реальность, рассмотренную «со стороны ее внутреннего единства безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует» [288, т. 5, с. 151]. Уже это определение показывает несостоятельность все еще бытующего подхода к понятию субстанции как «устаревшему» аналогу категории материи; с другой стороны, становится видимой ошибочность подхода, подменяющего категорию субстанции понятиями «сущность», «содержание», не учитывая, что в действительности субстанциональная характеристика объекта снимает различие между его содержанием и формой, сущностью и явлениями, фиксируя их «абсолютное превращение друг в друга» в рамках самотождественности объекта. Так понимал субстанцию Гегель, характеризуя ее как «целостность акциденций, в которых она открывается как их абсолютная отрицательность», снимающая качественные различия многообразных проявлений единого и, наоборот, подчеркивающая единство многообразия, относительно которого «всякое содержание есть лишь момент, который принадлежит только

этому процессу, есть абсолютное превращение друг в друга формы и содержания» [84, с. 252, 253].

Понятие субстанции широко использовалось и основоположниками марксизма в самых различных познавательных целях. Так, в общефилософской концепции оно использовалось для характеристики материального мира как «одно из универсально-логических определений материи». В этом случае «в понятии «субстанция» материя отражена уже не в аспекте ее абстрактной противоположности сознанию (мышлению), а со стороны внутреннего единства всех форм ее движения, всех имманентных ее различий и противоположностей, включая сюда и гносеологическую противоположность «мыслящей» и «немыслящей» материи. В понятии материи как субстанции гносеологическая противоположность фиксирована как лишь одна из бесконечно многообразных противоположностей, лишь как одна из фаз «саморазличения», «саморазвития» объективной реальности» [288, т. 5, с. 152].

Особо важно подчеркнуть, что понятие субстанции использовалось классиками марксизма не только для характеристики материального мира в целом, но и его отдельных сторон и явлений. В этом плане «позицию Маркса отличает конкретное понимание субстанции, обязывающее в каждом отдельном случае обнаружить и зафиксировать ту конкретно-всеобщую «материю», внутри которой мышление затем устанавливает все свои дальнейшие различения» [Там же, с. 154]. Как справедливо полагает В. П. Фофанов, «каждая система обладает своей качественной спецификой, для фиксации которой могут быть использованы понятия субстанции и модусов. Наличие в объективной действительности качественно определенных форм (уровней) движении материи позволяет фиксировать их в себетождественности, в их инвариантности по отношению к самим себе. Для этой цели и используется понятие субстанции, которая выступает как себетождественность системы» [292, с. 33].

Руководствуясь таким пониманием, мы должны считать субстанциональным определением науки категорию, которая в абстрактно-логической форме фиксирует всеобщий способ существования, основания целостности, принципы внутренней организации исследуемого объекта. Все эти характеристики содержатся здесь в своей латентной форме, раскрываясь в процессе последова-

тельной конкретизации исследования, которому подвергается данная субстанция. В то же время, установив субстанциональное определение изучаемого наукой объекта (первоначально в гипотетической форме), мы вправе утверждать, что в случае правильности такого установления в предметном поле теории не существует и не может существовать явлений, которые не представляли бы собой тот или иной модус выявленной субстанции. Речь при этом идет не только о чувственно-конкретных ее проявлениях, но и о всех определениях рациональной стадии познания (даже тех, которые в настоящий момент не известны ученым; любые новые открытия адекватных субстанции модусов углубляют наши представления об объекте, не меняя ни на гран природу самого принципа субстанциональности).

В этом плане, получив в «наследство» от буржуазных политэкономов идею субстанциональности труда в отношении простых товарных тел, К. Маркс последовательно распространил ее на характеризующие капиталистическую экономику, выявляемые на рациональной стадии ее исследования «более высокие и более сложные формы: капитал, наемный труд, земельная рента и т. д.» [1, т. 13, с. 45]. Соответственно все логическое содержание «Капитала» представляет собой последовательное рассмотренне модусов стоимости как специфически капиталистического воплощения абстрактного труда. Так, Марксом изучается диалектика товарной и денежной форм стоимости, в процессе которой последняя «выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы» [1, т. 23, с. 165]; рассматриваются сложнейшие процессы, в ходе которых стоимость, ставшая капиталом, «сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает» [Там же, с. 165]; изучаются абсолютная и относительная формы прибавочной стоимости и т. д. В результате все без исключения субстратные, субъектные (рабочая сила как товарная стоимость, потребление которой является «овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимостн» [Там же, с. 178]), атрибутивные, корреляционные моменты капиталистической экономики выступают как модусы единой субстанции — создающего стоимость абстрактного труда. Подчеркивая этот факт,

Э. В. Ильенков справедливо утверждает, что в «Капитале» «все особенные отношения и выражающие их категории предстают в ходе анализа как различия, возникающие внутри одной и той же конкретно-всеобщей субстанции — капиталистически организованного труда, как конкретные формы этой организации, как ее «модификации». Сама категория субстанции (в данном случае ею оказывается труд, притом не просто труд, а исторически определенная его форма) выступает как внутренне противоречивая категория, заключающая в себе необходимость порождения все новых «модусов», особенных форм своего развития и проявления» [129, с. 215][9].

Логическое строение «Капитала», таким образом, показывает огромную методологическую роль субстанционального определения исследуемой реальности, установление которого является логической предпосылкой рефлексивного изложения науки[10]. Это обстоятельство,

---

[9] Естественно, что такое «объемное» понимание субстанции капиталистической экономики возникает отнюдь не сразу после того, как установление сущности ее чувственно-конкретных проявлений закладывает концептуальную основу фиксации присущего ей «субстанционального качества». Раскрываемая на первом этапе познания сущность далеко не сразу доказывает свои права на роль универсального субстанционального определения. Рассматривая этот вопрос, необходимо учитывать неоднократно упоминавшееся различие между процедурами реального развития и рефлексивного изложения научного знания. Применительно к экономическим исследованиям К. Маркса следует считать, что, опираясь на ранее созданную трудовую теорию стоимости, он исходил из идеи субстанциональности последней (относительно высших форм организации идеализированного объекта) как гипотезы, получившей в результате проведенного анализа свое полное подтверждение. Что же касается «Капитала», в котором К. Маркс в строгой категориальной последовательности «изображает результаты своего научного исследования» (причем «исследование сохраняется в результате в преобразованном, «снятом» и «чистом» виде» [70, с. 35]), то здесь идея субстанциональности стоимостного проявления труда является уже сознательно принятой логической основой изложения полученных знаний.

[10] Аналогичным образом построена «Наука логики» Гегеля, в вводном разделе которой («Предварительное понятие») немецкий мыслитель, рассматривая три отношения мысли к объективности, формулирует сустанциональное понимание изучаемого объекта, модусами которого оказываются в конечном счете все последовательно развертывающиеся определения. Таким субстанциональным понятием логики для Гегеля, исходившего из идеалистического тезиса тождества объективной реальности и отражающего ее мышления, являлась мистическая абсолютная идея. «Для Гегеля, — писал А. Де-

однако, не всегда осознается учеными, игнорирующими принцип субстанциональности в развитии теории, нередко отождествляющими субстанциональное начало с простейшей абстракцией, с которой начинается процесс его конкретизации на втором этапе восхождения.

В самом деле, «голая» субстанциональная характеристика, в которой сняты все возможные различия между чувственно-конкретными проявлениями объекта, но еще не установлены потенциально содержащиеся в ней логические модусы, не может устроить науку. Вместе с тем это не означает, что дальнейшее восхождение от абстрактного к конкретному осуществляется путем перехода от «простейшей» субстанциональной абстракции к более сложным «несубстанциональным» категориям. Из рассмотренного определения субстанции следует, что любое из последовательно вводимых на втором этапе восхождения понятий является не сменяющей, но раскрывающей ее виртуальное богатство характеристикой. Будучи открытым наукой, субстанциональное качество объекта остается неизменным на любом из этапов познания, в процессе которого оно последовательно поворачивается к исследователям различными гранями: то раскрывая свою структурную организацию, функциональные и динамические опосредования, то представая в богатстве своих атрибутивных характеристик, то демонстрируя свои видовые определения. Соответственно в процессе восхождения меняется не само субстанциональное понятие, а его концептуальные модусы, более абстрактные из которых уступают место бо-

---

борин во вступительной статье к «Энциклопедии философских наук»,— истинной реальностью является понятие или идея. Его логика построена поэтому таким образом, что самое истинное оказывается в конце логики. Бытие оказывается не истинным и снимается сущностью, которая является его основанием, но сущность снимается в свою очередь понятием, которое обнаруживает себя как более истинное, чем сущность. Мир *развертывается* таким образом, что он обнаруживает свою истину и действительность в конце развития, когда *раскрылась* его природа полностью. Но очевидно, что идея потому могла обнаружить себя как истинную реальность в конце процесса познания, что она в *самом начале* составляла истинную сущность мира, так что все категории — бытие, сущность и пр. — являлись лишь оболочками, внешними формами проявления все того же понятия... Наконец, наступает момент, когда оно сбрасывает с себя драпировку, оболочку и предстает перед нами во всей своей чистоте и в то же время во всей своей конкретности в смысле обогащения всем предыдущим содержанием» [108, с. XXXIV].

лее конкретным. Не учитывая это обстоятельство, путая две различные фазы логического развития теории — выработку ее субстанционального определения и установленне клеточного понятия, с которого начинается логическая конкретизация предметообразующей субстанции, ученые приходят к ошибочному пониманию проблемы начала категориальной систематизации. Иллюстрацией к сказанному являются материалы Всесоюзного координационного совещания по теме «Проблемы структуры исторнческого материализма и систематизацни его категорий» (Москва, 1980), где вопрос о методологических требованнях к началу систематизации вызвал наибольшие споры.

Многие участники совещания пришлн к выводу, что современная методология еще не решила окончательно задачу «выяснення и определення путей и методов обнаружения «клеточки» или исходного начала теории», и этот пробел восполняется «отчасти интуитивно, отчасти эмпирическим перебором понятнй, могущих удовлетворять критерням «клеточки»... Задача заключается в том, чтобы вычленнть эти критернн, поскольку в настоящее время их использование... носит случайный, неполный характер» [271, с. 35]. Реализуя эту задачу, ученые высказывали мнение, что начало систематизации категорий методом восхождения «должно быть абстрактным и вместе с тем простым, то есть чем-то достаточно очевидным. Однако его «абстрактность», по-видимому, должна быть абстрактностью особого рода — таящей в себе как бы в скрытом, свернутом виде возможность перехода ко все новым определениям и граням, должна быть, если можно так выразиться, «конкретной абстрактностью». Далее, чтобы начало было действительным началом, его суть, природа не должна быть опосредована другнми категорнями этой же теоретической системы» [114, с. 7].

Суммируя высказанные точки зрения, Ю. С. Стребков предложил восемь принципов-критернев искомого начала:

1) начало есть непосредственное, простое и всеобщее относнтельно исследуемого объекта;

2) начало есть данность, с которой мы постоянно сталкиваемся, хотя оно открыто не чувственному созерцанню, а мышлению, и в этом смысле есть некоторое свойство, абстракция явлений исследуемой областн;

3) как непосредственное начало не нуждается ни в каком выведении — его доказательством (по аналогии с истинностью аксиом) является вся вытекающая из него система определений объекта;

4) начало есть лишь зародыш, в котором скрыты все возможности и результаты его развития, и в этом смысле есть нечто несовершенное и неопределенное;

5) являясь элементарным бытием целого, начало содержит в себе в неявном виде все характеристики объекта, началом которого оно является;

6) в этом смысле начало имеет необходимый, а не случайный характер, являясь условием существования исследуемого объекта, тем, из чего вытекает объект. Развиваясь, начало из себя порождает развитую конкретность, которая есть тем самым закономерное развитие начала;

7) теоретическое начало есть исторнчески первое и оно же есть ближайший род исследуемого объекта;

8) начало все время воспроизводится в процессе функционирования и развития данного объекта [271, с. 35—36].

Нам представляется, что в этих положеннях в целом правильно зафиксированы характеристики, которым должно удовлетворять начало категориальной систематизации. Вместе с тем приведенные положения имеют неотдифференцированный характер, поскольку ряд методологических требований, предъявленных исходной категории восхождения, в действительности характеризует не ее, но субстанциональное понятие науки. Так, именно из понятия субстанции как «активной причины всех своих формообразований, не нуждающейся поэтому в формировании извне» [288, т. 5, с. 153], следует, что выражающая ее категория выступает как самообосновывающаяся в концептуальной системе науки (будучи выводимой из субстанциональных определений иного уровня). Именно в этом смысле существование субстанциональной категории не опосредовано другими понятиями той же науки — ее доказательством действительно является вытекающая из нее система определений объекта; в то же время простейшая абстракция, выражающая исходный концептуальный модус субстанции, обоснованна, определяется и выводится из нее. Далее, именно субстанциональное определение, выступая в роли самообосновывающегося понятия, виртуально содер-

жит в себе *все* возможные характеристики объекта — требование, которому не может отвечать простейшая абстракция, в которой фиксируется «элементарная клеточка» исследуемой субстанции, содержащая в себе в «свернутом виде» важнейшие атрибутивные, но не структурные, функциональные и прочие характеристики последней во всей их полноте.

Таким образом, методологические требования, предъявляемые к исходной категории восхождения, должны быть скорректированы таким образом, чтобы отличить ее от субстанционального определения науки, первым шагом на пути конкретизации которого она является. Наиболее точный реестр таких требований, по нашему мнению, дан В. А. Вазюлиным, который выделяет «ряд определений исходной абстракции восхождения, важнейшие из которых следующие:

1. В исходной абстракции отражается такое отношение предмета, которое дальше разложить нельзя, не выходя за рамки данного специфического предмета (его субстанциональной определенности.— *К. М.*).

2. В исходной абстракции воспроизводится отношение, являющееся простейшим по сравнению с остальными сторонами изучаемого специфического предмета.

3. Исходная абстракция отражает зародышевое противоречие, на основе которого и из которого вырастают все другие отношения данного предмета.

4. Исходная абстракция воссоздает исторически первичное отношение предмета.

5. Исходная абстракция отображает простейшее *отношение* предмета и, следовательно, некоторую совокупность различных, многообразных сторон» [70, с. 32—33].

Именно этим методологическим принципам соответствует применительно к политэкономии капитализма категория товара, с которой К. Маркс начинал последовательную конкретизацию установленной на предыдущем этапе познания субстанции стоимости. Естественно, что такой «товар» качественно отличен от реальных товаров, с которыми связано «абсолютное» начало науки: речь в данном случае идет не о конкретных предметах, а о концептуальном объекте, научной абстракции, фиксирующей не чувственные свойства товара, но его качество «элементарной клеточки» экономической жизни, минимального носителя атрибутивных свойств составляющей ее субстанции. Соответственно непосредствен-

ность такого начала качественно отлична от непосредственности простейших мыслительных характеристик чувственно воспринимаемого объекта, основанных на ощущениях и неопределенных в силу того, что всякая «характеристика предмета, базирующаяся на отдельных ощущениях, есть неопределенность, непосредственность. Есть, но неизвестно, что есть, есть совершенно неопределенное. Предмет качественно уже дан и еще не дан» [70, с. 17]; он абстрактен, еще не ставши абстракцией.

Преодоление такой абстрактности чувственно-конкретного объекта не означает, что начало восхождения на втором этапе развития науки уже не может быть охарактеризовано как непосредственное и неопределенное, что данные характеристики применимы исключительно к первому этапу познания. В действительности диалектика непосредственного и опосредованного есть инвариантное отношение человеческого познания, воспроизводимое на обоих его стадиях, каждая из которых имеет свои критерии непосредственного и опосредованного, свою меру существенности анализируемого объекта. В этом плане с переходом политэкономии от чувственной стадии к рациональной, рубежом которого является установление сущности реального товара, последний, потеряв чувственную форму существования, отнюдь не теряет вместе с ней свойство быть простейшим, логически неопределенным «бытием» относительно иной по степени существенности концептуальной проекции объекта. Логическая модель товара на новом витке исследования теряет приобретенную (относительно своих чувственных проявлений) сущностную определенность и становится логически неопределенной точкой восхождения к сущности и действительности «стоимости как капитала», предпосылкой которого является товар.

При этом простота такой исходной модели отнюдь не тождественна отсутствию в ней всяких организационных различий, не означает абсолютной гомогенности товара, представляющего собой уже не вещь, но *отношение* выделенных сторон, внутренняя структурность которого не противоречит его «элементарности». Совмещение этих, казалось бы, исключающих друг друга признаков исходной абстракции восхождения нередко путает исследователей, не учитывающих, что «клеточка» субстанции, фиксируемая такой абстракцией, элементарна именно как отношение, как свойственное

объекту субстанциональное противоречие, получившее структурно простейшего носителя. В этом плане понятие «клеточка» не должно смешиваться с понятием элементов изучаемого объекта, в качестве которых выступают определенным образом связанные стороны исходного отношения. Анализируя социальную систему, мы покажем, что элементами являются такие «сквозные» по отношению к ней и ее подсистемам структурные образования, которые не имеют своих собственных структурно выделенных частей, сохраняющих субстанциональное качество социального. Каждое из этих образований выступает в роли элементарного носителя некоторых необходимых для социального целого функций, взаимоналожение которых и рождает особое отношение, выражающее субстанциональную целостность социальной системы. Последняя при этом относится к своим элементам как целое к частям, лишенным субстанциональной самодостаточности, выражающим некоторую частную функцию, но не интегративные свойства целого. Выделение подобных элементов — важная цель науки, не совпадающая, однако, с логически первичной целью выделения «клеточки». В случае с последней наука ищет не просто минимальную частицу анализируемого объекта, но наименьшее из структурных образований, сохраняющих в то же время субстанциональные свойства целого. Соответственно «клеточка» выступает не как элемент целого, но как *элементарное бытие целого,* «такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает *всеми основными свойствами, присущими целому,* и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» [80, т. 2, с. 15].

Необходимость выделения подобной «клеточки», фиксируемой исходной категорией восхождения, диктуется законами концептуального развертывания любой науки, изучающей сложноструктурированные системные объекты [11]. Дело в том, что конкретизация определений объекта на втором этапе восхождения осуществляется

[11] Нетрудно видеть, что точка зрения, считающая введение «клеточки» результатом концептуальных особенностей политэкономии (как науки о «бестелесных» производственных отношениях, нуждающихся якобы в средстве своего «телесного» воплощения), не учитывает, что развитие науки в действительности идет в прямо противоположном направлении: от «вещи» к «отношению», а не от мыслительно фиксируемого отношения к воплощающей его вещи.

в нескольких направлениях, связанных друг с другом отношениями сложного методологического соподчинения. Одним из них является *атрибутивный* план конкретизации, в котором объект выступает как системная совокупность *свойств*, проявляющихся в его взаимодействии с другими объектами (или же абсолютно всеобщих свойств, как это имеет место при философском исследовании объективной реальности, раскрывающей пространственные, временные и прочие атрибутивные определения). В процессе такого изучения субстанции как целого, взятого относительно иных субстанциональных систем, «происходит отвлечение от внутренних различий, однако лишь от тех, которые составляют специфику отдельных компонентов внутри системы. Всеобщие внутренние различия, инвариантные для системы и составляющие ее специфику относительно других форм (уровней) движения материи, наоборот, составляют специфическое содержание» [292, с. 33] такого анализа.

Другим направлением конкретизации логических определений объекта является «интровертный» *организационный* план конкретизации имманентных ему структурных, функциональных и динамических определений, характеризующих его не с точки зрения субстанционально общих свойств, но с точки зрения относительно самостоятельных частей, на которые членится объект, детерминационных опосредований, существующих между ними. Ниже мы покажем, что и атрибутивное, и организационное направления конкретизации взаимополагают друг друга: они осуществляются не «параллельными курсами», но вызревают из единого исходного пункта, каковым и является фиксируемая исходной категорией восхождения «элементарная клеточка» субстанции. Это обстоятельство связано с важнейшим свойством органически целостных систем воспроизводить родовые субстанциональные свойства на всех уровнях своей организации (начиная с «клеточного»): анализ таких свойств соответственно может начинаться с простейших проявлений целого и совмещаться с движением теории к полнообъемной структурно-функциональной и динамической модели объекта.

Таким образом, фиксация в исходной абстракции восхождения «элементарной клеточки» объекта означает переход науки от установленной в конце первого этапа развития еще не дифференцированной в организа-

ционном и атрибутивном планах его субстанциональной характеристики к поискам самой малой части объекта, которая обладает в то же время интегративными свойствами целого, что и позволяет начать с нее процесс конкретизации сразу во всех направлениях. И вновь, рассуждая о методологическом значении, которое имеет для науки установление исходной абстракции восхождения от абстрактного к конкретному, должно учитывать объективные различия, существующие между реальным развитием знания и процессом его рефлексивного изложения, тождественным систематизации категорий науки. Если реальное развитие редко соответствует «чистой логике» движения от субстанционального определения объекта к его «элементарной клеточке» и далее, то последовательное изложение уже созданной теории, в котором недопустимы никакие логические «сбивки» реального познания, может осуществляться только таким образом. В этом плане следует учитывать, что методологически осознанное выделение исходной категории восхождения представляет собой не столько акт реального изучения объекта, сколько «рефлектирование по поводу уже познанного в самых общих чертах процесса восхождения от абстрактного к конкретному» [70, с. 33][12].

Вышеприведенные общеметодологические суждения о начале системного изложения науки достаточны для того, чтобы, руководствуясь ими, изложить понимание такого начала применительно к теории исторического материализма. Определяя свою позицию, сразу укажем, что субстанциональным определением изучаемого им объекта мы считаем категорию *социальной деятельности,* которая и подлежит логической конкретизации

[12] Обращаясь к опыту «Капитала», следует согласиться с В. А. Вазюлиным в том, что в процессе его подготовки К. Маркс выработал для себя «полное доказательство того, что товар есть простейшее отношение капитализма. Но в «Капитале» он вначале опускает весь тот путь, который привел его к убеждению, что именно это отношение (товар) есть простейшее определение предмета (капитализма), и сразу начинает с собственно простейшего отношения, т. е. с наиболее абстрактной категории» [70, с. 32]. Подобное построение подтверждает, что открытие «элементарной клеточки» является *результатом* реального развития и *предпосылкой* рефлексивного изложения теории, в рамках которого данная логическая процедура абсолютно необходима; стремление уклониться от нее с неизбежностью ведет к нарушению строгой последовательности категориального анализа, появлению в нем неоправданных повторов или же забеганию вперед.

в процессе последовательного изложения нашей науки. Первым шагом на этом пути является установление исходной абстракции восхождения, фиксирующей «элементарную клеточку» изучаемой историческим материализмом реальности, каковой («клеточкой») мы считаем простейший акт *социального действия*. Подобно тому как клетка живого организма является минимальным структурным образованием, обладающим в то же время субстанциональными свойствами живой материи, отличающими ее от материи неживой, элементарный акт действия содержит в себе исходное субстанциональное отношение социальной формы движения — отношение субъекта и объекта. В нем одновременно воплощается первичная атрибутивная характеристика социального (отличающая его от «досубъектных» форм организации) и его первичная структурная характеристика, указывающая на различие субъектной и объектной сторон социальной деятельности. Поэтому, отталкиваясь от такой клеточки, мы совмещаем в едином процессе восхождения от абстрактного к конкретному последовательный анализ «интровертных» и «экстравертных» определений социальной субстанции.

В ходе такого анализа категория социального действия, которую можно рассматривать как логически неопределенное «бытие» деятельности, подобно товару в «Капитале» К. Маркса «в дальнейшем обнаруживает многосторонность, а следовательно, определенность внутри себя» [70, с. 40]. Так же как и в случае с товаром, исследование этого явления идет от «бытия» действия к его сущности, явлениям и далее действительности [13]. Оставляя в стороне первую фазу такого исследования, где «бытием» являются простейшие мыслительные характеристики чувственно-конкретных проявлений дея-

---

[13] Фиксируя тот факт, что «элементарный виток восхождения от абстрактного к конкретному охватывает движение от бытия к сущности, явлению и действительности», следует учитывать, что «отрезок этого большого витка сам может быть элементарным малым витком восхождения» [70, с. 269]. В этом плане В. А. Вазюлиным показано, что исследование К. Марксом товара, представляющего собой в «большом витке» теории «бытие» капитала, одновременно является собой самостоятельный малый виток спирали познания (где потребительная и меновая стоимости рассматриваются как «бытие» товара, стоимость как таковая представляет собой его сущность, формы проявления стоимости выступают как явления товара, а процесс обмена и обращения — как его действительность).

тельной способности, мы рассматриваем в качестве *сущности* действия, конституирующее его субъект-объектное отношение. Последнее подвергается последовательному структурному, функциональному и динамическому рассмотрению, из которого затем выводятся важнейшие атрибутивные характеристики социальной формы движения, прежде всего диалектика материального и идеального, составляющая содержание основного вопроса (социальной) философии. Выделение *явлений* действия связано с типологией его возможных форм, среди которых мы выделяем практические и духовные действия. Наконец, *действительностью* действия оказывается коллективная *«деятельность как взаимодействие»*, рассмотрением которой начинается новый виток спирали познания. В ходе последнего взаимодействие как сущность коллективной деятельности рассматривается в структурном, функциональном и динамическом аспектах своей организации; выделяются явления коллективной деятельности в лице ее практической и духовной, предметно-продуктивной и коммуникативной форм. Последующие ступени конкретизации, ведущие к категориям *общественного производства* (в котором социальная субстанция обретает свое сущностное определение), *общественной жизни* как совокупности институализированных видов общественного производства и, наконец, *истории* (оказывающейся действительностью субстанции деятельности), рассматриваются в монографии с вынужденной конспективностью. Однако и на ранних этапах восхождения, рассмотрение которых является собственной целью настоящей работы, мы имели возможность зафиксировать лишь основные моменты концептуального движения, сознательно отвлекаясь от множества частных опосредований между многочисленными категориями нашей науки. Анализ такого движения мы начинаем с обоснования субстанционального статуса категории «социальная деятельность» — вопроса, вызывающего острые споры в современной теории исторического материализма.

ГЛАВА II

«ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» КАК СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Как отмечалось выше, выработка субстанционального определения науки (в его гипотетической форме) логически завершает первый этап ее развития. Сказанное в полной мере относится и к социологической науке, которая, однако, сталкивается в процессе такой выработки с особыми затруднениями, вызванными чрезвычайной сложностью анализируемого объекта — общественного процесса, взятого в системной целостности всех форм его осуществления. В отличие от простых товарных тел, количественная эквивалентность которых непосредственно выводит политэкономию капитализма к субстанции стоимости, чувственно-конкретные проявления социологического объекта раскрываются наблюдателю как гетерогенная совокупность явлений субъектного, вещного, духовного, организационного плана, количественно несводимых друг к другу. Принципы субстанциональной всеобщности этих явлений настолько неочевидны, что ученые до сих пор по-разному отвечают на вопросы: «Имеет ли это «всеобщее» объективно реальное значение или же представляет собой формальную абстракцию, полученную путем эмпирической индукции»? [288, т. 5, с. 151]; можно ли найти такое исходное начало общественной жизни, саморазвитие которого порождает ее деление на эмпирически фиксируемые элементы, чье видимое различие не отменяет, но предполагает их субстанциональное тождество?

В результате даже современные исследователи нередко ограничиваются полуинтуитивным пониманием субстанциональной целостности общества, которое было присуще уже представителям «протосоциологической» науки, не сомневавшимся в том, что и нормы морали, и средства труда, и объединения людей, связанных особыми отношениями, принадлежат единому таксономическому классу *социальных* феноменов — миру общест-

венного человека, отличному от чисто природных процессов. Появление такого ощущения субстанциональной выделенности социума, закрепленное в констатирующих понятиях «общество», «общественная жизнь» и других, означало немалый прогресс обществознания, связанный с переходом от «частичного по своей сущности видения общественного процесса к первоначальному обобщению: появляется идея наличия за многообразием проявления некоей инвариантности, постоянной существенной определенности, хотя в чем она состоит, еще не ясно» [292, с. 106]. В процессе реального развития науки такое ощущение выполняло важнейшие функции атрибутивной и организационной спецификации объекта, долгое время подменяя собой концептуальное осмысление его субстанциональности, до сих пор остающееся для некоторых ученых нереализованной логической возможностью. Вместе с тем недостаточность подобной позиции становится очевидной, когда потребности исследования социальных процессов заставляют науку обратить пристальное внимание на принципы категориальной организации, осознание которых вне четкого понимания субстанциональности объекта невозможно.

История социологической мысли показывает, что домарксистские теоретики, как правило, игнорировали названную проблему или давали ее ошибочную трактовку, считая субстанцией социального процесса сознание в его трансцендентном или «посюстороннем» пониманин. Подобный подход вполне соответствовал существовавшему уровню знаний об обществе, представляя собой простейшее «решение» сложной проблемы его субстанциональной определенности. Дело в том, что правильное понимание субстанциональности объекта, как будет показано ниже, уже содержит его предварительную сущностную спецификацию, основывается на ней. Поэтому в условиях, когда сущностные связи социального процесса еще не рефлектировались в сознании ученых, «выделение социальных явлений в качестве особой сферы бытия могло быть... произведено в результате осознания наиболее «самоочевидных», наиболее легко уловимых признаков общества» [194, с. 24]. Именно поэтому домарксистские теоретики «в своем стремлении объяснить природу социальной жизни останавливались прежде всего на группе специфических признаков, выражающих феномен сознания», полагали,

что «ключ к пониманию качественного своеобразия и движущих сил развития общества следует искать непосредственно в сфере сознания» [Там же, с. 25].

Характерно, что многие представители домарксистской социологии считали, что способом существования идеальной субстанции в общественном процессе выступает деятельность, рассматривая ее как деятельное явление сознания в истории. Именно это имел в виду К. Маркс, отмечая, что «*деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [1, т. 3, с. 1]. В то же время в буржуазной социальной мысли встречались начатки точки зрения, согласно которой не деятельность является атрибутом идеальной субстанции, но, напротив, идеальное является атрибутом субстанционально понимаемой деятельности. Такая точка зрения, давая правильное с формально-логической стороны определение социальной субстанции, была глубоко ошибочна в содержательном плане, поскольку извращала реальную роль сознания в процессе саморазвития деятельности, превращая идеальное в наиболее глубокий источник и причину такого развития.

В этом плане открытое К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическое понимание истории явилось колоссальным углублением социального познания, впервые раскрывшим подлинный характер социальной субстанции, заключенный в деятельностной природе общественного процесса. «...Что такое жизнь,— утверждал К. Маркс уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»,— если она не есть деятельность?» «В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» [2, с. 564, 565]. «История,— утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе»,— *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека» [1, т. 2, с. 102]. Естественно, в роли субстанции предстала уже материалистически интерпретированная деятельность, рассмотренная как естественноисторический процесс, детерминированный объективными потребностями и интересами, которые лишь отражаются, но не определяются сознанием субъектов; само сознание при этом было рассмотрено в качестве «вторичного»

модуса субстанции — функционального механизма, подчиненного ее первичным, материальным модусам.

Такое понимание субстанционального статуса деятельности, высказанное первоначально в гипотетической форме, стало логической предпосылкой исследований законов социального процесса, в ходе которого данная гипотеза была подтверждена и переведена в разряд установленных истин. Однако в силу многих объективных причин К. Маркс и Ф. Энгельс не успели дать последовательного изложения концепции исторического материализма, положив в его основу сформулированное ими субстанциональное понимание деятельности. Поэтому принципы, выражающие логическую первичность этой категории перед другими понятиями нашей науки, содержатся в работах классиков марксизма большей частью в латентной, методологически нерефлексированной форме (что будет показано на примере понимания Марксом производственной деятельности в ее отношении к субъектным, объектным, организационным факторам производства, выступающим как модусы этой деятельности). Именно этим объясняется факт серьезных разногласий по проблеме, которая, по нашему убеждению, однозначно решена основоположниками марксизма. Существенность таких разногласий вынуждает рассмотреть их до того, как будет предложена собственная реализация принципа субстанциональности деятельности в рефлексивном изложении исторического материализма. Такое строение явилось бы неправильным для труда, ставящего своей целью изложение концептуального содержания науки в «чистом виде»; в то же время оно вполне допустимо для работы, представляющей в своей основе исследование методологических принципов такого изложения.

Начнем с напоминания о функциях субстанционального понятия науки как основы систематизации ее категорий. Их суть вытекает из факта, что в пределах анализируемой реальности не существует и не может существовать ни одного явления и процесса, которое не являлось бы модусом установленной субстанции, результатом ее саморазвития и «саморазличения». Это значит, что признавая субстанцией социального процесса деятельность, мы утверждаем, что «единство истории заключается прежде всего в том, что она во всех своих аспектах является не чем иным, как деятельностью лю-

дей, в которой органически переплетаются материальные и идеальные факторы» [287, с. 11]; признаем, что «в социальной системе нет ничего, кроме социальной деятельности: и отдельные виды общественных отношений, и такие сложные подсистемы социального организма, как, например, способ производства материальных благ, и, наконец, общественно-экономическая формация в целом — все это различные системы, виды, способы, формы, процессы и продукты деятельности» [292, с. 112—113].

Ниже мы постараемся показать, что относительно деятельности любое социальное явление должно рассматриваться в одном из следующих качеств: 1) структурного момента, принадлежащего субъектной или объектной стороне деятельности или выражающего организационную связь составляющих ее элементов; 2) функционального момента, выражающего состояния элементов, возникающие в процессе их взаимодействия (к примеру, потребности и интересы как состояния субъектов деятельности и др.), а также само содержание такого взаимодействия (опредмечивание, распредмечивание и т. д.); 3) динамической характеристики, выражающей источник, движущие силы и направленность развития деятельности (определения прогресса, регресса и т. д.); 4) всеобщей атрибутивной характеристики, выражающей субстанциональные свойства деятельности как таковой (объективность — субъективность, стихийность — планомерность и т. д.); 5) определенного вида деятельности различной уровневой принадлежности (практическая и духовная, предметно-продуктивная и коммуникативная, материально-производственная, управленческая и т. д.), включая и исторические модификации деятельности, создающие определенные типы социальной (субъектной) организации. В настоящий момент важно подчеркнуть, что «социальная система в ее действительной конкретности отнюдь не только социальная деятельность вообще. Действительное содержание системы, подлежащее теоретическому отображению, состоит в богатстве специфических видов, способов, форм деятельности, которые в своем противоречивом единстве составляют общественную жизнь» [292, с. 113].

Методологическим следствием сказанного является тот факт, что в предметной области социологии (и обществознания в целом) не может существовать катего-

рнн, которая не обусловлена определением социальной деятельности, не выводится из него тем или иным способом. В этом плане значение категории социальной деятельности состоит в том, что «она задает некоторое единое — пусть абстрактное, но *предметно единое* виденне социальных объектов. Она — необходимая предпосылка, средство введения всего богатства многообразных, конкретных, сложных в себе понятий, способных раскрыть социальную диалектику в ее конкретно-исторических формах» [Там же, с. 113]. В данном случае мы имеем полную аналогию с принципом концептуальной организации экономической теории капитализма, данной К. Марксом в «Капитале», когда «все без исключения категории капиталистической экономики понимаются тут как различные «модусы»... одной и той же общей им всем субстанции. И если та или иная форма экономических отношений не поддается «выведению» из этого всеобщего начала, то это значит, что она и не принадлежит вовсе к составу исследуемого здесь конкретного саморазвивающегося целого» [288, т. 5, с. 151].

Анализ современной литературы показывает рост числа ученых, убежденных в необходимости прямой аналогии между пониманием Марксом трудовой деятельности как субстанции экономических процессов жизни общества и пониманием социальной деятельности вообще как субстанции социального процесса, взятого в его целостности; считающих основой такой аналогии правомерный перевод видового определения в родовое. Вместе с тем многие специалисты все еще оспаривают субстанциональное понимание деятельности, согласно которому она «содержит в себе виртуально, в зародыше все основные процессы и противоречия общественной жизни» [236, с. 38—39]. Соответственно ие признают, что определение именно этой категории «не связано с какими-либо другими категориями исторического материализма» и именно она «выступает в виде того, что самообосновывает, самодоказывает себя в системе» [196, с. 19]. Приводятся разнообразные аргументы с целью доказать «узость» понятия деятельности, не позволяющей вывести непосредственно из нее все многообразие определений социального процесса. В одном случае исследователи, отождествляя категории сознательного и планомерного, полагают, что сознательная по своей природе деятельность не может быть субстанцией об-

щественной жизни, развертывающейся как процесс, результаты которого не всегда рефлектируются в сознании людей: утверждается соответственно, что в деятельность «не укладываются» генетически связанные с ней процессы типа урбанизации, «феминизации» и т. д., представляющие собой стихийное развитие общественных отношений. В другом случае специалисты суживают понятие деятельности, превращая ее из субстанционального единства субъект-объектных элементов в форму операциональной связи между субъектом и объектом, производную функцию субъекта, рассматриваемого тем самым как «додеятельностное» явление. Нередко такая точка зрения подкрепляется аргументами общефилософского порядка, в соответствии с которыми деятельность не может быть субстанцией в силу своего процессуального (а не субстратного) характера и должна подобно движению вообще рассматриваться как атрибут вещественной «социальной материи». Другие ученые, сводя социальную деятельность к проявлению собственно человеческой энергии, полагают, что она не субстанциональна, так как не включает в себя внешние человеческому организму энергетические процессы, технологически используемые в общественном производстве «наряду» с «собственной» деятельностью.

Приведенные аргументы против субстанционального понимания деятельности будут подробно разобраны ниже. Пока же отметим, что наиболее весомым из них многие авторы считают утверждение о невозможности вывести непосредственно из деятельности такую важнейшую характеристику социального процесса, как его материальность, способность развертываться вне и независимо от сознания осуществляющих его субъектов. Отсюда делают вывод, что превращение понятия «деятельность» в начало категориальной систематизации не согласуется с материалистической природой нашей теории и «тот, кто деятельность объявляет исходной категорией исторического материализма, вступает в противоречие с материалистическим пониманием истории» [75, с. 54]. Ясно, что от содержательного анализа такой точки зрения не может уклониться ни один ученый, желающий, чтобы идея субстанциональности деятельности рассматривалась не как произвольное нововведение в социологию марксизма, но как раскрытый ее создателями, объективно заложенный в ней способ организации кате-

гориального содержания. С критики данной позиции мы начнем обоснование субстанционального статуса деятельности, используя такую критику как средство доказательства «от противного». Особый интерес в этом плане представляет разбор взглядов В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, наиболее последовательно выражающих приведенную точку зрения, отстанвающих ее при помощи аргументов, поднимающих непростые проблемы концептуальной организации исторического материализма.

Характеризуя позицию авторов, надо сразу указать, что они не возражают против самого понятия деятельности, признавая его необходимость как для исследования общественной жизни, так и для систематического изложения концептуального содержания науки. Так, авторы убеждены в том, что исходное основание систематизации исторического материализма «нельзя искать вие деятельности, то есть вне человеческой действительности» [154, с. 121]. У них не вызывает сомнения тот факт, что именно принцип деятельности, т. е. рассмотрение человека как практически действующего существа, позволило «выявить ту реальность, которая подлежала изучению, анализу и объяснению в сфере обществознания... История, по словам Маркса, есть не что иное, как процесс становления человека человеческим трудом, то есть его собственной деятельностью. Вне деятельности человека нет ни общества, ни истории, ни самого человека... Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что так же как движение есть способ существования материи, так и деятельность есть способ общественного бытия человека» [155, с. 53].

Тем не менее В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон убеждены, что само по себе понятие деятельности не может рассматриваться в качестве исходного объяснительного принципа, поскольку деятельность сама нуждается в объяснении, исходящем не из иных субстанциональных определений, а из сущностных связей самого социального процесса. В этом плане констатация деятельностного характера общественной жизни, содержащаяся в многочисленных высказываниях классиков марксизма, по мнению авторов, есть не более чем фиксация ее феноменологического аспекта, способа, каким социальный процесс представляет перед наблюдателем, не раскрывая еще сущностных определений, прежде всего своей

материальной природы, обоснованне которой требует обращения к иному кругу факторов, связанных с деятельностью как с формой человеческой действительности и в то же время стоящих за ней. Авторы полагают, что материальность социальной формы движения не может быть понята (выведена) из деятельности как таковой, поскольку она представляет собой субъективное явление общественной жизни, определяемое ее материальными факторами (общественными отношениями). Отсюда главный аргумент В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона: «Сознательную целесообразную деятельность наука не может сделать исходным основанием социальной теории, ибо этим основанием должно быть нечто независимое от субъекта и его сознания» [154, с. 121].

Рассматривая эту точку зрения, следует прежде всего уточнить свое отношение к ее центральной посылке, согласно которой исходное основание концептуального изложения науки должно имманентно содержать в себе идею материальности общественного процесса. Дело в том, что далеко не все специалисты убеждены в справедливости подобной точки зрения, нередко воспринимаемой как сознательное отступление от принципов восхождения от абстрактного к конкретному. Это мнение высказывается, в частности, некоторыми сторонниками «деятельностного подхода» к систематизации категорий исторического материализма, убежденными в том, что единственно адекватным ее способом является метод восхождения, а началом — категория социальной деятельности. Последнюю, однако, понимают как простейшую абстракцию социального процесса, начинающую собой цепь все более конкретных, уже «недеятельностных» определений. Роль понятия «деятельность» тем самым уподобляют роли, которую играет в «Капитале» не субстанциональное определение стоимости, но «клеточное» определение товара, т. е. рассматривают деятельность как простейшее концептуальное, но не субстанциональное начало восхождения. Оспаривая субстанциональность деятельности, сторонники такого подхода нередко противопоставляют ее (вслед за В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном) сущностным (материальным) факторам общественной жизни в лице общественных отношений, рассматривают как субъективное по своему характеру явление человеческой действительности, за которым должна быть обнаружена ее «недеятельност-

ная» сущность. Однако такая трактовка не считается препятствием к рассмотрению деятельности в качестве начального пункта систематизации категорий. Ученые убеждены: поскольку общественные отношения как материальная основа социального процесса возникают не самопроизвольно, но в деятельности, складываясь как ее объективные связи, необходимо считать деятельность (независимо от ее субъективности) генетически первичным фактором и соответствующим образом учитывать это при концептуальной организации теории. Противопоставляя идею логико-генетической первичности деятельности перед другими явлениями общественной жизни идее ее субстанциональной первичности, ученые тем не менее полагают, что концептуальное движение от субъективного к объективному, от идеального к материальному, совпадая с движением от поверхностного к сущности, представляет собой вполне закономерное направление рефлексивного развития науки методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Не соглашаясь с таким подходом, мы полагаем, что он не учитывает важнейшего различия между становлением теории исторического материализма и рефлексивным изложением уже ставшей теории, исходное основание которого стремятся определить ученые. Учитывая это различие, нельзя не согласиться с В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзоном, Ю. И. Семеновым, другими учеными, считающими, что любое концептуальное движение, осуществляемое в рамках ставшей теории исторического материализма, имеет своей предпосылкой идею материальности общественного процесса. Аргументируя это положение, ученые справедливо ссылаются на то исключительное значение, которое принцип материализма имеет для теоретического обществознания. Ими подчеркивается тот факт, что необходимым условием существования науки об обществе является обоснование его познаваемости, возможной лишь в том случае, если в общественной жизни установлено наличие объективных, необходимых, повторяющихся связей (законов), что позволяет использовать общенаучные процедуры исследования. Впервые проблема объективного содержания истории была поставлена идеалистической теорией, связывавшей эту объективность с имманентными законами сознания, присущей ему внутренней регулярностью. В результате социальное знание получило право на

теоретическую форму существования, оставшееся, однако, чисто формальным, так как сколько-нибудь последовательное познание с позиций идеалистического понимания истории в основе невозможно. Реальным это право стало лишь с открытием материалистического подхода, качественно углубившего идею объективной закономерности, рассмотревшего ее как материальную закономерность — детерминированность истории факторами, существующими вне и независимо от всякого сознания и определяющими его содержание. Лишь с открытием такой детерминации можно считать процесс становления *науки* об обществе завершившимся, рассматривая дальнейшее развитие знания как развитие ставшей концепции материалистического понимания истории.

В свете сказанного нельзя согласиться с учеными, полагающими, что категориальная систематизация (ставшей) науки может начинаться с самых поверхностных определений, не содержащих в себе никакой рефлексии основного вопроса философии, и постепенно восходить к категориям, характеризуемым такой рефлексией. В действительности со «свободными» от основного вопроса допущениями социальная теория сталкивается лишь на этапе своего категориального становления, когда задача систематизации понятийного аппарата еще не стоит на повестке дня. Что же касается начала рефлексивного изложения теории, то оно неотделимо от идеи материальности общественной жизни, имманентно содержащейся в нем. При этом безразлично, какое из начал теории имеется в виду — субстанциональное, фиксирующее «целостность акцидений» исследуемого объекта, или концептуальное, выражающее простейшее определение субстанции, с которого начинается последовательное движение к более конкретным признакам.

Так, субстанциональное начало социологии (по определению содержащее в себе все многообразие характеристик объекта) может считаться научным лишь в том случае, если непосредственно из него может быть выведена такая важнейшая атрибутивная характеристика социального процесса, как его материальность. Если же обоснование этого свойства (как, впрочем, и любого другого) требует иных оснований, это означает, что субстанциональное начало теории установлено неверно.

Сказанное не означает, что «чистое» определение субстанции, полученное в процессе таксономического сопоставления чувственно-конкретных проявлений социального объекта и не прошедшее еще логической конкретизации в организационном и атрибутивном направлениях, обладает абсолютным логическим первенством перед принципом материальности как своей еще не выявленной атрибутивной характеристикой. Следует учитывать, что этот принцип обладает своей процессуальностью, логическим движением, развивается вместе с наукой и в качестве гипотетически сформулированного постулата способен предшествовать выработке субстанционального определения социального процесса. В дальнейшем на втором этапе развития науки логическое доказательство гипотезы материализма исходит уже из субстанционального определения объекта; при этом методологически рефлексированная форма такого доказательства предполагает в качестве своего первого шага выделение концептуального начала теории — понятия, которое отражает «клеточку» субстанции, обладающую (при своей структурной минимальности) основными атрибутивными характеристиками объекта, и прежде всего свойством материальности.

Учитывая сказанное, мы можем согласиться с В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном, которые, не различая субстанциональное и концептуальное начала теории, убеждены в том, что наука, носящая название «исторический *материализм*», ни на одном этапе своего рефлексивного изложения не может быть «свободна» от идеи материальности социального процесса. Руководствуясь этим положением, авторы приходят к выводу, что «не человек сам по себе, не деятельность человека, а система материальных производственных отношений становится исходным пунктом построения социальной теории» [154, с. 121]. Именно в производственных отношениях, а не в «субъективной» деятельности они усматривают первоисточник материальности социального процесса, открытие которого создало концептуальную основу материалистического понимания истории[1]. Это убеж-

[1] Такую же точку зрения развивает Ю. И. Семенов: «Исторический материализм возник тогда, когда были раскрыты объективные силы, приводящие людей в движение, открыта объективная основа общественного сознания и воли людей, а тем самым и их деятельности. Этой объективной основой является система произ-

дение лежит в основе собственной модели категориальной организации исторического материализма, предложенной В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном, считающими необходимым выделять в нашей науке три взаимосвязанных аспекта исследования общества (понимая под аспектами такие относительно самостоятельные формы социологического анализа, которые ориентируются на «целостный подход к обществу в его развитии, избирая лишь различный угол зрения на него, определенный его срез» [154, с. 120]).

Логически первичным в историческом материализме авторы признают аспект социологического анализа, связанный с изучением создаваемых общественными отношениями безличных социальных структур, реальности, «которая формируется людьми, но не зависит от их воли и сознания, специфические свойства которой не только не определяются сознанием, но сами определяют его... Выявление такой реальности есть логическая предпосылка познания объективных законов истории» [155, с. 64].

Отметим, что анализируемая реальность как «объективный срез» социального процесса не ограничивается, согласно авторам, первичными материально-производственными отношениями. Наука должна учитывать, что всякая, а не только материально-производственная деятельность «протекает в объективных структурах (системах отношений), которые формируются в содержательной деятельности, но как незапланированный заранее ее социальный результат, определяемый объективными условиями этой деятельности. Таким образом формируются в обществе объективные социальные структуры» [Там же, с. 71—72]. Соответственно в рамках исходного «естественноисторического аспекта» анализа общества исторический материализм, по мнению авторов, дает типологию объективирующих социальный процесс общественных отношений, которая лежит в основе деления общества на подсистемы в лице сфер общественной жизни; выявляет детерминационные связи между этими подсистемами и пр.

Однако анализ общества, считают В. Ж. Келле и

водственных, социально-экономических отношений. Именно понятие производственных отношений и есть исходная категория исторического материализма» [262, с. 50—51].

М. Я. Ковальзон, будет неполным и неполноценным, если наука ограничится наиболее абстрактным исследованием социальной необходимости в «чистом виде», не интересуясь механизмами ее складывания и реализации в историческом процессе, абстрагируясь от того факта, что «необходимость в истории реализуется в деятельности масс, классов и конкретно-исторических личностей» [Там же, с. 117]. Это обстоятельство вынуждает социологию переходить от анализа объективных социальных структур к исследованию обеспечивающей их существование и функционирование деятельности субъектов; такой «анализ истории как процесса и результата деятельности людей есть второй аспект методологии исторического материализма» [154, с. 123][2].

Подобный подход к деятельности существенно отличает точку зрения В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона от позиции радикальных противников «деятельностного начала» науки, полагающих, что «это понятие вообще не является категорией исторического материализма. Оно является понятием эмпирическим, а не теоретическим» [262, с. 50]. Позиция В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона не столь однозначна. Авторы фактически рассматривают деятельность в двух несовпадающих проекциях: доконцептуальной и собственно концептуальной. В первом случае деятельность понимается как феноменологическое выражение социального процесса, способ существования, в котором он предстает перед наукой, еще не рас-

[2] Выделение третьего аспекта, о котором будет сказано ниже, авторы связывают с типологией субъектов деятельности, учитывающей, что в истории действуют как социальные объединения людей, так и отдельно взятые индивиды. Последние, будучи полноправными субъектами общественной жизни, в то же время качественно отличны по законам своей жизнедеятельности от интегративных субъектов в лице исторических общностей и организаций. В результате возникает возможность и необходимость ввести «в методологию философско-социологического исследования общества проблему человека, индивида, личности... как один из аспектов подхода к историческому процессу в целом...» [154, с. 126—127].

В настоящей работе мы отвлекаемся от вопроса о том, в какой мере предложенная схема охватывает собой всю полноту концептуального содержания исторического материализма (в частности, учитывает его уровневую дифференциацию, не совпадающую с аспектной); нас интересует ответ на другой вопрос: насколько успешно данная схема выполняет возложенную на нее функцию содержательного опровержения идеи «деятельностного начала» нашей науки, насколько верны воплощенные в ней принципы категориальной организации общесоциологической теории марксизма?

крывшей сущностных определений своего объекта. Во втором — деятельность выступает уже как особый концептуальный объект, выражающий способ реализации сущностных связей общественной жизни, рассматриваемый с позиции ставшей историко-материалистической теории; возможность подобного рассмотрения позволяет авторам вести речь не об «исключении... деятельностной проблематики из структурной модели исторического материализма, а о таком способе ее включения, который не нарушал бы концептуальную целостность общей схемы» [154, с. 118].

Независимо от выводов, к которым приводит авторов такое двумерное восприятие одного и того же явления, следует признать, что в качестве методологического приема оно имеет полное право на существование (вспомним различие между эмпирической фиксацией чувственно-конкретного товара и логически воссозданной моделью «товара-клеточки» в «Капитале» К. Маркса). Это обстоятельство не позволяет согласиться с критиками В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, полагающими, что признание общественных отношений, генетически зависящих от деятельности, исходным началом систематизации категорий противоречит формальным требованиям метода восхождения от абстрактного к конкретному, является сознательным отказом от его использования. На самом деле деятельность, предпосылаемая авторами общественным отношениям в качестве порождающей их причины, рассматривается ими как своеобразное чувственно-конкретное «бытие», которое является исходным пунктом развития научного знания, но не может служить исходной категорией его рефлексивного изложения. В действительности такое изложение возможно лишь после того, как теория установила сущностное определение, стоящее за чувственно-конкретными проявлениями объекта и представляющее собой логическую основу собственно концептуального витка восхождения от абстрактного к конкретному. Таким сущностным определением авторы считают категорию материально-производственных отношений, связывая именно с ней концептуальное становление исторического материализма и начало его рефлексивного изложения; при этом они не отрицают ни необходимости установления начала, ни использования принципов восхождения в процессе его постепенной конкретизации. Именно кон-

кретизацией теории В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзои считают переход от «естественноисторического» аспекта к «деятельностному», что представляется единственно логичным при субъективном понимании деятельности, выносящем детерминирующие ее материальные факторы за рамки собственно деятельностного процесса. «Чтобы понять исторнческую деятельность людей,— утверждают авторы,— надо выявить ее объективные детерминанты, изучить их влияние на содержание деятельности и лишь на этой основе путем восхождения от абстрактного к конкретному восстановить целостный образ деятельности в научном познании» [155, с. 54]. Исходя из таких посылок, остается признать, что восхождение в понятийном аппарате нашей науки может осуществляться лишь по следующей «формуле»: «Сначала объективные законы истории. Потом и на этой основе деятельность людей и проблемы их приобщения к реализации требоваиий законов» [154, с. 129].

Не считая, таким образом, обоснованными адресуемые В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзону упреки в «сознательном отказе» от метода восхождения, мы в то же время убеждены, что позиция авторов находится в содержательном противоречии с правилами метода, что проявляется прежде всего в ошибочном определении ими начала категориальной систематизацин. Вполне признавая иеразрывиую связь начала с идеей материальности социального процесса, мы не можем считать им категорию производственных отношений. Ниже мы постараемся показать, что такая точка зрения ошибочна с онтологической стороны, поскольку принимает за первоисточник материальной обусловленности общественного процесса ее объективно вторичный источник. В действительности материальность общественных отношений отнюдь ие аксиоматичиа: она выводится из материальных факторов, имманентных уже простейшим проявлениям деятельности (формой взаимного обмена которых являются отношения). Это обстоятельство не позволяет ограничиться признанием чисто генетической завнсимости общественных отношений от деятельности, вынуждает рассматривать такую зависимость как сущностную по своему характеру, что делает категорию отношений логически производной от подлинного деятельностного начала теории. Одиако перед тем как рассмотреть эту онтологическую сторону вопроса, связанную с доказа-

тельством материальной природы деятельности, надо указать на чисто методологическую ошибку, которую, по нашему мнению, допускают В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, реализуя принцип материальной определенности исходного основания теории.

Как известно, исторический материализм исследует не материю как таковую, являющуюся предметом общефилософского анализа, а одну из существующих форм ее организации. Ниже будут рассмотрены важные методологические следствия, вытекающие из этого обстоятельства, исключающего прямые аналогии между концептуальным строением диалектического и исторического материализма. Пока же отметим, что социальный процесс как один из модусов всеобщей субстанции материи является полноправным носителем ее атрибутивных определений, должен рассматриваться как материальный по своему характеру процесс, высшая форма движения материи. Вместе с тем материальность общественной жизни выступает отнюдь не в «чистом виде», как это происходит в случае с природными процессами, не знающими никакой альтернативы материального: она складывается как результат взаимодействия собственно материальных и идеальных факторов, в котором первые подчиняют себе вторые, определяя тем самым материальный характер процесса, взятого в целом.

Такая диалектическая противоречивость ставит перед наукой методологическую проблему: с каким именно пониманием материальности должно быть связано исходное основание теории? Должна ли в нем выражаться субстанционально понимаемая материальность как интегративная характеристика социального процесса, взятого в целом, или же материальность определенных структурных компонентов этого процесса, взаимодействующих с его идеальными компонентами? Отвечая на этот вопрос, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон полагают, что исходным основанием теории является категория, фиксирующая собственно материальные, материализующие факторы социального процесса в их «чистом виде», определенные путем аналитического отчленения идеального (происшедшего как бы *до* становления науки). Такой подход нарушает общее правило диалектической логики, в соответствии с которым исходное основание науки должно содержать в себе (а не «за собой») все богатство потенциально возможных опреде-

лений объекта: первоначально в виде нерасчлененного синкретического целого, которое в процессе логической конкретизации раскрывает богатство своих внутренних определений, структурируется, выявляя функциональную неоднозначность определяющего и определяемого (прежде всего материального и идеального) в социальном процессе.

Из сказанного следует необходимость различать определения «материальность общественной жизни» и «материальное в общественной жизни», между которыми, несмотря на их органическую взаимоположенность, существуют отношения абстрактного и конкретного, логической выводимости. В плане реального развития науки и в плане ее последовательного изложения теория развертывается с представлений о материальности общественной жизни, взятой в целом, и лишь затем объясняет, конкретизирует реальные механизмы обеспечения такой материальности [3]. Альтернативой такому *субстанциональному* началу науки является попытка начать ее непосредственно с категорий, выражающих субординационные связи сферы сущности анализируемого объекта,— попытка, превращающая эти категории в беспредпосылочные, самозарождающиеся постулаты, *вводимые* в науку, а не *выводимые* в ней. Именно такой путь избирают ученые, считающие исходным основанием теории категорию производственных отношений, противопоставляя ее категории «деятельность».

Вместе с тем именно эта категория удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к субстанциональному началу систематизации понятий. В этом качестве понятие деятельности имманентно содержит в себе идею материальности социального процесса; в то же время именно в ней должны быть раскрыты собственно материальные факторы, придающие свойство материальности единственной форме движения, внутренне содержащей в себе идеальное. Это утверждение, однако, ре-

[3] Разница состоит в том, что в плане развития науки первоначальное определение материальности складывается как гипотеза атрибутивного свойства объекта, еще не дифференцированного в структурно-функциональном аспекте, предваряющая такую дифференциацию и подтверждаемая ею; в плане систематического изложения теории указанное определение существует как логический постулат, уже доказанный исследователем «для себя» и получающий всеобщую форму обоснования в процессе своей последовательной конкретизации.

шительно оспаривается В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзоном, А. И. Вербиным и некоторыми другими исследователями, что вынуждает нас кратко рассмотреть приводимую онтологическую по своему характеру аргументацию.

* *
*

Нам уже приходилось высказывать свое несогласие с практикуемой многими учеными неоправданной субъективацией деятельности, ставящей знак равенства между сознательной деятельностью и сознанием, превращающей деятельность в модус, практическое проявление сознания, всецело зависящее от него. Видимо, дискуссия с такой точкой зрения должна начинаться с определения терминов «объективное» и «субъективное» применительно к деятельности общественного человека, учитывая, что эти важнейшие понятия неодинаково интерпретируются учеными.

Все исследователи, анализирующие деятельность, как правило, согласны с тем, что она представляет собой некоторое единство (взаимодействие) объективных и субъективных компонентов. Однако в понимании природы этих компонентов единогласие отсутствует. Так, одна группа специалистов понимает объективное как то, что характеризует деятельность со стороны ее объекта. В рамках той же логики субъективное понимается как *всякая* характеристика субъекта (именно из такого понимания исходят ученые, считающие субъективным фактором деятельное проявление субъекта, его «живую» деятельность). В соответствии с таким подходом объективный характер деятельности интерпретируется как непременное наличие некоторого объекта, свойства которого должен учитывать действующий субъект; при этом констатация объективности социальной деятельности непосредственно не связывается с вопросом о роли сознания субъекта в процессе его действования. Такая констатация может вполне согласовываться с признанием доминантной роли сознания в деятельности, как об этом пишет, к примеру, А. И. Вербин: «Хотя в деятельности переплетаются объективное и субъективное, но определяющим в рамках самой деятельности является субъективное, точнее — сознание» [75, с. 53—54].

Другая группа ученых руководствуется иным пониманием категорий объективного и субъективного. В данном случае предполагается, что дихотомия субъекта и объекта деятельности, взятых в совокупности отличающих их свойств, должна выражаться в категориях «объектное» и «субъектное», в то время как категории объективного и субъективного служат иной цели, а именно определению того, что в социальной действительности (и отражающем ее познании) зависит и что не зависит от сознания действующего субъекта. В этом плане объективное понимается как независимое от человеческого сознания, безотносительно к тому идет ли речь о характеристиках объекта, субъекта деятельности или существующих между ними связей. Так, значение объективного могут иметь определенные жизнепроявления субъекта, начиная от свойственных ему потребностей и кончая содержанием его сознания (к примеру, в категории объективной истины несомненно выражается состояние сознания субъекта, которое, будучи адекватным отражением свойств объекта, не зависит от произвола человеческой воли,— объективная истина может быть искажена, но не может быть изменена сознанием, именно в этом смысле она объективна. Таким образом, категория объективного фиксирует независимость от сознания субъекта явлений, которые могут находиться как вне, так и внутри этого сознания. В таком понимании указанная категория шире категории материального, обозначающей то, что существует одновременно *независимо* и *вне* сознания субъекта).

Не обсуждая вопроса о том, какое понимание категорий объективного и субъективного является верным или предпочтительным (в произведениях классиков марксизма, во всяком случае в их русском переводе, указанные категории употребляются в обоих значениях: и как синонимы объектного и субъектного, и как их атрибутивные характеристики относительно человеческого сознания), укажем, что терминологические разночтения не должны заслонять существа дискутируемой проблемы: можно ли рассматривать деятельность как форму объективного процесса, понимая под ее объективностью не «сопряженность» с внешним по отношению к действующему субъекту объектом, а независимость от сознания субъекта, *материальность* человеческой деятельности?

В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон и разделяющие их взгляды ученые дают отрицательный ответ на поставленный вопрос. Рассматривая деятельность как форму человеческой действительности, они признают наличие в ней объективных законов, изучаемых наукой, но источник такой закономерности усматривают не в самой деятельности, а в возникающих в процессе взаимодействия людей общественных отношениях. С одной стороны, признается, что эти отношения «нельзя отрывать от деятельности, ибо тогда они теряют почву, повисают в пустом пространстве» [154, с. 122], с другой — утверждается, что принцип материализма состоит в понимании того, что «в сознательной деятельности людей формируются и существуют отношения не только независимые от сознания и деятельности, но и выступающие в качестве их социальных детерминант» [Там же, с. 120]. Этим определяется убеждение в невозможности «объяснить деятельность из самой деятельности» [151, с. 12], что и ведет к отрицанию ее субстанционального статуса.

Точка зрения, ставящая общественные отношения по одну сторону границы материального и идеального, а деятельность — по другую, рассмотрена нами в монографии «Концептуальная природа исторического материализма». Не повторяя всего хода рассуждений, хотелось бы вновь подчеркнуть несогласие с учеными, считающими, что непременное присутствие и важнейшие функции сознания в человеческой деятельности делают бессмысленными разговоры о ее материальном содержании. В основе такой логики лежит неправомерное понимание объективного как бессознательного, того, что не нуждается в сознании как непосредственном факторе своего возникновения и существования (мы видели, что именно стихийность генезиса рассматривается сторонниками данного подхода как важнейшее условие формирования в обществе объективных социальных структур [155, с. 71—72]; последовательно проведенная такая точка зрения лишит объективности *планомерно* создаваемые структуры, необходимость возникновения которых не зависит от воли людей, хотя реализуется, проходя через их сознание). В действительности проблема материальности социальной деятельности как таковой не может быть снята простой констатацией ее сознательного характера: она должна решаться путем глубокого содержательного анализа места и роли созна-

ния в процессе действования людей. В этом плане эмпирически фиксируемый факт, в соответствии с которым деятельность любого конкретного субъекта с точки зрения способа ее осуществления и реально полученного результата несомненно зависит от сознания, не является препятствием к ее рассмотрению в качестве внутренне объективного процесса. Философский анализ этой проблемы предполагает отчетливое различение ее *функционального* аспекта, в рамках которого исторический материализм признает «операциональную» зависимость деятельности от сознания как механизма ее осуществления, и *сущностного* аспекта, фиксирующего объективность деятельности как следствие глубинной детерминированности ее содержания системой имманентных материальных факторов в лице потребностей и интересов действующего субъекта [208, с. 84—89]. Указанные факторы (выражающие отношение субъекта к необходимым условиям собственного существования, не зависящее от сознания, отражаемое в нем, направляющее и определяющее его) составляют объективную сторону деятельности, наличие которой не учитывается сторонниками критикуемой точки зрения. Игнорируя потребности и интересы субъекта, заставляющие сознание направлять деятельность в избранном им направлении, или же превращая их в идеальные стимулы деятельности, ученые тем самым абсолютизируют ее подчиненную субъективную сторону в лице механизмов целеполагания, которые в этом случае получают ничем не стесненный (в рамках деятельности) контроль над механизмами целеосуществления. В результате материальное в своей сути явление превращается в некоторую практическую функцию идеального, что ведет к самым серьезным онтологическим и методологическим ошибкам.

Сказанное выше касается естественно не только субстанционального определения «деятельности вообще» (объективность которой В. И. Ленин уподоблял материальности природы [5, т. 29, с. 170]), но и любых конкретных проявлений деятельной способности. Ясно, что субстанциональное понимание деятельности не может быть принято в том случае, если будет доказано, что реальные действия реальных субъектов лишены важнейшего атрибутивного свойства, приписываемого охватывающей их родовой абстракции, т. е. находятся в сущностной зависимости от сознания. Такое утверждение, однако,

глубоко ошибочно, искажает подлинно материальный характер деятельной способности субъектов. И дело здесь отнюдь не в «материализирующем» воздействии со стороны общественных отношений, которое якобы придает «вынужденную» объективность субъективному по своей природе действию, детерминировав определенным образом направляющее его сознание. На самом деле субъективные стимулы действия в первую очередь обусловлены неотделимыми от него объективными потребностями и интересами. Вследствие такой самодетерминации действие приобретает «внутреннюю объективность», на что неоднократно указывали классики марксизма, критикуя идеалистическое понимание истории. Именно такую самодетерминацию реальной деятельности субъекта имел в виду К. Маркс, когда писал: «Меня определяют и насилуют мои собственные потребности, насилие надо мной совершает не нечто чуждое, а лишь моя собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений (иначе говоря, мой *интерес*, выступающий во всеобщей рефлектированной форме)» [1, т. 46, ч. I, с. 192]. Непонимание этого важнейшего обстоятельства является одним из гносеологических корней социологического идеализма, на что прямо указывал Ф. Энгельс: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются), и этим путем с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами в особенности со времени гибели античного мира» [1, т. 20, с. 493].

Эти и другие высказывания классиков марксизма, свидетельствующие о материальной самообусловленности деятельности, показывают всю ошибочность поиска некоторых внешних ей материальных «подпорок», объективирующих якобы субъективные по своей природе деятельностные процессы. В действительности, как отмечают П. Н. Федосеев и Л. Ф. Ильичев, «самой человеческой материальной деятельности внутренне, глубинно, существенно присуще ее собственное, объективное историческое развитие, связанное с субъективным фактором, но и в то же время не зависящее от ее собственной идеальной стороны, от воли и сознания людей» [287, с. 8]. Весьма важно понимать, что сказанное относится к любой из реально существующих форм дея-

тельности, что исключает попытки противопоставления одних форм (скажем, материально-производственной) другим (духовному производству) как объективного процесса субъективному [50, 53, 208]. Соответственно именно «деятельность вообще» как родовая абстракция «неразрывно связана с решением основного вопроса философии, ибо «деятельность» это и есть категория для фиксации диалектического единства материального и идеального, материи и сознания» [292, с. 113].

Признание этого обстоятельства, как уже отмечалось, имеет важнейшее методологическое значение для систематизации категорий, поскольку лишь в качестве материального процесса деятельность может рассматриваться как субстанциональное начало общественной жизни и соответственно исходное основание науки. Лишь в этом случае можно выводить принципы материалистического понимания истории путем логической конкретизации имманентно заложенных в деятельности определений, понимая все материальные детерминанты истории как ее модусы. Однако сама по себе материальность деятельности не превращает ее в субстанциональное начало, являясь необходимым, но не достаточным условием такой субстанциональности, так как отнюдь не всякое материальное по своему характеру явление может рассматриваться как субстанция социального процесса, виртуально содержащая в себе все многообразие общественных явлений. Соответственно далеко не всякая категория «материального ряда» общественной жизни может рассматриваться как исходное основание, из которого могут и должны быть выведены все ее определения как собственно материального, так и идеального плана. Поэтому, не ограничиваясь доказательством материальной природы деятельности, сторонники «деятельностного начала» исторического материализма должны показать, что последнее имеет самообосновывающийся характер, содержит все свои социальные причины только в себе. Как отмечалось выше, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон исключают возможность такой постановки вопроса. Независимо от субъективной интерпретации деятельности они рассматривают ее не как субстанциональное единство формы и содержания, сущности и явлений общественного процесса, а лишь как внешнее проявление человеческой действительности, за которым стоит первичная по отношению к нему, опре-

деляющая его сущность социальной жизни. Доказывая это утверждение, авторы исходят из признания детерминационного воздействия на деятельность со стороны общественных отношений, которое представляет собой реальный факт, требующий методологически верной интерпретации. Рассмотрим кратко существо вопроса.

* *
*

Правильное понимание природы детерминационного воздействия общественных отношений на деятельность предполагает строгое различение субстанционального и несубстанционального значений, в которых используется категория «деятельность». Выше отмечалось, что в своем субстанциональном понимании деятельность рассматривается как всеобщий способ существования социальной формы движения, содержащий любое социальное явление в себе, относящийся к нему как к собственному модусу. Характерно, что такие модусы представляют собой не только «части» или атрибутивные признаки деятельности, но и целостные состояния последней в лице отдельной деятельности отдельных субъектов. В этом плане субстанциональное понимание деятельности венчает собой пирамиду самых разнообразных видов деятельностной способности, снимая все возможные различия между ними, соотносясь с ними так, как всеобщее соотносится с особенными и единичными формами своего проявления.

Важно понимать, что в своем субстанциональном значении, которое мы стремимся обосновать, деятельность не может иметь каких бы то ни было внешних по отношению к себе социальных детерминант — граница между ней и внешними факторами в данном случае есть граница между социальным и несоциальным, так как в качестве общественной субстанции она имеет всеохватывающий характер и все внешнее ей принадлежит к иным формам движения материи. Соответственно при субстанциональном понимании мы не вправе рассматривать общественные отношения как внешний детерминационный момент, так как они неотделимы от деятельности, выступая в качестве имманентного ей организационного элемента, важного фактора самодетермина-

ции. Иначе обстоит дело с отдельными формами деятельности, всегда осуществляющимися в определенном социокультурном контексте, вследствие чего мы не можем объяснять их только из них самих, не учитывая сложного отношения с внешними условиями осуществления. К их числу принадлежат и ранее сложившиеся общественные отношения, приобретающие в данном случае характер внешней предпосылки, оказывающей детерминирующее воздействие на содержание, характер и результат отдельной деятельности.

Конечно, такую детерминацию по линии «условие — обусловленное» нельзя интерпретировать как воздействие объективного (материального) на субъективное: в действительности она имеет своим источником отнюдь не дихотомию материального и идеального в обществе, а диалектику «живой» и опредмеченной деятельности, «перетекающих» друг в друга в соответствии с законами опредмечивания — распредмечивания. Известно, что любые сложившиеся условия, составляющие наличную историческую ситуацию, в которой вынуждены жить и действовать данные субъекты, как и всякий свершившийся факт, уже не зависят от воли последних, но диктуют им определенную логику поведения. В этом смысле они обладают статусом *объективных условий*, несмотря на то что в качестве таковых выступают любые явления общественной жизни, в том числе относящиеся к субъективному в ней. (Так, всякий политик, пришедший к власти, вынужден считаться как с объективным условием своей деятельности с тем настроением умов, которое в настоящий момент превалирует в обществе. Понятно, что подобный фактор общественного мнения, рассмотренный в общесоциологическом плане, всецело принадлежит к субъективной стороне общественной жизни: объективен он лишь по отношению к сознанию конкретных субъектов, взятых в строго определенный момент своей деятельности.)

Сказанное, конечно, не касается системы общественных отношений, обусловливающих протекающую в ее рамках деятельность. Мы знаем, что объективность таких отношений, их независимость от сознания и воли взаимодействующих субъектов, имеет более глубокий источник, чем детерминационная связь прошлого и настоящего, характеризует их не только в качестве *ставшего условия последующей*, но и *результата предыду-*

щей деятельности[4]. Важно, однако, понимать, что в любом случае объективность общественных отношений на одном полюсе детерминации отнюдь не предполагает субъективности определяемой ими деятельности на другом. В социально-философской литературе категория «объективные условия» нередко сопрягается лишь с категорией «субъективный фактор» (в то время как свои объективные условия имеет не только субъективный, но и вполне объективные факторы общественного процесса, в отличие от условий имманентные ему). Неудивительно поэтому, что многие ученые, рассматривая в статусе объективных условий деятельности ранее сложившуюся систему общественных отношений, автоматически отождествляют детерминируемую ими деятельность с понятием субъективного фактора. В действительности, как неоднократно отмечалось в литературе, оснований для такого отождествления не существует. Категория «субъективный фактор» должна соотноситься не с деятельностью субъекта, взятой в целом («живой» деятельностью в ее отношении к овеществленной), а именно с субъективной стороной «живой» деятельности, представленной механизмами ее целеполагания, которой про-

[4] Отметим, что объективность общественных отношений (как и деятельности, в процессе которой они возникают) становится очевидной лишь в сущностном аспекте рассмотрения, который фиксирует историческую необходимость становления данной системы отношений, источником которой является объективное содержание «оформляемой» ими деятельности людей, а не произвол человеческого сознания. Функционально же — в плане конкретных механизмов их становления — отношения могут рассматриваться как независящие от сознания лишь в условиях стихийного развития, когда они складываются не только независимо от воли, но и не проходя через сознание людей. В условиях планомерной организации общества и генезис, и функционирование, и развитие общественных отношений находятся в безусловной функциональной (но не сущностной!) зависимости от общественного сознания, способного реально контролировать социальные процессы, в которых они возникают и изменяются.

Укажем еще раз, что сказанное об объективности общественных отношений касается любого их вида, а не только системы отношений, складывающейся в процессе производства материальных благ. Этот факт справедливо подчеркивается В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном, считающими, что обоснование объективности материально-производственных отношений, играющих решающую роль в жизнедеятельности общества, позволило основоположникам марксизма создать «общую модель существования объективных структур в общественной жизни и ее различных сферах» [154, с. 122].

тивостоит ее же объективная сторона, характеризуемая потребностями и интересами субъекта. Именно благодаря последним мысленное отвлечение от детерминационного воздействия на деятельность со стороны ее *объективных условий* отнюдь не лишает ее объективности, источником которой выступает внутренняя детерминация по линии имманентных *объективных факторов* деятельности.

С учетом сказанного согласимся с мнением П. Н. Федосеева и Л. Ф. Ильичева, полагающих, что «противопоставление материальных, объективных социальных отношений и деятельности людей у авторов возникает в силу того, что они слишком абстрактно, недифференцированно трактуют деятельность, абстрагируясь от ее сложной структуры... акцентируя внимание на идеальной стороне деятельности» [287, с. 8]. Вместе с тем такая ошибочная интерпретация не отменяет самого факта детерминационного воздействия общественных отношений на «живую» деятельность. Возникает вопрос: не противоречит ли идея выводимости всех социальных феноменов из деятельности как субстанционального первоисточника реальным связям, которые существуют между реальными действиями субъектов и складывающимися между ними общественными отношениями? Если это так, то невозможно считать субстанциональное понимание деятельности оправданным, напротив, оно явится наглядным примером подогнать реалии общественной жизни под надуманную схему. Именно так считают противники «деятельностного начала» систематизации категорий исторического материализма. Многие из них, не принимая субъективного понимания деятельности, разделяют тем не менее убеждение В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона в ее зависимости от общественных отношений, признаваемых главным детерминационным началом общественной жизни. Деятельность при таком подходе рассматривается как подчиненное средство «использования» объективных законов, воплощенных в общественных отношениях, возникающих в деятельности субъектов, но не зависящих в своей сущности от ее содержания. Соответственно оспаривается понимание деятельности как определяющего, обусловливающего отношения начала, хотя именно такое понимание следует из основополагающих положений материалистического понимания истории.

Подтверждением сказанному служит прежде всего важнейший закон марксистской теории, фиксирующий зависимость производственных отношений от характера производительных сил, под которыми понимается не что иное, как деятельный синтез субъектов и используемых ими средств производства. Данный закон утверждает, что производственные отношения любой формации складываются как результат и следствие изменившегося содержания производственной деятельности. Наиболее глубокой причиной этого процесса является такой чисто «деятельностный» фактор, как изменение содержания трудовых операций в результате возникновения новых, более эффективных средств производства, стимулируемого объективно необходимым возрастанием потребностей. Эти деятельностные процессы обусловливают перестройку производственно-технологических отношений между участниками общественно разделенного труда и возникновение новых отношений собственности между ними. Ясно, что эта открытая марксизмом связь не позволяет считать общественные (производственные) отношения сущностно независящими от объективного содержания порождающей их деятельности, хотя они не зависят от ее субъективной стороны — складываются независимо от воли людей[5].

---

[5] Именно связь между содержанием детерминированных объективными потребностями действий и возникающими в процессе обмена отношениями позволяет объяснить, как увидим ниже, объективность общественных отношений в условиях планомерного развития, когда их возникновение рефлектируется в сознании субъектов, контролируется ими. Сказанное позволяет судить об ошибочности подхода, противопоставляющего «деятельностную проблематику» взгляду на историю как на естественноисторический процесс, считающего, что исследование деятельности возможно лишь после обнаружения существующих независимо от нее законов. В действительности лишь понимание истории как объективной в своем содержании, самообусловливающейся коллективной деятельности раскрывает наиболее глубокие источники материальной закономерности социального процесса. В этом плане несомненно правы ученые, подчеркивающие нераздельное единство «естественноисторического» и «деятельностного» подходов [287, с. 8], исключающее их выделение и самостоятельные аспекты исторического материализма.

Ошибочным является не только противопоставление «естественноисторического» и «деятельностного» аспектов, но и убеждение, что исследование деятельности всегда имеет более конкретный характер, чем анализ безличных структур, представленных общественными отношениями. Подобная зависимость выдерживается лишь в том случае, если мы противопоставляем выраженным в безличных отношениях законам не определяющие их сущностные связи

Сказанное не отменяет бесспорного детерминационного воздействия общественных отношений на осуществляемую в их условиях деятельность, примером которого может служить ускоряющее или тормозящее воздействие ставших производственных отношений на характер и содержание трудовой активности людей. Вместе с тем такое воздействие должно рассматриваться как обратное, реактивное влияние следствия на порождающую его причину, абсолютизация которого представляет собой серьезную ошибку. Важно, однако, понимать, что эта ошибка не случайна — она вызывается реальной сложностью детерминационных опосредований социальной системы, имеет причины, о которых следует сказать особо.

Одной из таких причин, вызывающих ошибочное представление о субстанциональной независимости отношений от деятельности, является нарушение принципа их структурной эквивалентности. Дело в том, что в роли субъектов социальной деятельности выступают как отдельные индивиды, так и охватывающие их группы людей, обладающие способностью проявлять себя в качестве интегративного, целостного субъекта, характеризующегося общностью потребностей, отражающего их коллективного сознания и реализующей их активности. При этом деятельность группы складывается как результат взаимодействия составляющих ее субъектов, в котором рождаются особые интегративные качества коллективной деятельности, не позволяющие рассматривать ее как простую арифметическую сумму индивидуальных актов человеческой активности. Учитывая объективное различие индивидуальной и коллективной деятельности, важно понимать соответствующее различие «микро-» и «макроотношений» социальной системы. Первые из них возникают в ходе коммуникации отдельных людей и яв-

---

деятельности, а порождаемый ее конкретными проявлениями событийный пласт человеческой истории со свойственными ему конкретно-историческими закономерностями [105, с. 55]. В этом случае концептуальное движение теории идет от уже познанной сущности к еще не познанным проявлениям: уже установленный тип общественных отношений используется как объяснительный принцип, из которого исходит анализ действий «биографически конкретных» субъектов. Ясно, что такая методологическая процедура применения уже ставшей теории к познанию новых конкретных явлений не может рассматриваться как способ логического саморазвития науки, осуществляющегося по принципиально иным законам.

ляются структурным коррелятом индивидуальной активности, вторые же складываются в процессе взаимодействия коллективных субъектов общественной жизни. Между этими видами отношений, как и между порождающими их видами деятельности, существуют органическая связь и в тоже время принципиальное различие, тождественные связи и различию между общим и отдельным, воплощающим в себе родовые свойства общего, но не сводящегося к нему целиком. Учет таких различий является общенаучным требованием адекватного анализа любых таксономически вариативных объектов, запрещающим «уровневые перескоки», если речь идет не о процедурах операционализации, а о взаимодействии явлений одного ранга обобщения.

Из сказанного следует, что любое суждение о детерминационной связи между общественными отношениями и деятельностью (в аспекте их возможной субстанциональности) должно учитывать принцип эквивалентности взаимодействующих факторов (сопоставлять друг с другом их однокачественные в структурном плане проявления). Мы не вправе устанавливать субстанциональные законы первенства, сопоставляя отношения одного уровня с деятельностью другого уровня. Условием логически адекватного решения проблемы является сопоставление «макроотношений» больших групп людей с деятельностью «макросубъектов». Именно это правило нередко нарушается противниками субстанционального понимания деятельности, противопоставляющими «макроотношениям» индивидуальную активность людей, что создает иллюзию субстанциональной первичности отношений перед деятельностью, поскольку «макроотношения», с одной стороны, предписывают индивиду определенные формы социальной активности и при этом в весьма малой степени зависят от ограниченных по диапазону действий отдельно взятого человека. На это обстоятельство специально обратил внимание К. Маркс, и он же на примере общественного производства подчеркнул неправомерность его использования в целях доказательства субстанциональной первичности отношений (распределения) перед деятельностью (производством) [6]. «По отношению к отдельному индивиду,— пи-

[6] Изучение «Экономических рукописей 1857—1859 годов» не оставляет сомнений в правомерности интерпретировать суждения

сал он,— распределение, конечно, выступает как общественный закон, обуславливающий то его положение в производстве, в рамках которого он производит и которое поэтому предшествует производству. Например, данный индивид с самого начала не имеет ни капитала, ни земельной собственности. С самого рождения в силу общественного распределения ему предназначен наемный труд. Однако это предназначение само есть результат того, что капитал и земельная собственность (как общественное отношение.— *К. М.*) существуют как самостоятельные факторы производства» (деятельности.— *К. М.*) [1, т. 46, ч. I, с. 32].

Характер связи между отношениями и деятельностью существенно меняется, если анализируется в одинаковой уровневой проекции. Так, на уровне «микроструктур» действия отдельно взятого индивида, оказывающие незначительное влияние на систему общественных отношений, становятся фактором, существенно детерминирующим «микроотношения», выражающие его собственное место в этой системе (к примеру, буржуа, получив статус капиталиста «по наследству» до и независимо от собственных действий, в дальнейшем способен как сохранить, так и утратить его, что зависит от эффективности его экономической деятельности, даже если речь

К. Маркса о связи производства и распределения как доказательство субстанциональной первичности деятельности перед создаваемыми ею отношениями. «Отношения распределения и способы распределения, — писал К. Маркс, — выступают как оборотная сторона факторов производства. ... Структура распределения полностью определяется структурой производства» [1, т. 46, ч. I, с. 31—32]. Сказанное касается отнюдь не только распределения, понимавшегося К. Марксом как особый этап всеобщего процесса производства, связанный с распределением уже созданных продуктов и отличный тем самым от собственно производства как деятельности, в ходе которой «члены общества приспосабливают (создают, преобразовывают) продукты природы к человеческим потребностям» [Там же, с. 25]. Это верно и в отношении имманентного такой деятельности распределения средств производства и самих производителей, закрепленных за различными его видами. В данном значении категория «распределение» выражает уже не деятельность и отношения, выходящие за рамки непосредственного «делания» продуктов, но присущие этому процессу собственно производственные отношения, складывающиеся между его участниками по поводу используемых в нем средств. Зависимость так понимаемого распределения от охватывающего его производства представляет собой «процессуальный аспект» сущностной зависимости производственных отношений от деятельностного проявления производительных сил.

идет о правильном помещении капитала). Точно так же и на уровне «макроструктур»: общественные отношения, представлявшие собой достаточно автономное условие и предпосылку индивидуальной деятельности, уже не могут считаться независимыми относительно ее коллективных форм. Напротив, в данном случае отношения представляют собой следствие и результат коллективной активности, взаимодействия интегративных субъектов, находящийся в самой непосредственной зависимости от его объективного содержания, что позволяет рассматривать деятельность не как подчиненное средство проявления «законоопределяющих» отношений, а как и порождающий, и обусловливающий, сущностно детерминирующий их фактор.

Фиксируя эту генеральную зависимость, следует учитывать, что создаваемые деятельностью интегративных субъектов объективные общественные отношения с необходимостью обретают своих носителей, «персонифицируются» в них, вызывая тем самым существенную перестройку субъектного аспекта социальной организации: исчезновение старых и возникновение новых групп. При этом деятельность каждой вновь возникшей группы (так же как и в случае с отдельным индивидом) находится в непосредственной зависимости от «предписанного» ей места в системе вновь возникших отношений, созданного предшествующим изменением содержания социальной деятельности. Это обстоятельство нередко используется учеными, пытающимися найти подтверждение субстанциональной зависимости деятельности от общественных отношений в законах классогенеза. Выделяя в классическом ленинском определении классов их «деятельностный» признак, связанный с ролью в общественной организации труда, и «отношенческий», фиксирующий место в системе отношений собственности, ученые усматривают в связи этих признаков «самоочевидное» доказательство вторичности деятельностного начала в истории. Последовательность приводимых аргументов можно представить следующим образом, взяв в качестве примера господствующий класс капиталистического общества.

Как известно, с точки зрения деятельностной роли буржуазию характеризуют организация и управление всеми видами общественного производства, с точки зрения места в системе общественных отношений — юри-

дически закрепленная собственность на его решающие средства[7]. Именно этот признак выделяет класс среди прочих социальных групп, прежде всего профессиональных, поскольку «деятельностная роль» сама по себе не позволяет отличить современную буржуазию от профессиональной группы менеджеров, также выполняющих функцию организации и управления буржуазным производством и занимающих идентичное место в системе производственно-технологических отношений[8]. Фиксируя такой «классификационный» примат «отношенческого» признака, ученые разворачивают его в систему доказательств субстанциональной вторичности деятельностного начала в процессе реального существования классов. В качестве основного аргумента при этом используется тот факт, что именно господствующее положение в системе отношений собственности позволяет буржуазии выполнять свою «деятельностную» функцию по организации и управлению процессом общественного производства. Ясно, что владение средствами производ-

---

[7] Забегая вперед, подчеркнем, что собственность буржуазии распространяется не только на средства материального производства, но и на все прочие виды производственного процесса. Так, буржуазные концерны могут владеть средствами духовного производства (научным оборудованием, техникой киноиндустрии и пр.), производства человека (техническими средствами частного обучения), политической деятельности (оружием), используя их по всем законам капиталистической экономики. Все еще встречающееся в литературе ограничение функций буржуазии материально-производственной сферой объясняется, с одной стороны, неправильным пониманием структуры общественного производства, а с другой — абсолютизацией законов генезиса буржуазного класса, связанного именно с этой важнейшей для общества сферой. Капиталистическая собственность на средства производства зародилась именно здесь, что вызывалось первостепенной значимостью материального производства (обеспечивавшей его «экономическую весомость») и относительной технологической сложностью используемых средств, исключавшей их общедоступность и делавшей предметом особо охраняемого права собственности. С повышением функциональной значимости иных сфер производства и их технологическим усложнением, открывающим возможность монополизации применяемых средств, капиталистическая собственность распространяется и на эти сферы, что приводит к возникновению непромышленной буржуазии, эксплуатирующей труд наемных работников непромышленной сферы, становящихся тем самым потенциальными союзниками пролетариата.

[8] Может вообще возникнуть вопрос: насколько необходимым «деятельностный» признак классовой принадлежности, если представители класса способны, как это делают многие буржуа, «пере-

ства фактически и логически обусловливает возможность капиталистов распоряжаться ими в производственном процессе, осуществляя свою цель получения прибавочной стоимости.

Вместе с тем данный аргумент, доказывающий, что активность отдельно взятого субъекта взаимодействия, «персонифицирующего» определенную позицию в системе общественных отношений, зависит от характера последней, не может «перевесить» фундаментальный факт производности самих отношений от содержания создающей их деятельности. В этом плане классовые отношения, предписывающие буржуазии и пролетариату определенные формы поведения, появляются лишь там и тогда, когда развитие производственной деятельности создает объективную потребность в капиталисте и рабочем как безличных функциях всеобщего процесса производства. Именно такая зависимость является субстанциональной, показывающей, что в конечном счете не деятельность является формой проявления общественных отношений, а, наоборот, отношения представляют собой результат и форму взаимного обмена деятельностью между взаимодействующими субъектами. Как и всякая форма, отношения оказываются вторичными и производными относительно выражаемого ими содержания, в чем и проявляется принцип субстанциональной первичности деятельности. Важно лишь понимать, что в плоскости анализа, в которой речь идет о конкретной деятельности субъектов, этот принцип не получает сво-

---

доверять» свои практические функции высокооплачиваемым наемным работникам, самоустраняясь из процесса организации производства. При этом они отнюдь не теряют социальный статус капиталиста: сохраняя за собой собственность на средства производства, они тем самым сохраняют вполне определенное место в системе производственных отношений, участвуют в распределении и потреблении общественного продукта, определяющем свойственный буржуазии образ жизни.

Поставленный вопрос имеет, конечно же, риторический характер. В действительности ни один ученый-марксист не ставит под сомнение необходимый характер «деятельностных» признаков классовой организации, специально выделявшихся В. И. Лениным. Их необходимость отнюдь не отменяется реальной потерей представителями эксплуататорского класса (и классом в целом) своего функционального назначения, что не мешает им цепляться за связанное с ним положение в системе общественных отношений. Ясно, что ленинское определение имеет в виду «живые» классы, а не рудиментарно существующие группы, «смерть» которых связана с потерей общественно необходимой «деятельностной» роли.

его логического завершения. Он ограничен фактом циклической взаимосвязи деятельности и отношений, являющейся следствием постоянного перехода деятельности из формы движения в форму результирующего ее объекта (в роли которого могут выступать как предметы, обладающие чувственным бытием, так и явления, лишенные предметного существования, как это имеет место в случае с общественными отношениями). Возникающее в данном случае детерминационное кольцо (точнее, спираль) не означает, что участвующие во взаимодействии детерминанты субстанционально равноправны друг другу. Напротив, на каждом из витков спирали именно деятельность является инициирующим фактором, изменение которого определяет соответствующее изменение структурирующих ее отношений.

В этом плане принцип первичности деятельности выдерживается в пределах любого из качественно автономных этапов общественного развития и «нарушается» лишь при нарушении логических норм анализа. Речь идет о нарушении принципа методологически адекватного сопоставления деятельности и общественных отношений, который в отличие от принципа структурной эквивалентности можно назвать принципом их сущностной совместимости. Его применение запрещает суждения о субстанциональной первичности, основанные на сопоставлении различных по своей социальной сущности общественных отношений и деятельности, принадлежащих исторически диахронным формам общественного устройства. Суть такого запрета обусловлена целью нашего исследования — установить субстанциональную логико-генетическую первичность между взаимополагающими друг друга, одновременно существующими факторами социальной организации, каковыми являются деятельность отдельных субъектов и отношения между ними. Правомерно искать эту исторически всеобщую связь, анализируя ее проявления в реальных социальных организмах и формационных системах, с тем, однако, условием, что она останется связью логико-генетического характера и не превратится в имеющую иные законы связь исторического следования разносущностных, диахронных явлений.

Это означает, к примеру, что, фиксируя фактическую обусловленность производственных функций буржуа присущей ему собственностью, нужно учитывать, что

она не может рассматриваться как буржуазная, как капитал до тех пор, пока владелец не стал использовать ее специфически капиталистическим способом. Поэтому буржуазной по своему содержанию производственной деятельности предшествует не однотипная ей капиталистическая собственность, а ее докапиталистическая форма (независимо от того, явилась ли она в каждом конкретном случае результатом первоначального накопления, осуществлявшегося докапиталистическими способами, или адаптации феодальной собственности к новым условиям производства). Путаница в этом вопросе возникает в связи с тем, что применительно к буржуазному обществу развитие производственной деятельности привело не к созданию принципиально новых производственных отношений, а лишь к смене одной исторически определенной формы частной собственности на средства производства другой. Именно по этой причине капитализм как форма общественного устройства является лишь специфической модификацией антагонистического типа социальной организации, который К. Маркс характеризовал термином «вторичная формация» [9].

[9] Учитывая это обстоятельство, можно считать, что детерминационная связь между деятельностью и общественными отношениями в аспекте классогенеза приобретает особую наглядность не в случае со сменой одной формы антагонистического строя другой, но применительно к переходу от социальной организации неантагонистического типа к антагонистическому или наоборот. К примеру, примат деятельности становится совершенно явным при изучении первоначального классообразования, когда возникновение и характер классовых отношений связываются с процессом общественного разделения труда. В этом случае отчетливо видно, как чисто «деятельностный» фактор повышения производительности труда снимает объективное препятствие на пути классогенеза — жизнеобеспечивающий характер добываемого продукта, исключающий возможность выделения групп людей, не занятых непосредственно производством материальных благ. Вместе с тем такое выделение становится необходимым в связи с усложнением общественного процесса, потребовавшим специализации социальных функций, выходящих за рамки собственно материального производства. В этом плане становление классовых отношений осуществляется после выделения в особый вид труда деятельности по управлению общественной жизнью, которое имел в виду Ф. Энгельс, говоря об отделении умственного труда от физического. Независимо от того, какой точки зрения на непосредственные механизмы классогенеза придерживается ученый, — считает ли он, что достигнутое определенными индивидами «богатство» позволило им обрести власть в обществе и консолидироваться как господствующий класс, или же полагает, что в историческом процессе, напротив, «знатность» (об-

Необходимость подобных методологических оговорок подтверждает приведенную мысль о том, что в случае исследования исторически конкретных структур мы не можем утверждать абсолютную первичность деятельности как самодетерминирующейся субстанции общественной жизни. В то же время такое исследование показывает правомерность логического перехода от «частных» проявлений первичности деятельностного фактора в истории к идее субстанциональной первичности деятельности как таковой. В случае такого перехода от отдельного к являющемуся в нем общему отпадают ограничения, мешавшие рассматривать связь между деятельностью и общественными отношениями в ее логически чистой форме. Прежде всего можно абстрагироваться от диалектики «живой» и опредмеченной (объективированной) деятельности, вынуждавшей нас рассматривать общественные отношения как внешнее условие деятельности субъекта (в отличие от имманентных ей факторов). При субстанциональном понимании деятельности общественные отношения уже не взаимодействующая с ней внешняя реальность, но порождаемый и воспроизводимый в процессе самодвижения деятельности, существующий ее посредством внутренний организационный момент, структурное выражение такой атрибутивной характеристики, как коллективность. Внешнее воздействие этот элемент социальной субстанции оказывает на другие ее структурные моменты — отдельных индивидов с их деятельной способностью, используемые людьми вещные функции и объективированные состояния общественного сознания. Но ставить вопрос о внешнем воздействии отношений на саму субстанцию, которая представляет собой самообосновывающееся, самодетерминирующееся начало, столь же невозможно, как искать зависимость объективной реальности от пространства и времени, рассматриваемых в качестве внешних по отношению к ней сил. Ясно, что в данном случае связь между общественными отношениями и деятельностью осуществляется по принципу внутренней детерминации, фиксирующему влияние отдель-

ладание властью) предшествовала «богатству» (собственности на средства производства), — общий вывод ясен: классовые отношения, существенно влияющие в дальнейшем на действия их носителей, суть следствие развивающейся производственной деятельности, складываются в ее процессе и определяются ее содержанием.

ных элементов на жизнедеятельность системы, взятой в целом, и вполне сочетающемуся с субстанциональной первичностью системы относительно ее внутренних образований.

Таким образом, мы полагаем, что стремление ряда ученых опровергнуть субстанциональное понимание деятельности ссылками на ее вторичный относительно общественных отношений характер не может считаться достаточно обоснованным (независимо от того, рассматривается ли эта предполагаемая вторичность в терминах основного вопроса философии или же интерпретируется как зависимость явления от определяющей его сущности). Однако критика «деятельностного начала» систематизации категорий исторического материализма ведется не только с позиций примата общественных отношений, рассматриваемых в роли «подлинного начала» теории исторического материализма. Существуют и другие критические направления, которые следует рассмотреть в целях полноты обоснования субстанционального статуса понятия «деятельность».

Знакомство с литературой свидетельствует о том, что большая группа ученых, оспаривающих правомерность рассмотрения деятельности в качестве исходного (субстанционального) начала исторического материализма, руководствуется тем соображением, что «деятельность всегда есть деятельность некоего субъекта, его атрибут, им объясняемый. Вряд ли можно ее существо, ее необходимость, дифференцированность на различные виды и т. п. объяснить, обосновать, проанализировать, не обращаясь к субъекту деятельности. Не получится ли так, что в этой ситуации мы фактически должны будем начать с категории субъекта, хотя и скороговоркой, «делая вид», что начинаем с его деятельности» [114, с. 7—8].

Отметим, что сторонники такой точки зрения считают субстанционально исходными различные из множественных «модификаций» социального субъекта. Некоторые полагают, что таким «первосубъектом» является общественный индивид. Отталкиваясь именно от этой категории, полагают возможным «из всего многообразия социальной материи (человек, общественные отношения и связи, деятельность) выявить то конкретно-всеобщее, что имеется, разворачивается, воспроизводится во всех явлениях в качестве инварианта. Таким ма-

териальным объектом, образующим социальную систему, является человек как общественное существо... И генетически и функционально человек выступает системообразующим фактором всей социальной системы» [10, с. 42—43]. Другие ученые предлагают в качестве субстанционального начала общественной жизни иные явления «субъектного ряда», включая сюда общество в целом, взятое как самодостаточный интегративный субъект социальной формы движения. Высказываются предложения рассматривать в качестве субстанционального начала исторические модификации общества в лице общественно-экономических формаций. Как бы то ни было, приверженцы «субъектного подхода» считают, что категория деятельности — «одна из центральных, но производная», поэтому ее выбор на роль исходного начала исторического материализма не согласуется с требованиями метода восхождения от абстрактного к конкретному, ведет к подмене подлинного начала нашей науки. Проанализируем некоторые аргументы, приводимые в подтверждение данной точки зрения.

Нужно сказать, что нередко идея «деятельностного начала» критикуется с тех позиций, что «отрыв деятельности от субъекта означает отрыв ее от важнейшего условия своего осуществления. Это приводит к абстрактному пониманию деятельности, которое не может служить основой для конкретно-исторических характеристик явлений» [18, с. 46]. Эти соображения заставляют напомнить, что применительно к синхронным одноуровневым определениям социального процесса, взаимополагающим друг друга, речь может идти лишь о логико-генетической первичности одних определений перед другими. Сторонники «деятельностного начала» не могут утверждать, что генезис социальной деятельности исторически предшествует возникновению ее субъектов; столь же ошибочны обратные попытки приписать субъекту «хронологически измеряемую» первичность перед процессом его деятельностной самореализации. Соответственно ученые не должны упрекать друг друга в «отрыве» деятельности от субъектов или субъектов от деятельности. Важно понимать, что такой отрыв попросту невозможен, поскольку по условиям метода восхождения субстанционально исходная категория науки не противопоставляется ее остальным понятиям, но содержит их в себе в виде логических определений, кото-

рые все более конкретизируются, но никогда не отрываются от несущего их «ствола». Спор, таким образом, может идти лишь о том, какое именно понятие виртуально содержит в себе все многообразие определений социальной жизни. В этом плане признание органической взаимоположенности деятельности и ее субъектов не означает, что наука не имеет права или возможности различать эти синхронные явления как выражающие в неодинаковой степени субстанциональность социального процесса. Установление такого различия не только возможно, но и необходимо для решения важнейших теоретических проблем. Ниже мы увидим, к примеру, что в случае, когда исследователь решает, от каких оснований следует отталкиваться при изучении структурной организации общества, следует ли положить в основу выделения его подсистем (сфер общественной жизни) типологию форм социальной деятельности, отношений или субъектов,—тогда, казалось бы, отвлеченная проблема логико-генетических опосредований сразу выявляет свое важное значение.

Таким образом, оценивая справедливость «субъектного» подхода к систематизации категорий исторического материализма, мы должны исходить из того, в какой мере понятие социального субъекта соответствует признакам субстанционального начала, содержащего в себе в свернутом виде всю совокупность потенциально возможных модусных определений объекта; является ли это понятие самообусловливающим себя в категориальной системе нашей науки? (Последнее обстоятельство должно учитываться особо, поскольку бесспорный факт наличия связей между «субъектными» и иными категориями исторического материализма является недостаточным условием рассмотрения первых как исходного начала теории; при определении последнего науку интересует векторная направленность связей, проявляющаяся в логической субординации категорий, предполагающей не *взаимосводимость*, *а выводимость* понятий из субстанционально исходного.)

Отвечая на поставленные вопросы, рассмотрим прежде всего позицию авторов, обосновывающих субстанциональную первичность субъекта перед осуществляемой деятельностью путем аналогии между этими понятиями и ключевыми категориями марксистской философии — материей и движением. При таком подходе про-

цессуальная по своему характеру деятельность приравнивается по статусу к движению как форме существования материи, в то время как «телесно организованные» субъекты рассматриваются как субстратный носитель движения, субстанциональный аналог материи. Соответственно между субъектами и деятельностью усматриваются свойственные материи и движению отношения субстаиции и акциденции, заставляющие социальную теорию идти в своем анализе от первой ко второй [10].

Мы полагаем, что ряд важных обстоятельств онтологического и методологического свойств делают приведенную аналогию неправомерной. Прежде всего отметим, что она чревата ошибочным пониманием осиовного вопроса социальной философии, поскольку может привести к рассмотрению субъектов не только как концептуального аналога материи, но и материального в общественной жизни, особой «социальной материи», которой противостоит деятельность как способ ее существования. Основывая материальность субъекта на факте его вещественности, исследователи подрывают социально-философское понимание материального, в соответствии с которым вещественные явления, вполне материальные в общефилософском смысле, не являются таковыми для исторического материализма (скажем, материальный субстрат произведений искусства, относящийся к объективированным состояниям общественного сознания [11]).

---

[10] Возражая против признания деятельности исходным началом, В. А. Демичев пишет: «Из диалектического материализма известно, что материя, отдельное, сущее обусловливает, определяет движение, существование, процессуальность. Частным же случаем последних и является деятельность... По той же причине вряд ли верно будет начинать изложение системы категорий исторического материализма с категории общественных отношений» [114, с. 7—8]. Рассматривая деятельность и отношения как производные характеристики «социальной материи» в лице материально организованного субъекта (при этом субстанциональный статус отводится не отдельному индивиду, а обществу в целом), В. А. Демичев утверждает: «В данном случае материальный субстрат, свойство, отношение взаимосвязаны. Но в этой взаимосвязи они выступают не на паритетной основе. Субстрат определяет отношения и свойства, его специфика раскрывается в них. Но не наоборот» [Там же, с. 8].

[11] Не останавливаясь на исследовании этой сложной проблемы, отметим лишь основную причину такого «несовпадения» общефилософского и социально-философского понимания материальности, являющегося конкретизацией первого применительно к особым условиям социальной формы движения. Материальность социального про-

Мы не утверждаем, естественно, что всякий ученый, считающий «телесность» социальных субъектов свидетельством в пользу их субстанциональности относительно процессуальных форм социального, доводит такое понимание до признания субъектов материальным фактором общественного процесса. Тем не менее, думается, что любая попытка соотнесения социальных объектов и деятельности по приведенному алгоритму неверна. Даже в том случае, когда ученые не настаивают на понимании субъектов как социальной «инкорнации» материи, они допускают методологическую ошибку, полагая, что субстанциональное начало науки должно при любых обстоятельствах выражать субстрат, а не способ движения. Нам представляется, что попытка универсализации этой логики, ее перенесение на теорию исторического материализма не учитывают существенного различия в концептуальной организации общефилософского и социально-философского учения марксизма.

Как известно, основная познавательная задача общефилософской теории (в лице диалектического материализма) состоит в изучении всеобщих законов существования мира как целого. Именно вследствие этого категория материи, позволяющая зафиксировать его субстанциональное единство (с одной стороны, путем сведения идеального к материальному как свойства к носителю, с другой — различных форм движения материи к единому основанию), является для диалектического материализма исходным определением, отвечающим всем рассмотренным требованиям. Не удивительно, что в этих условиях установление всеобщего субстрата дви-

---

цесса, как и всех прочих проявлений материи, состоит в способности существовать вне и независимо от сознания. Однако сознание, которому общефилософская теория противопоставляет материю как независящую от него и определяющую его реальность, отличается от сознания, относительно которого измеряется материальность общественных процессов. Первое берет противостоящую ему реальность в гносеологической плоскости, в силу чего материальным оказывается все то, что существует вне сознания и отражается в нем. Что же касается социальной философии, то она имеет дело с практическим сознанием, которое, как отмечал еще Гегель, «деятельно: оно не оставляет того, что есть, таким, как оно есть, а вызывает в нем изменения...» [82, с. 26]. Ясно, что в условиях идеального, способного превращаться в реальное, существование объекта вне сознания, достаточное для того, чтобы считать его материальным в общефилософском плане, становится недостаточным для определения социально-философских проявлений материального.

жения предшествует анализу самого процесса движения, осуществляемого в рамках логической конкретизации установленной субстанции, выявляющей способ и формы ее существования (движение, пространство и время), всеобщие атрибутивные характеристики (причинность, случайность и необходимость и т. д.), основные структурные компоненты и пр.

Что же касается социальной философии, то ее познавательная задача имеет иной характер: социально-философская рефлексия сменяет собой общефилософскую тогда, когда процесс конкретизации философией ее объекта доходит до установления специфического способа существования, свойственного социальной форме движения, поиска тех качественных особенностей, с которыми связано проявление исходного гносеологического отношения (материя — сознание) и всеобщих законов объективной реальности в пределах одной из ее подсистем. (Такого рода конкретизация не выводит нас за пределы философии, поскольку предметом последней являются не только всеобщие субстанциональные определения объективной реальности, но и их «операционализация» на различных уровнях организации материи.) Происходящее таким образом переключение философского анализа с материального мира, взятого в целом, на специфику существования (движения) одной из его форм не может не изменить характер исходного начала социально-философского исследования. В нем отражается уже не субстанциональность материи вообще как всеобщего субстрата движения, а субстанциональная характеристика социальной формы движения, способ ее существования, имеющий, естественно, «процессуальный», а не «субстратный» характер. Именно такой характер носит социальнаи деятельность, имеющая, естественно, собственный материальный (вещественный) субстрат, который, однако, является не более чем модусом субстанции социального.

Вернемся, однако, к собственно социологическим аргументам, при помощи которых сторонники «субъектного подхода» стремятся обосновать понимание деятельности как некоторого производного свойства субъекта. Нередко они исходят из того обстоятельства, что любая из форм социальной деятельности вызывается определенной группой *потребностей*, на удовлетворение которых деятельность направлена. Представить себе человечес-

кую деятельность, «свободную» от детерминирующего воздействия на нее со стороны потребностей, столь же невозможно, как вообразить акт деятельности, в котором отсутствовал бы субъект или объект или оба они, вместе взятые. Признавая это обстоятельство, мы в то же время должны отметить, что потребности существуют не сами по себе, а выражают собой особое *состояние* субъекта общественной жизни, объективное отношение, в котором он находится к необходимым условиям собственного существования. Всякая человеческая деятельность предполагает осознание субъектом (адекватное или иллюзорное, теоретическое или обыденное) свойственных ему потребностей, которые тем самым определяют саму необходимость деятельности, ее характер и содержание (включая сюда характер направляющих деятельность идеальных программ и используемых в ее процессе средств); степенью соответствия полученного результата объективно потребному определяется успешность деятельности. Не следует ли отсюда, что в пределах описываемой связи потребность выступает как логически первичное и определяющее, а деятельность — вторичное и производное? Именно такое понимание составляет одно из социологических оправданий субъектного подхода — убеждения в том, что именно в субъекте (его объективных состояниях) следует искать субстанционально первичное относительно деятельности начало общественной жизни.

Рассматривая эту аргументацию, следует подчеркнуть, что она исходит из понимания деятельности как организационно выделенного звена, «соединяющего» субъекта с объектом. Такое понимание вытекает из обыденного представления о деятельности как некотором возможном проявлении субъекта, которое может смениться состоянием «бездеятельности», когда субъект существует, сохраняя свои сущностные определения, независимо от их деятельностного воплощения. Тем самым между субъектом и деятельностью усматривают причинно-следственную зависимость, превращающую первого в некоторое «додеятельностное» явление, определение которого логически предшествует определению деятельности, обусловливая его. Между тем любая попытка теоретически установить смысл категории «субъект», не определяя его через понятие деятельности, абсолютно неосуществима. Понятия «субъект», «объект» обретают

реальное содержание лишь тогда, когда они рассматриваются как функционально-различные (инициирующая и инициируемая) стороны интегративного процесса субъект-объектного опосредования, называемого «деятельность». Это означает, что категория деятельности также не может быть определена независимо от понятий субъекта и объекта, тем не менее она логически первична относительно них, подобно тому как целостная система первична относительно «задающих» ее элементов.

Выделение потребностей субъекта как внешней по отношению к деятельности детерминирующей причины, таким образом, невозможно ни при субстанциональном, ни при несубстанциональном понимании деятельности. Подобное выделение приобретает некоторый рациональный смысл лишь в случае противопоставления потребностям не деятельности как таковой, а ее особого операционального этапа, наступающего после того, как субъект в той или иной мере осознал объективные причины своих действий и выработал их идеальную программу — этапа реализации этой программы, ведущего к получению определенного результата. Что же касается деятельности в собственном смысле слова, то она включает в себя как структурные определения субъектной и объектной сторон, так и функциональные определения, выражающие содержание и последовательность процедур взаимоопосредования данных сторон. В рамках такого подхода социологическая теория признает важнейшую роль потребностей как детерминационного фактора деятельности, подчеркивая в то же время абсолютную ее субстанциональную первичность как целого перед своим собственным моментом.

Прямым доказательством этому могут служить мысли К. Маркса о диалектике производства и потребления. Последнее, как известно, рассматривалось им двояко: как *деятельность* субъекта, завершающая производственный цикл и отличная от деятельности по созданию потребляемых продуктов, и как внутренний *момент* такой собственно производственной деятельности, в рамках которой потребление рассматривается как процессуальная форма потребностей. Рассматривая потребление последним образом, К. Маркс прямо подчеркивает субстанциональную зависимость потребностей субъекта от осуществляемой им деятельности: «В качестве нуж-

ды, в качестве потребности потребление само есть внутренний момент производственной деятельности. Но последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент — акт, в который снова превращается весь процесс» [1, т. 46, ч. I, с. 30].

Таким образом, не деятельность субъекта объясняется из потребностей как внешней для нее причины, а сам институт потребностей объясняется из деятельности как способа существования социальной действительности. Сказанное касается любой из модификаций социального субъекта, начиная с общественного индивида. Лишь ограниченное число физиологических потребностей, которые он разделяет с прочими живыми существами, не создано социальной деятельностью (хотя и удовлетворяются в ней особым, недоступным миру живой природы образом). Все остальные потребности имеют свой источник и причину в характерном человеку способе деятельности, воспроизводству и развитию которого они служат; они не только удовлетворяются деятельностью, но и создаются ею, изменяются вместе с изменением ее содержания.

Признание человека субстанциональным началом истории идет вразрез с этими установленными истинами марксизма. Такое признание означает, что все без исключения характеристики общественной жизни детерминированы и должны быть выведены из некоторых первичных по отношению к ним свойств индивида как такового, не зависящих от внешних ему реалий социума, но, напротив, определяющих эти реалии. В этом случае способ существования человека в социокультурной среде признается зависящим от некоторой его внеисторической сущности, определяя которую мы должны отвлечься от социальной деятельности, складывающихся в ее процессе общественных отношений и проч., поскольку все эти реалии должны быть выведены из имманентных определений человека как субстанционального начала истории. Такой путь — классическое проявление антропологического подхода в социологии, закрывающего возможность понимания подлинной природы человека. Критикуя его, К. Маркс показал, что сущность человека есть следствие особого способа существования как субъекта сознательной коллективной деятельности, направленной на производство и воспроизводство необходимых условий его бытия. В процессе

этой деятельности складываются общественные отношения, через которые определяется природа человека, и это обстоятельство само по себе исключает рассмотрение индивида как субстанционального начала, т. е. понятия, «определение которого не связано с какими-либо другими категориями исторического материализма» [196, с. 19]. Реальное движение социологической теории предполагает не выведение характера и содержания социальной деятельности из некоторой «додеятельностной» природы индивида, а, напротив, выведение ее из характера жизнедеятельности, в которой, по словам К. Маркса, «заключается весь характер данного вида, его родовой характер» [2, с. 565][12].

Учитывая сказанное, нельзя не согласиться с мнением И. А. Майзеля, считающего «безусловно необходимым отвергнуть любые попытки реанимации концепций, усматривающих первичную клеточку и исходный пункт анализа общества в человеке. Подобные попытки отбрасывают философию и социологию на многие столетия вспять к давно преодоленным домарксистским идеям, согласно которым общество сводится к совокупности индивидов, детерминированной изначальными свойствами последних» [181, с. 27]. Несостоятельны попытки сторонников такого подхода подкрепить его ссылками на положения «Немецкой идеологии», где «действительные индивиды» признаются исходной предпосылкой социального познания. Соглашаясь с этим, мы убеждены, что К. Маркс и Ф. Энгельс имели в виду начало процесса реального познания общества на первом этапе восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, которое (начало) нельзя отождествлять с исходной точкой рефлексивного изложения науки.

Выше, однако, отмечалось, что не все сторонники «субъектного» подхода к систематизации категорий рассматривают в качестве субстанционального начала общественной жизни отдельно взятого индивида. К при-

---

[12] Эта истина получила постепенное признание даже у многих буржуазных социологов и антропологов, о чем свидетельствует, к примеру, следующее положение Б. Малиновского из работы «Научная теория культуры»: «Как только физический антрополог признает, что «раса такова, какова ее деятельность», он также признает и то, что никакие измерения, классификации и дескрипции физического типа не имеют смысла, если мы не можем соотнести физический тип с культурным творчеством расы» [182, с. 116].

меру, В. А. Демичев считает возможным и необходимым выводить субстанциональную определенность социального процесса из категории общества как «открытой и саморегулирующейся целостности», имеющей своими модусами и отдельно взятых индивидов, и деятельность, и общественные отношения. Справедливо полагая, что система категорий «должна развертываться в определенной последовательности, а именно такой, в которой последующие понятия были бы подготовлены, объяснялись и вытекали из предыдущих» [112, с. 38], В. А. Демичев уверен, что «для науки об обществе естественной и неизбежной первой исходной абстракцией является понятие «общество» [Там же, с. 38—39].

Ниже покажем, что субстанциональное понимание деятельности органически связано с категорией общества, к которой социология приходит в процессе постепенной конкретизации субъектных определений: восходя от предельно абстрактного понятия «субъект деятельной способности» к категории «интегративный субъект коллективной деятельности» и далее к понятию «самодостаточный интегративный субъект», или собственно общество. Имея своей конечной целью исследование законов строения, функционирования и развития общества как целостной системы (и его формационных модификаций), социологическая наука не сразу приходит к такому исследованию, предполагающему установление структурных образований общества (сфер общественной жизни), роли каждого из них в жизнедеятельности последнего, субординационных и координационных опосредований между ними, механизмов их поступательного развития и пр. Решая эту задачу в концептуальном аспекте, социология начинает исследование общества с явлений, которые в логико-генетическом плане предшествуют ему. Так, в основе структурного членения общества, с которого начинается социологический анализ, лежит типология форм социальной деятельности, изучению которой логически предшествует многоуровневое и многоаспектное исследование деятельности как таковой. Именно с исследованием последней связана постепенная конкретизация субъектных определений социологии; в ходе такого исследования социология восходит от простейших представлений о «деятельности как действий» (самой способности социального действования, не зависящей от ее субъектных ио-

сителей, осуществляемой «субъектом вообще») к характеристикам коллективной деятельности, осуществляемой взаимодействующими субъектами, и, далее, к определениям общественного производства, осуществляемого обществом как таковым.

Признавая, таким образом, связь категории общества с категорией деятельности, мы вполне согласны с В. А. Демичевым в том, что «в этой взаимосвязи они выступают не на паритетной основе» [114, с. 8], но решительно возражаем против признания субстанциональной первичности общества перед деятельностью. Руководствуясь идеей субстанциональной первичности родового характера жизнедеятельности субъекта перед его сущностными определениями, вытекающими из нее, мы не считаем общество исключением из этого правила. Как известно, общество, какова бы ни была его историческая форма, рассматривалось К. Марксом как «продукт взаимодействия людей» [1, т. 27, с. 402]; соответственно сущность общества усматривалась в совокупности общественных отношений, складывающихся в процессе такого взаимодействия. Из этого следует, что понятие общества неопределимо, пока не определены опосредующие его категории деятельности и общественных отношений.

В. А. Демичев, однако, не согласен со сказанным. Поэтому неудивительно, что для обоснования своей точки зрения он вынужден существенным образом корректировать методологические принципы определения исходной категории науки: выносить ее за рамки субстанционального качества изучаемой социологией реальности. Так, подчиняясь правилам восхождения от абстрактного к конкретному, В. А. Демичев полагает, что наша наука должна начинаться с самых общих, абстрактных, «пустых» определений общества, которые будут «наполняться содержанием по мере развития всей системы социологических категорий» [112, с. 39]. С данным положением необходимо было бы согласиться, если бы эти постепенно и постоянно конкретизирующиеся определения характеризовали бы именно общество в его субстанциональной определенности, в которой оно составляет предмет социологии, чьи категориальные связи мы исследуем. Но именно это условие нарушается В. А. Демичевым, которому на самом деле не удается начать с простейших характеристик собственно обще-

ства, поскольку взятое до деятельности и общественных отношений, оно перестает быть обществом, не сохраняет ничего специфически социального. Так, исходная, по мысли В. А. Демичева, характеристика общества как открытой саморегулирующейся системы приложима к любому биологическому объекту, будь то отдельный организм или сообщество животных. Автор сам признает это обстоятельство, считая, что подобное понимание общества «является для социологии абстракцией весьма сильной степени. В чистом виде она не может даже отделить социальное от биологического» [Там же, с. 39]. Такое признание, однако, означает, что социологии предлагают начинать с определений, не имеющих к ней прямого отношения, связанных с ней узами внешней методологической зависимости. Мы не спорим с тем, что взгляд на общество с позиций кибернетики, положения которой приложимы к любым самоорганизующимся системным объектам, может быть полезен для социологии. Но начинать ее с определений, «позаимствованных» у другой дисциплины, до того как будет выявлена начальная субстанциональная характеристика, качественная самотождественность собственного предмета, есть путь, обратный подлинному развитию науки. Такое движение от «общества» к общественным отношениям и деятельности приводит к тому, что исходный пункт логического развития социологии попросту теряет differentia specifica социального.

Еще в меньшей степени, чем категория «общество вообще», пригодна для роли исходного начала исторического материализма категория общественно-экономической формации, характеризующая определенный тип общества, складывающийся на основе исторически определенного способа производства материальных благ. В действительности категории формационного уровня анализа с точки зрения рефлексивного изложения теории представляют собой конкретизацию логической модели «общества вообще». Так, понятию «капиталистическое производство» логически предшествует социологическая абстракция «производство вообще»; ключом к пониманию классовой структуры феодального общества является общесоциологическая теория классов и классовой борьбы и т. д. Лишь установив логико-генетические опосредования между родовыми определениями социального процесса, не зависящими от его пространственно-

временной спецификации, социология переходит к анализу реальной исторической динамики общества, в чем и состоит в данном случае восхождение от абстрактного к конкретному. Начинать с категории общественно-экономической формации, с самого богатого в своем содержании формационного уровня историко-материалистической теории,— значит двигаться в обратном направлении — от мыслительно конкретного к абстрактному. Такое движение, как уже отмечалось, в принципе возможно в процессе реального развития науки, когда она на основе достижений формационного анализа возвращается к углубленному рассмотрению социально-философских и макросоциологических абстракций, служивших такому анализу в качестве гипотетически сформулированных постулатов. Но когда речь идет о законах логически последовательного изложения ставшей науки, основанного на объективно свойственных ей категориальных связях, единственно правильным способом их обнаружения оказывается восхождение от абстрактного к конкретному — в данном случае движение от наиболее общих субстанциональных определений деятельности вообще к анализу ее исторически конкретных форм, субъектами которых выступают особые типы социального устройства в лице общественно-экономических формаций. Рассмотрим основные этапы такой конкретизации, первым из которых является выделение «элементарной клеточки» субстанции деятельности.

ГЛАВА III

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА: «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ДЕЙСТВИЕ», «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»

Рассматривая начальные этапы последовательной конкретизации предметообразующего субстанционального определения нашей науки, подчеркнем еще раз, что общеметодологический характер работы исключает возможность детального воспроизведения реальной связи категорий. Соответственно предметом исследования являются логически целостные этапы восхождения от абстрактного к конкретному, внутреннее богатство которых отражается лишь в самом общем виде.

§ 1. «Элементарная клеточка» социальной субстанции и последовательность ее рассмотрения

Процесс логической конкретизации субстанционально исходного основания науки, как мы пытались показать выше, начинается с устаиовления простейшей концептуально исходной абстракции, отражающей «элементарную клеточку» анализируемой реальности. Это обстоятельство и вытекающее из него объективное различие «клеточки» и субстанциоиального начала признаются многими специалистами (см. подробнее [196, с. 15; 114, с. 8; 318, с. 36; 292, с. 182 и др.]). Тем не менее в литературе еще не установилось единообразного понимания природы «элемеитариой клеточки» общественной жизни и отражающей это оитологическое явление простейшей абстракции исторического материализма. Даже ученые, вполне признающие необходимость ее выделения, спорят о методологических функциях, концептуальном статусе, принципах определеиия «клеточки»: одни считают это понятие необходимым инструментом последовательного изложения уже ставшей теории, другие связывают с ней и объективный процесс развития теории; в одном случае определение «клеточки» рассмат-

ривается как теоретическая конструкция, создаваемая на втором этапе развития науки, в другом — как эмпирическое понятие, рождающееся непосредственно в процессе индуктивного анализа чувственно-конкретных проявлений объекта; одни ученые считают «клеточку» элементарным бытием целого, обладающим вполне развитой внутренней структурностью, другие — абсолютно неразложимым элементом социальной организации и т. д. При таком многообразии методологических подходов к процедуре выделения «клеточки» авторами предложено значительное число ее вариантов, нередко диаметрально противоположных определений, многие из которых весьма непохожи на простейшую концептуально исходную абстракцию науки.

Так, немалая группа ученых, пытающихся сочетать приверженность к принципу восхождения с признанием его начальным пунктом сущностных категорий материалистического понимания истории, рассматривают в качестве концептуального начала науки важнейшие категории социальной философии, посредством которых решается основной вопрос о роли и месте сознания в общественной жизни. К примеру, Н. Р. Ставская полагает, что «искомая «исходная клеточка» давно найдена классиками марксизма-ленинизма. Она лежит в основании предмета философии и представляет собой адекватное отражение ее объекта — соотношения бытия и сознания, общественного бытия и общественного сознания. Это простейшее абстрактно-всеобщее универсальное противоречие опосредовано общественно-исторической практикой человечества... И именно исследование этого диалектически противоречивого соотношения путем восхождения от абстрактного к конкретному положено в основу существующей структуры марксистско-ленинской философии, как науки, так и учебной дисциплины» [266, с. 25]. Близкой точки зрения придерживается и И. Г. Степанов, считающий «исходным пунктом построения системы категорий исторического материализма основной вопрос философии, взятый применительно к общественной жизни, то есть, отношение общественного сознания к общественному бытию, а исходной категорией — понятие общественного бытия» [268, с. 38].

«Степень» ошибочности этих положений, по нашему мнению, прямо зависит от того, к какому из существующих в литературе пониманий общественного бытия

склоняются эти авторы. Если вслед за В. С. Барулиным они связывают проблему общественного бытия и общественного сознания с диалектикой материального и идеального в социальном процессе, взятом в целом, их позиция в отношении исходной категории оказывается «менее ошибочной», чем в том случае, если они примыкают к концепции общественного бытия, пытающейся решить основной вопрос социальной философии на уровне взаимодействия конкретных подсистем социальной организации — сфер общественной жизни[1]. В первом случае категории общественного бытия и общественного сознания, характеризующие соотношение материального и идеального в «деятельности вообще», действительно должны считаться одними из самых абстрактных, тем не менее даже в этом случае они не могут быть признаны исходными, поскольку отражают структурно-атрибутивные характеристики субстанции и должны предваряться категорией, устанавливающей простейшего носителя данных характеристик, собственно «клеточки», в которой они воплощены.

Единственное методологическое основание, позволяющее понять (не оправдать) логику рассматриваемого подхода, связано с присущим ему пониманием концептуального статуса исторического материализма как «продолжения» диалектического материализма в области общественных явлений. При таком понимании его исходными категориями, естественно, оказываются основные понятия материализма диалектического, прежде всего понятия материи и сознания, операционализацией которых авторы начинают историко-материалистическую концепцию. И лишь затем, по их мнению, должен следовать анализ собственно социологических определений, в том числе категории социальной деятель-

---

[1] Поэтому естественно, что в монографии «Марксистско-ленинская теория исторического процесса», авторы которой связывают общественное бытие с экономическими реалиями, рассмотрение этой проблемы отнесено в конец первой книги и опосредовано анализом более абстрактных проблем организации деятельности вообще, которые предшествуют ее типологическому членению на материальное производство и иные формы. Не соглашаясь с подобным пониманием общественного бытия в его содержательном плане, нельзя не отметить логической последовательности, с которой проводится в данном случае принцип восхождения от абстрактного к конкретному при различении действительно исходных и опосредованных определений анализируемого объекта.

ности [268, с. 39]. Таким образом, проблема материального и идеального в общественной жизни искусственно ставится «над» деятельностью, хотя в действительности она представляет собой проблему важнейших признаков деятельности как субстанции социального процесса. Такая точка зрения не учитывает значительной автономии исторического материализма, который, включаясь определенной стороной в философскую теорию марксизма, имеет в то же время собственное предметообразующее субстанциональное основание (каковым является не всеобщая субстанция материи, а специфический деятельностный способ ее движения). В результате предлагаемая «клеточка» социального процесса отрывается от своей реальной субстанциональной основы и предпосылается ей в нарушение норм концептуальной организации науки.

Другая точка зрения связывает «клеточку» общественной жизни со свойственными ей явлениями социальной предметности, усматривает ее в вещах, которые создает человеческая деятельность. Считается, что «проблема клеточки общественной жизни — это проблема нахождения не просто абстрактно всеобщего выражения общественных явлений, а конкретной характеристики объективно нерасчленяемой далее единицы социальной системы. Такой единицей не может быть ни общественное отношение, ни действие человека. Представляя собой простейшее образование живой, непосредственной деятельности людей, действие, например, необходимо предполагает субъект, объект, цели, средства и т. д. Объективно нерасчленяемая далее единица социальной системы возникает, по нашему мнению, только в одном случае: тогда, когда деятельность из формы движения переходит в форму предметности, т. е. тогда, когда налицо опредмеченный результат деятельности людей» [196, с. 17—18].

Вопрос о том, как следует понимать «элементарность» исходной «клеточки» объекта, рассмотрен нами выше. Уже аналогия с биологической клеткой наглядно показывает, что клеточное образование представляет собой не элемент целого, а его элементарное бытие, являющееся самодостаточным носителем важнейших атрибутивных свойств, сущностного противоречия субстанции, простейшей частью которой оно является. Именно клетка организма, взятая в целом, а не состав-

ляющие ее живые элементы (цитоплазма, ядро, клеточная мембрана и пр.) отвечает этим условиям, является простейшим из самостоятельно существующих носителей жизни. То же самое требование быть самодостаточным носителем субстанциональных свойств социального, воплощающим в себе ее системообразующее противоречие, обращено к «клеточке» общественной жизни. Именно с этим требованием связана методологическая функция понятия «клеточки», начиная с которой и исходя из которой наука разворачивает логическую конкретизацию организационных и атрибутивных характеристик изучаемой субстанции.

Учитывая сказанное, мы полагаем, что явления социокультурной предметности могли бы считаться «элементарной клеточкой» социального лишь в том случае, если бы с анализа их имманентных определений исторический материализм мог начать последовательную конкретизацию своего объекта как в атрибутивном плане свойств социального процесса, взятого в целом, так и в аспекте исследования внутренних принципов его организации. Однако разрешима ли эта задача? Можем ли мы считать, что в социальном предмете как таковом могут быть раскрыты такие характеристики общественной жизни, как материальность, закономерность, стихийность и планомерность, случайность и необходимость и т. д.? Отрицательный ответ на этот вопрос означает, что категория социальной вещи не удовлетворяет единственному функциональному назначению понятия «клеточка», без которого ее поиски превращаются в чисто умозрительную, бесполезную в концептуальном плане процедуру. Положительный ответ на поставленный вопрос ведет к ошибочным попыткам выдать опосредованное за непосредственное, что чревато ошибками не только методологического, но и содержательного плана. Достаточно сказать, что признание социального предмета исходным пунктом логической конкретизации способно привести социологическую теорию к ошибочному пониманию диалектики материального и идеального в общественном процессе, принципиально невыводимой из вещественно-материальной природы его предметных элементов. Лишь рассмотрев вещь как объект, не существующий как социальное вне связи с субъектом, можно вывести из синтезирующего, логически первичного по отношению к ним определения действия специфически

социальное значение материальности, как и все прочие атрибутивные характеристики субстанции, воплощенные в ее «элементарной клеточке». Лишь в этом случае мы способны логически последовательно, без натяжек, специальной подгонки и перескоков выводить из «клеточки» цепочку структурных определений субстанции, анализировать функциональные связи между выделенными компонентами, механизмы их внутренней изменчивости. Категория социального предмета не может служить началом такого выведения, будучи производным структурным модусом субстанции, который лишь в синтезе с другими необходимыми элементами составляет самодостаточное структурное целое «клеточного» уровня.

Отметим, что нередко «клеточный» статус социальной предметности пытаются обосновать путем аналогии с концептуальной ролью категории товара в «Капитале» К. Маркса. Многие ученые убеждены в том, что из вещественных элементов общества может и должна быть выведена вся система общественных отношений, организующих социальную систему, что считается решающим доказательством «клеточного» характера предметных образований. Такая точка зрения, по нашему мнению, не соответствует действительному характеру связи между явлениями материального субстрата и общественными отношениями. Те и другие, как будет показано ниже, представляют собой качественно самостоятельные, отличные по своему месту и роли в общественном процессе, неделимые элементы, между которыми существуют тесные функциональные связи, субординационно-координационная зависимость. Так, вещественные явления приобретают качество социального, лишь становясь предметным средством человеческой деятельности и «встраиваясь» тем самым в структурирующие ее общественные отношения. С другой стороны, учитывая предметный характер деятельности, следует понимать, что любые общественные отношения (в том числе и духовной деятельности), складывающиеся в результате взаимообмена действиями, опосредованы в своем генезисе, функционировании и развитии явлениями материального субстрата, используемыми взаимодействующими субъектами.

Более того, анализ функциональной связи вещей и отношений должен учитывать ситуации, когда предмет

не просто противостоит общественным отношениям как отличный от них момент социальной организации, но при определенных условиях сам превращается в овеществленное общественное отношение. Именно такое качество придают предметам отношения собственности, возникающие между людьми по поводу вещей и воплощающиеся в них. В этих условиях, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «*предмет*, как *бытие для человека*, как *предметное бытие человека*, есть в то же время *наличное бытие человека для другого человека*, его *человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку*» [1, т. 2, с. 47]. Свое выраженное проявление указанное свойство предмета получает в условиях господства товарной формы общественного производства, в рамках которой вещи выступают как соотносительные друг другу товарные стоимости, вещественные носители общественно необходимого труда, воплощающие в себе общественное отношение товаровладельцев.

Однако означает ли это, что мы можем и должны по аналогии с товаром, исходя из которого конкретизируется субстанциональное определение объекта, изучаемого политической экономией капитализма, рассматривать социальную вещь как «клеточку», из которой может быть выведена вся система общественных отношений, изучаемая историческим материализмом? Мы полагаем, что такая точка зрения основана прежде всего на неправомерном отождествлении вещи и товара, а также на ошибочной аналогии между предметами таких различных наук, как исторический материализм и политэкономия капитализма. В первую очередь следует учитывать, что в качестве «элементарной клеточки» буржуазного производства товар представляет собой отнюдь не вещь как таковую: экономические отношения капитализма выводятся К. Марксом не из родовых свойств социального предмета, связанных с его функциональным статусом в общественной жизни, а из простейшего экономического отношения, которое может воплощаться как в вещественных, так и несводящихся к вещественным элементах социальной организации. В этом плане товаром является не только предмет, но и способность человека к труду, отличная от вещи и далеко не всегда производящая вещи (труд воспитателя и пр.). Далее, нужно принимать во внимание, что спо-

собность экономических отношений воплощать свои сущностные свойства в предметных носителях характерна далеко не для всех формационных систем общественного производства. В этом плане даже ошибочное отождествление товара с вещью не позволяет нам рассматривать последнюю в качестве «клеточки» исторического материализма, учитывая, что наша наука ищет «клеточное» воплощение всеобщих свойств социальной субстанции, а не специфических признаков ее конкретных формационных модификаций.

К сказанному следует добавить, что предмет исторического материализма шире не только предмета политической экономии капитализма, но и политической экономии вообще, что не может не сказаться на характере «клеточных» определений этих наук, исключая прямые аналогии между ними. Так, общесоциологическая теория не ограничивается рассмотрением общественных отношений в их экономическом аспекте, из чего следует, что «клеточка» исторического материализма должна отражать родовые универсальные свойства «отношений вообще», а к их числу не относится способность воплощать свои сущностные характеристики в явлениях материального субстрата, которой обладают экономические отношения (определенного исторического типа). Любые общественные отношения опосредованы социальными предметами, но это не значит, к примеру, что семейные отношения между людьми в их неэкономическом аспекте воплощают свою сущность и могут быть выведены из некоей объективирующей их вещественной «клеточки» [2].

Более того, следует учитывать, что исторический материализм не ограничивается и анализом общественных отношений как таковых, он рассматривает их как производный модус социальной субстанции, последовательно проводя принцип логико-генетической первичности

---

[2] Это не значит также, что логически генезис подобных отношений связан с вещественной «клеточкой» через ступень опосредования, каковой являются вещественно объективируемые экономические отношения. В действительности детерминационная связь между «экономическими» и «неэкономическими» отношениями отнюдь не означает, что вторые могут быть выведены из первых как из своей субстанциональной основы по принципу непосредственного следования.

деятельности перед возникающими в ней связями на любом уровне анализа. Это означает еще более существенное (относительно политической экономии, акцентирующей свое внимание именно на «отношенческой» стороне производства) расширение исходной «клеточки» науки, которая должна быть достаточно объемной для последовательного выведения из нее всех собственно «деятельностных» модусов субстанции, т. е. всего многообразия видов, форм, типов социальной деятельности. Такое выведение невозможно, если исходным определением конкретизации считают не целостное бытие деятельности в виде ее отдельного акта действия, а несамостоятельный фрагмент целого в лице используемых в деятельности материально-вещественных средств. Конечно, необходимо учитывать несомненную способность вещей воплощать в себе различия видов человеческой деятельности. В этом плане всякий предмет, рассмотренный как потребительная стоимость, содержит в себе в скрытом виде типологию социальных потребностей и удовлетворяющих их форм конкретной деятельности людей. Более того, можно считать, что в социальном предмете отражается и более абстрактный уровень типологии деятельности, связанный с принципами ее субъект-объектной организации. Так, изучая внутреннее различие вещных функций и символических предметов, мы видим, что в нем объективировано важное различие практической и духовной деятельности и т. д. Сказанное не означает, однако, что различия видов деятельности, объективированные в предметах, могут выводиться из имманентных определений последних. Напротив, в соответствии с принципами «деятельностного подхода» типология социальных предметов вытекает из типологии форм деятельности, а не наоборот.

Можно утверждать, таким образом, что признание деятельности исходным основанием исторического материализма предполагает рассмотрение в качестве «элементарной клеточки» субстанции не отдельно взятых элементов, соотносящихся с целым как его функционально специализированные части, а простейшей самодостаточной (логически, но не исторически) формы этого целого, сохраняющей все атрибутивные свойства социальной жизни. Такой целостной формой является действие абстрактно взятого субъекта, направленное на абстрактно взятый объект,— элементарный акт деятель-

ной способности, лежащий в основе сложнейших структур социального взаимодействия, основанных на взаимном обмене такими актами. Для осуществления взаимодействия необходимо наличие, как минимум, двух субъектов, каждый из которых действует в нужном для себя направлении, но при этом подчиняется общим принципам человеческой деятельности, не зависящим от того, кем, где, когда и при каких обстоятельствах она осуществляется. Анализ этих принципов, сводимых социологией в абстрактную модель самой способности социального действования, не зависящей от характера ее субъектных носителей, предшествует исследованию законов социального взаимодействия — предшествует в логико-генетическом плане, поскольку реальный генезис этой способности, равно как и ее проявление, возможен лишь в условиях коллективной деятельности, представляющей собой действительность абстрактно взятого действия. Тем не менее в рамках логического анализа ставшей социальной формы движения именно изолированно взятое действие является элементарным бытием деятельности, разложение которого ведет к утрате всех свойств субстанции, последовательно выводимых из этой «элементарной клеточки».

Предпосылая ее анализ исследованию взаимодействия людей, мы руководствуемся известными правилами диалектической логики, использованными К. Марксом в «Капитале», где буржуазный товар рассматривается до анализа важнейших условий капиталистического производства, делающих возможным фактическое существование его «клеточки». Напомним, что подобная последовательность анализа характеризует процедуру изложения ставшей теории, уже открывшей в процессе своего развития реальные связи изучаемых явлений. В этом плане «рассматривая товар до капитала, К. Маркс уже знает, какова связь товара с капиталом, и это знание, несомненно, влияет на определение товара до определения капитала, но оно еще не становится явным, доказательным для сознания читателя» [70, с. 33—34]. Суть подобного отвлечения «элементарной клеточки» от целого, возможностью, предпосылкой которого она является, «происходит в исследовании К. Маркса таким образом: то, от чего отвлекаются... не исчезает из сознания исследователя, но все время имеется в виду, и воспроизведение одного момента расценивается не как конеч-

ная, а как ближайшая задача...» [Там же, с. 9]. Ясно, что решение этой задачи (в нашем случае рассмотрение имманентных определений социальной «клеточки») не дает сколько-нибудь полного знания объекта, взятого в целом, с другой стороны, нет и исчерпывающего знания самой «клеточки», поскольку «каждая категория получает свое полное изображение лишь в развертывании всей системы логических категорий», в результате чего «для полного уяснения простейшего отношения необходимо понять его в единстве, в связи со всеми другими отношениями данного предмета. Поэтому полное доказательство того, что отношение есть простейшее, дается всем ходом восхождения от абстрактного к конкретному в целом» [Там же, с. 31].

Руководствуясь этими положениями, попробуем воспроизвести последовательность изучения историческим материализмом действия как «элементарной клеточки» субстанции деятельности, временно отвлекаясь от сущностных определений последней, но «держа их в уме». Речь идет, в частности, о временном отвлечении от возникающих в процессе взаимодействия людей общественных отношений, вне и помимо которых реальная деятельность не осуществима. Тем не менее, рассматривая общественные отношения как продукт взаимного обмена действиями, необходимо предпослать исследованию этого продукта абстрактный анализ деятельной способности субъектов, являющейся предметом «обмена» и объективирующейся в его продуктах. Тем самым анализ субъект-объектного опосредования, выражающего сущность действия, предпосылается изучению субъект-субъектного опосредования, в котором воплощена сущность взаимодействия как актуального механизма коллективной жизни людей.

Нас не смущает тот факт, что конкретное содержание действий любого реального субъекта (будь то индивид или социальная группа), включая сюда характер потребностей и интересов, целей и мотивов, средств и способов, результатов действия, определяется характером его связей с другими субъектами. Мы полагаем, что конкретному исследованию этих феноменов реальных действий логически предшествует их изучение в качестве абстрактных функциональных моментов действия «субъекта вообще». Ясно, к примеру, что вопрос об экономических, политических и прочих интересах реаль-

ного субъекта не может быть решен и даже поставлен, если мы отвлекаемся от характера его взаимосвязи с партнерами по общественному разделению труда, занимаемого им места в интегративной системе общественных отношений. Однако это не означает, что нельзя рассматривать сам феномен потребности — объективного отношения субъекта к необходимым условиям собственного существования, руководствуясь определением субъекта вообще, отвлекаясь от субъект-субъектных связей между реально дифференцированными носителями коллективной деятельности, конкретного содержания необходимых условий жизни и т. д.

Конечно, следует учитывать тот факт, что становление важнейших атрибутивных свойств, воплощенных в действии (к примеру, сознания), объясняется коллективным образом жизни формировавшихся людей (что не свидетельствует в пользу исторической первичности субъект-субъектных связей, возникающих лишь одновременно со становлением социальной природы действия). Напомним, однако, что, выделяя «клеточку» социальной реальности, мы исходим из ставшего общества, а специфические законы социогенеза получают свое концептуальное отображенне лишь после того, как рассмотрены важнейшие субстанциональные определения «зрелого» объекта, простейшим проявлением которого оказывается социальное действие, латентно содержащее в себе признаки коллективности реальной деятельности.

Наконец, предпосылая исследование действия анализу сущности и продуктов взаимодействия, в котором выражена действительность деятельной способности субъекта, мы полагаем, что возможность такой последовательности прямо утверждалась К. Марксом применительно к исследованию трудовой деятельности людей. Последняя, как известно, всегда осуществляется в определенных производственных отношениях; тем не менее она рассматривалась К. Марксом с точки зрения своих простых, абстрактных моментов до изучения последних. «Процесс труда,— писал он,— как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей... вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни... Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отно-

шении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой,— этого было достаточно» [1, т. 23, с. 195]. К. Маркс таким образом предваряет анализ субъект-субъектной организации производства исследованием его субъект-объектной организации, которая в своих родовых определениях остается инвариантной в любой общественно-экономической формации, хотя генетически несомненно зависит от процедур взаимодействия становящихся людей. Точно такой же инвариантностью отличаются родовые структурно-функциональные и динамические определения «действия вообще», существующие независимо от исторических форм взаимодействия людей.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению определений социального действия, сделаем еще одну методологическую оговорку, касающуюся природы его носителя. Дело в том, что ученых, считающих возможным и необходимым предпосылать абстрактный анализ родовых принципов субъект-объектного опосредования исследованию законов взаимодействия субъектов и возникающих в нем общественных отношений, нередко упрекают в том, что логически исходным определением науки при таком подходе оказывается индивидуальная активность человека, противопоставленного обществу, что несомненно противоречит общей логике марксизма, идущего от общества к индивиду[3]. В свою очередь критикуемые

[3] Такой критике, в частности, подверглась предложенная М. С. Каганом схема типов социальной деятельности, выделенных на основе субъект-объектной связи и рассмотренных до специального анализа общественных отношений. Верно отмечая тот факт, что в схеме М. С. Кагана «общественные отношения ... по существу отсутствуют», а «принцип коммуникативной деятельности не может быть равноценной заменой» [65, с. 75], Л. П. Буева приходит к выводу о том, что именно «индивидуальная деятельность, по мнению автора системы, является той «клеточкой», из которой развивается общественная деятельность», что вынуждает принимать «в качестве главного объяснительного принципа движение от индивида к обществу, от индивидуальной деятельности к общественной» [Там же, с. 76]. Считая такую критику не вполне обоснованной, мы полагаем, что М. С. Каган лично дал повод к подобным упрекам, назвав свою работу «Человеческая деятельность», хотя в действительности основные его усилия направлены на субъект-объектную типологию форм абстрактного социального действия. Следует отчетливо понимать, что с этого начинается, но к этому далеко не сводится анализ собственно деятельности, непредставимой вне взаимодействия субъектов и порождаемых им связей — общественных отношений.

авторы отвергают такие упреки, ссылаясь на то, что понятие отдельно взятого субъекта далеко не тождественно понятию индивида, поскольку абстрактно взятые законы субъект-объектного опосредования характеризуют в равной степени деятельную способность как индивидуального, так и интегративного субъекта.

Разделяя такую позицию, мы хотим обратить внимание на обстоятельства, без учета которых она выглядит логически противоречивой. В самом деле, понятие интегративного субъекта, действия которого вполне соответствуют структурным, функциональным и динамическим опосредованиям «клеточки», может использоваться наукой лишь после того, как ей стали известны законы социального взаимодействия, в котором складываются реальные коллективные субъекты. Следовательно, субъект, фигурировавший в теории до анализа взаимодействия, мог быть только индивидом, что, казалось бы, вполне подтверждает приведенные выше критические замечания.

Вместе с тем правильное понимание поставленной проблемы требует: а) учета объективного различия стадий развития науки; б) неоднократно отмечавшегося различия между законами такого развития и интересующими нас законами последовательного изложения ставшей, развитой науки методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Лишь в этом случае мы сможем адекватно понимать вектор логического движения между понятиями «индивид» и «общество».

Не вызывает сомнений факт, что начальный этап развития науки от чувственно-конкретного к абстрактному связан с движением от индивида к обществу. К. Маркс и Ф. Энгельс, как отмечалось, считали, что исследование общества начинается с «действительных, живых индивидов». В. И. Ленин также считал, что действия последних являются теми первоначальными данными науки, которые должны быть «обобщены и сведены к действиям групп личностей... к действиям классов...» [5, т. 1, с. 430]. На втором этапе развития науки, когда она начинает оперировать сущностями анализируемых объектов, исследование идет уже в обратном направлении: действия «живых» личностей могут получить свое теоретическое объяснение лишь тогда, когда становится ясным функциональный статус индивидов в

системе социального взаимодействия, поняты важнейшие законы последнего. В этом плане марксистская теория всегда противостояла разного рода «робинзонадам», идеалистическому стремлению (свойственному, например, так называемой «теории социального действия») «найти закономерность социальных явлений в сфере личных отношений людей» [146, с. 69]. Определяя сущность личности через интериоризованные в ней общественные отношения, исторический материализм тем самым рассматривает специфические законы индивидуального бытия как конкретное, содержащее в снятом виде более абстрактные определения коллективной деятельности людей.

То же самое соотношение выдерживается и применительно к процедуре систематического изложения категорий исторического материализма, в процессе которого методологическая рефлексия постепенно поднимается к наиболее конкретному «гуманистическому» (по терминологии В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона) пласту проблем, опосредованному проблематикой «макросоциального» свойства, в том числе представлениями о природе интегративных субъектов деятельности, в которые включен и которым подчинен в своих жизнепроявлениях индивид. В свою очередь рассмотрению интегративных субъектов предшествует анализ деятельной способности «субъекта вообще», возможный потому, что осуществляющий его ученый уже представляет себе природу различий между индивидом и группой; в то же время ему известна инвариантная природа абстрактно взятого действия, родовые определения которого не зависят от характера осуществляющего его субъекта. Именно это позволяет отвлечься в начале теории от реальной типологии носителей социального действия, концептуальное выявление которой возможно лишь после анализа законов взаимодействия. Такая последовательность не имеет ничего общего с «индивидуализацией» клеточки, структурные, функциональные и динамические опосредования которой не содержат ни малейшей «личностной» специфики. В действительности они выражают всеобщие характеристики «деятельности вообще», проявляющиеся как в коллективной, так и в индивидуальной ее формах, служат методологической основой их последующего

концептуального различения, восхождения от первой ко второй[4].

С учетом этих оговорок перейдем к непосредственному анализу «деятельности как действия», на основе которого следует судить о правильном или неправильном выборе исходной абстракции восхождения от абстрактного к конкретному в историческом материализме.

* *
*

Как и товар в «Капитале», действие, будучи непосредственным, сущностно нерефлектированным «бытием» анализируемой субстанции, исследуется наукой в определенной последовательности сменяющих друг друга в процессе восхождения проекций. Нас интересует, естественно, не изучение чувственно-конкретных проявлений, «бытия» самого действия, а рефлексивный анализ его абстрактно-всеобщей сущности, рассматриваемой первоначально в «чистом виде», затем в свойственных ей явлениях и, наконец, в присущей ей действительности.

Начальным этапом такого рассмотрения служит выяснение принципов структурной организации социального действия, ставящее перед историческим материализмом немалое число сложных проблем, и прежде всего проблему выделения составляющих «клеточку» социальной субстанции элементов. В марксистской социологической и психологической литературе предложено немалое число структурных схем простейшего акта социальной деятельности, которые, однако, нередко нуждаются в существенной концептуальной дифференциации, так как не учитывают в должной мере известную самостоятельность собственно структурного, функционального и динамического подходов к анализируемому объекту, отношения логического следования, существующие между ними. Так, в одних случаях структура социального действия раскрывается через категории

---

[4] В свете сказанного мы вполне согласны с Л. П. Буевой, полагающей, что «анализ деятельности вне системы общественных отношений абстрактен», но не можем согласиться с тем, что «основой подобной модели деятельности выступает изолированный индивид, а общество в этом случае оказывается механической суммой индивидов» [65, с. 50.]

«субъект — объект» или «субъект — средство — предмет действия», в других — этой цели служат категории потребностей и интересов, мотивов и целей, актов и результатов деятельности, в третьих — структурные схемы совмещают все названные и дополнительные понятия[5]. Существующие расхождения являются, по нашему убеждению, результатом смешения реальных структурных элементов действия с явлениями, характеризующими свойства и состояния этих элементов, которые раскрываются лишь при исследовании их функционального опосредования, со стадиями такого опосредования, его внешними условиями и т. д. Во избежание возникающей путаницы следует отличать структурную характеристику социального действия от анализа его функционально-динамической организации, не требовать от структурного анализа «прямого» ответа на вопросы: по какой причине, при каких условиях, с какой целью, в какой последовательности, с какими результатами осуществляется действие? Структурная характеристика предполагает лишь установление самостоятельных, организационно выделенных элементов, сторон действия, «которые *относятся друг к другу*» [1, т. 13, с. 498]; лишь после этого наука переходит к рассмотрению реального опосредования сторон, обеспечивающего функциональную целостность действия, и, далее, изучает динамические механизмы, обеспечивающие изменение характера и содержания исследуемого явления.

Мы присоединяемся к точке зрения ученых, полагающих, что структурными элементами действия, в соотношении которых раскрывается его сущность, являются действующий субъект и объект, на который направлено его воздействие. Кроме того, особым структурным моментом действия, отличным от собственно элементов, мы считаем организационную связь между субъектом и объектом, характер и направленность ко-

[5] В качестве примера можно привести точку зрения Ю. А. Харина, который представляет «структуру социального действия в следующем виде: а) действующий социальный субъект; б) объект действия; в) способ воздействия субъекта на объект (формы, средства, методы); г) цель и направленность деятельности субъекта; д) организация действия (управление и регулирование); е) социальная ситуация действия (совокупность объективных условий и субъективных факторов); ж) пространство действия (социальная локализация); з) момент действия (границы его актуального бытия); и) объективный результат действия» [146, с. 72].

торой также рассматриваются структурным анализом методом изолирующей абстракции.

Интересующие нас структурные определения «субъект» и «объект» основательно разработаны в социально-философской и социологической теории марксизма в работах Г. С. Арефьевой, Л. П. Буевой, М. С. Каган, М. С. Кветного, В. А. Лекторского, К. Н. Любутина и др. Это позволяет нам ограничиться лишь некоторыми характеристиками, выражающими статус субъекта и объекта как элементов социального действия. Напомним, что на данном уровне анализа теория отвлекается от любых попыток типологического исследования возможных субъектов и объектов социального действия; социологию пока не интересует, осуществляется ли оно отдельным индивидом, группой, обществом или человечеством, взятым в целом. Столь же несущественно в данном случае, выступают ли в качестве объекта действия вещные явления материального субстрата общественной жизни, живые индивиды, общественные отношения или знаковые системы. В настоящий момент социология стремится зафиксировать родовые признаки субъекта и объекта, проявляющиеся как закон в любой из форм человеческой деятельности, во всех ее исторических модификациях.

Сказанное не означает, что такие абстрактные понятия субъекта и объекта социального действия превращаются в пустые, бессодержательные определения, прямое подобие «чистого ничто», с которого начинается логическая доктрина Гегеля. На самом деле уже на начальном этапе абстрактного структурного рассмотрения действия социология сталкивается с рядом сложных проблем, связанных главным образом с уяснением субстанциональной специфики субъекта и объекта как элементов социальной «клеточки», их первичной характеристики, воплощающей в себе качественную особенность высшего уровня движения, которая отражается и должна быть раскрыта в них.

Прежде всего перед историческим материализмом встает вопрос: являются ли категории «субъект» и «объект» чисто социальными определениями или же речь идет об интегративных понятиях, характеризующих также досоциальные формы движения материи? Ограничено ли проявление субъект-объектной связи субстанциональными рамками общественного процесса или же

она выходит за его пределы? В нашей литературе существуют различные понимания этой проблемы, исходящие из разных пониманий родовой категории активности, носителем которой признается субъект, воздействующий на пассивный объект (способный проявлять лишь вторичную «активность» в форме сопротивления воздействию). Сторонники самого широкого из существующих подходов рассматривают активность как некоторую меру движения, характеризующую взаимодействие любых движущихся систем, при котором активная, инициирующая сторона обретает статус субъекта. Представители другой точки зрения считают, что в своем основном значении понятие активности характеризует не меру, а организационную форму движения, а именно информационно направленное самодвижение негэнтропийных, самоуправляющихся, адаптивных систем, к числу которых относятся биологические образования и человеческое общество. Тем самым становление субъект-объектных отношений связывается с биологической активностью, носители которой выделены из среды наличием потребностей, оказывают на нее преобразующее (в определенном диапазоне) воздействие, в том числе в форме рефлекторных орудийных манипуляций.

Наконец, третья точка зрения связывает субъект-объектные отношения с высшей формой активности в лице социальной деятельности, полагает, что категории «субъект» и «объект» выражают природу «особого (активно-деятельностного) характера человеческих отношений к миру» [29, с. 48]. И в этом случае названные категории рассматриваются как парные понятия, определяемые «через их противоположность друг другу» [180, с. 114]; соответственно субъект понимается как «источник активности, направленной на объект» [288, с. 154], а объект — как то, на что направлена активность субъекта, то, что служит средством и предметом реализации обусловливающих ее целей. Наличие таковых, осознанный характер субъект-объектного опосредования рассматриваются при этом как исходная субстанциональная характеристика социальной активности (отличающая ее от рефлекторной, в том числе и «трудовой» активности животных), воплощенная в ведущей субъектной стороне составляющего ее противоречия. Не прибегая на данной стадии изложения к конкретному рассмотрению проблем антропосоциогенеза, социология

констатирует отличие субъекта от носителей досоциальной активности, заключенное в наличии высших форм отражения — сознания и воли, опосредующих его связь с объектом деятельности. Сознание, которое на последующих ступенях восхождения приобретает в лице своих объективированных состояний характер самостоятельного, отличного от субъекта элемента социальной организации (духовные значения в лице норм права, морали, истин науки и пр.), выступает пока как имманентная субъекту, выделяющая его способность к целепостановке и целеосуществлению, реализуемая посредством воздействия на определенные объекты[6].

Однако, фиксируя сознательный характер субъект-объектного опосредования, отличающий его от структур биологической активности, мы еще не решаем задачу строгого субстанционального определения изучаемых социологией элементов социального действия. Дополнительные трудности вызывает деятельная природа самого сознания, проявляющаяся в целенаправленной продуктивности мыслительных актов и прочих высших психических реакций, отнюдь не сводящихся к пассивному отражению, «бездеятельному» созерцанию действительности. Это положение, не учитывавшееся в должной мере представителями метафизического материализма, стало, как известно, краеугольным камнем немецкой классической философии, идеалистически абсолютизировавшей принцип активности сознания, превратившей последнее в некоего трансцендентного субъекта, творящего из себя явления материальной действительности. Решительно опровергнув такую абсолютизацию, марксистская философия считает в то же время вполне правомерным использование понятий «субъект» и «объект» науками, изучающими деятельные проявления созна-

---

[6] В тех случаях, когда сторонники «расширительных» подходов признают субстанциональную специфику социального субъекта, заключающуюся в способности инициировать целенаправленную активность, различие названных точек зрения приобретает терминологический характер. Тем не менее последняя из них представляется нам наиболее точной, поскольку исключает опасность «социализации» биологических и «биологизации» социальных процессов. Сказанное не означает отрицания существенных сходств, структурно-функциональных аналогов между различными формами движения материи, однако вряд ли целесообразно относить категории субъекта и объекта к числу выражающих такие сходства интегративных понятий.

ния (мышление, воображение, внимание и пр.), не выходящие за пределы сферы идеального со свойственной ей относительной самостоятельностью.

Это вынуждает социологию указать на субстанциональное отличие изучаемых ею элементов социального действия не только от составляющих досоциальной активности, но и от гносеологической и психологической «версии» этих элементов. Тем самым вскрывается качественное отличие социального действия от форм чисто психической активности, субъект которой «урезан» до «чистого» сознания, воспроизводящего объективную реальность в ее актуальных и потенциальных состояниях путем целенаправленного продуцирования и преобразования идеальных объектов[7].

Напротив, субъект социального действия представляет собой вполне определенное вещественно-материальное образование, «мыслящую материю», связь которой с окружающей реальностью далеко выходит за рамки ее идеального восприятия. В действительности такая связь имеет предметный характер; это означает, что класс объектов, с которыми оперирует субъект социального действия, не ограничивается иммаиентиыми сознанию идеальными конструкциями, но с необходимостью включает в себя реальные объекты материального мира, которые К. Маркс называл предметами, связывая с их целенаправленным изменением суть деятельной способности реального субъекта. Последний понимался соответственно как предметное существо, которое «действует предметным образом, и ... не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении. Оно только потому творит или полагает предметы, что само оно полагается предметами...» [2, с. 630][8]. Именно понимание того, что со-

---

[7] Тот факт, что субъект-объектное опосредование в данном случае проявляется в имманентных рамках идеального, не нарушает всеобщих принципов такого опосредования, не приводит к «размыванию» составляющих его сторон. Как справедливо отмечает В. А. Лекторский, даже в тех случаях, «когда сознание направлено на мир собственных переживаний... предмет (в данном случае состояние сознания) и познающий субъект не сливаются, а отделены один от другого» [177, с. 154]. Случаи подобного композиционного «взаимоналожения» субъекта и объекта будут оговорены ниже.

[8] Категория «предмет» имеет в науке множество значений, отличных от приведенного. Это понятие используется как субстанцио-

циальный субъект как «действительное, чувственное, предметное существо... предметом своей сущности, своего проявления жизни... имеет *действительные, чувственные предметы*... может *проявить* свою жизнь только на действительных, чувственных предметах» [Там же, с. 631], дает нам реальные критерии различения социального действия и деятельных проявлений сознания как такового [9].

Таким образом, обладающее атрибутивным признаком предметности социальное действие предполагает непременное использование «телесно» организованным субъектом внешних сознанию объектов (предметов). Соответственно акты чисто духовной активности, не выходящие за имманентные рамки идеального, не могут считаться самостоятельным проявлением социального действия, так как не достигают сами по себе его важнейшей цели — обеспечения необходимых предметных условий существования субъекта как «полагаемого и полагающего предметы» существа. В то же время эти акты являются необходимым организационным моментом социального действия, выделяющим его из досоциальных форм активности. В этом плане любое действие непременно включает в себя неопредмечиваемые акты «чистого» мышления (чувствования) в качестве особой функциональной стадии, но не сводится к ним, не ограничивается стадией логического синтеза идеальных программ, но предполагает ту или иную форму их объективации в реальной действительности посредством тех или иных материальных объектов вещественного или процессуального характера.

Несколько забегая вперед, подчеркнем, что атрибу-

нальная характеристика объекта познания (предмет науки); для характеристики субъект-объектной связи в аспекте воплощения в объекте (в том числе и идеальном) сущностных сил субъекта (опредмечивание); как специфическое определение опосредованного объекта (предмет труда) и т. д. Такая множественность значений, закрепленная научной традицией, обязывает исследователя всякий раз оговаривать используемый им в данный момент смысл понятия «предмет».

[9] Предметный характер социального субъекта, обосновывавшийся в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» применительно к отдельно взятому индивиду, в той же мере свойствен интегративным субъектам, имеющим свое «неорганическое тело», вещественно-процессуальную организацию, поддержание которой предполагает предметное взаимодействие со средой.

тивный признак предметности характеризует любую из реальных форм (явлений) абстрактно рассматриваемой сущности действия. Представляется ошибочной точка зрения, считающая предметность специфическим свойством практических действий, отличающим их от духовных (теоретических) действий, имеющих своей целевой доминантой деятельное отражение, а не изменение объективной реальности. На самом деле существенное различие между этими формами социального действия не затрагивает инвариантных принципов его организации, всеобщих определений, к числу которых относится определение предметности. Ниже мы увидим, что теоретическое действие как предмет социологического анализа далеко не тождественно «чистому» мыслительному акту. Оно рассматривается социологией не с точки зрения гносеологических законов, в соответствии с которыми сознание субъекта продуцирует имманентные ему идеальные объекты. Как и любое другое социальное явление, теоретические действия анализируются социологией с точки зрения их места и роли в интегральной деятельности общества, направленной на создание необходимых условий его существования и развития, в том числе объективированных состояний общественного сознания, программирующих действия социальных субъектов. Создание таких духовных значений определяет социальную функцию теоретических действий, которая была бы невыполнима, если бы они свелись к мыслительным актам, при которых продукт духовной активности не выходит за рамки создающего его интеллекта, не подвергается объективации и социализации, распространению в социокультурной среде. Не получая предметного воплощения, духовная активность теряет всякое реальное социальное значение; в данном случае материальная природа субъекта проявляется в том «проклятии», которое лежит на идеальном, способном реально функционировать в обществе, лишь будучи «отягощенным материей», получившим предметную форму существования.

Предметность социального действия, проявляющаяся на обоих «полюсах» его организации — субъектном и объектном,— вынуждает особо оговорить возникающую в этой связи методологическую проблему различения элементов органической целостности. Речь идет об известном факте композиционной изоморфности эле-

ментов, которые далеко не всегда могут рассматриваться как структурно обособленные образования, связанные друг с другом лишь нитями внешней организационной зависимости. В действительности следует учитывать нередкое взаимопроникновение, субстратное взаимоналожение подобных элементов, с которым приходится встречаться и при анализе социальной деятельности. Во многих случаях оказывается достаточно сложным провести четкую «пространственную» границу между субъектом и объектом, как это происходит в случае с чисто духовными актами, в рамках которых концептуальный объект, отражая объективную реальность, в то же время гомогенен субъекту — существует в том же самом сознании, которое создает и изменяет его. Аналогичные ситуации складываются и в предметной социальной деятельности, когда объектом воздействия со стороны субъекта оказывается он сам — его собственная «телесная» организация (простейшим примером такой ситуации могут быть занятия индивида физической культурой).

Означает ли сказанное, что наука теряет реальные критерии различения элементов органической целостности? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным, если принимается во внимание особо подчеркиваемое в общей теории систем различие между «местом» элементов, предполагающим их строгую функциональную автономию, и «наполнением» элементов, допускающим, а зачастую и предполагающим их композиционное взаимопроникновение. Решая поставленную задачу, теория должна учитывать, что реальным основанием выделения структурных элементов целого является их функциональная автономия, способность выполнять некоторую необходимую для существования целого функцию, без чего никакое структурное обособление в системе принципиально невозможно. В этом обстоятельстве проявляется уже отмечавшийся нами факт взаимозависимости структурного и функционального аспектов существования целостных систем, исключающий признание абсолютного логического первенства структурного аспекта (с которого тем не менее начинается восхождение от абстрактного к конкретному на этапе рефлексивного изложения теории, после того как в процессе ее реального развития получены необходимые функциональные характеристики объекта).

В соответствии со сказанным различие между субъектом и объектом как необходимыми элементами действия сохраняется во всех случаях их субстратного наложения, поскольку в любом действии выдерживается функциональное различие между носителем целенаправленной активности и средством ее воплощения в результате. При этом в роли субъекта может выступать лишь «существо» (индивид или группа), реализующее самостоятельно выработанные идеальные программы действия, не просто изменяющее действительность, но осуществляющее в процессе такого изменения «свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий...» [1, т. 23, с. 189]. В этом плане субъектом не может быть техническое устройство, изменяющее действительность по заданной человеком программе; ошибочно считать субъектом магнитофон, «ведущий обучение» при физическом отсутствии преподавателя и т. д.

В то же время было бы ошибкой относить любое предметное явление, отличное от человека, к классу объектов, поскольку в этом случае происходит ограничение классификационного понятия субъекта отдельно взятым индивидом, а его самого, если мыслить последовательно, должно свести в качестве субъекта к «чистому» сознанию, лишенному предметного существования. На самом деле реальный социальный субъект имеет свою материальную организацию, при этом интегративные субъекты обладают «неорганическим телом», состоящим из явлений материального субстрата, отличных от человеческого организма. С учетом сказанного нужно полагать, что различение субъекта и объекта конкретно в каждом конкретном случае. Общим правилом при этом является признание объектом любого образования, не входящего в субстратную организацию субъекта (за исключением тех случаев, когда его активность направлена на самого себя), которое используется носителем целенаправленной активности и лишено возможности ее самостоятельного проявления (или не проявляет ее в соответствии с содержанием действия, как это бывает в случаях, когда объектом воздействия субъекта оказывается другой субъект). Таким образом, одно и тоже материальное явление (к примеру, станок) может быть объектом по отношению к использующему его индивидуальному субъекту (рабочему), в то

же время являясь моментом субстратной организации интегративного субъекта (производственного коллектива).

Нетрудно видеть, что предлагаемое определение объекта снимает, по сути дела, различие между средством и предметом деятельности, превращая их в модификации ее объектной стороны, противостоящей стороне субъектной. Подобный подход не встречает единодушного признания в литературе. Так, критикуя М. С. Кагана, занимающего эту позицию, Л. П. Буева пишет: «Остается неясным, как может субъект овладеть объектом, если в качестве необходимого элемента деятельности не выделены орудия, средства деятельности, от которых зависит способ овладения, характер активности? Орудия и средства деятельности представляют собой систему «искусственных органов» общественного человека, без которых субъект деятельности является пустой абстракцией» [65, с. 74]. Не возражая по существу приведенных утверждений, мы в то же время считаем, что такая критика не учитывает объективного различия задач, с которыми сталкивается исторический материализм на разных уровнях проводимого им исследования. Различие между средством и предметом деятельности, равно как и понимание первых в качестве «органов» человека, приобретает большое методологическое значение при исследовании законов общественного производства. В то же время это различие не проявляется специально на значительно более абстрактном уровне изучения структурных, функциональных и динамических законов субъект-объектного опосредования, выражающего сущность действия «вообще». В данном случае различие средства и предмета деятельности выступает как различие непосредственного и опосредованного объектов, в которых реализуется активность абстрактно взятого субъекта, и снимается субстанциональной противоположностью субъектной и объектной сторон действия.

Сказанное выше дает некоторое (весьма неполное) представление о направлении начального структурного анализа «клеточки», дающего исходные субстанциональные характеристики составляющих ее элементов, двух соотносящихся сторон. В процессе такого анализа исследователь, используя метод изолирующей абстракции, убеждается в том, что лишь органическая связь, взаи-

моположенность субъекта и объекта дают в синтезе целостную структуру действия[10]. Неудивительно, что многие ученые считают двухэлементную модель недостаточной и выделяют в качестве самостоятельного элемента некоторое «передаточное звено» субъект-объектного опосредования.

Нередко таким звеном считают активность субъекта, обращенную на объект, в результате чего возникает «истолкование деятельности, суть которого выражается схемой: субъект — активное воздействие — объект-вещь или иначе: субъект — преобразование — объект-вещь» [57, с. 42]. Такое понимание структурной организации действия представляется ошибочным, переходящим объективно данную грань между правомерным использованием методов изолирующей абстракции и неправомерными попытками делить неделимое не только в действительности, но и в теории. Именно так следует оценить попытку отделения социального субъекта от присущей ему активности, рассмотрения их в качестве автономных элементов действия. Ясно, что указанные феномены относятся друг к другу не как взаимосвязанные структурные части, но как структурная часть и объективно данный способ ее существования в системе. В этом плане преобразующая активность есть неотделимое свойство субъекта, определяющее его элементный статус в социальном действии, отличный от элементного статуса объекта. Сказанное касается как духовной активности, так и предметной манипуляции с

---

[10] В этом обстоятельстве лишний раз проявляется глубокая ошибочность все еще бытующей точки зрения, которая не усматривает принципиальных различий между понятиями «объект — субъект» и «материя — сознание», не понимает, что «отношение объект — субъект не тождественно основному вопросу философии» [29, с. 48]. Такая точка зрения неверна по многим основаниям: так, она не учитывает, что субъект социального действия отнюдь не тождествен деятельно проявляющемуся сознанию, в то время как объектом деятельности «могут быть не только материальные, но и идеальные объекты» [Там же, с. 56]. Наконец, не учитывается реальная взаимоположенность субъекта и объекта, качественно отличная от способности материи существовать до и независимо от всякого сознания. Такая взаимоположенность (породившая множественные идеалистические спекуляции) является действительным фактом, заставляющим многих ученых-марксистов считать, что положение «нет объекта без субъекта» «в известных границах... верно» [Там же, с. 53].

внешним сознанию объектом, представляющих собой не элементы, а особые функциональные стадии взаимоопосредования элементов — стадию целеполагания и стадию операциональной реализации цели, о чем будет сказано ниже.

Считая излишним расширение числа реальных элементов «клеточки», ограничивая их субъектом и объектом, мы в то же время полагаем, что уже структурный анализ обязан принимать во внимание необходимый организационный момент действия в лице устойчивой по своим характеристикам связи субъекта и объекта. Именно эта связь, выражающая взаимоположенность элементов социального действия, позволяет ему существовать в качестве структурированного объекта, способного функционировать и развиваться как целое в пределах присущего ему субстанционального качества.

Однако, если констатировать сам факт наличия организационной связи субъекта и объекта возможно в рамках структурного подхода к анализу действия, то выяснение характера такой связи предполагает уже переход от абстрактно-логического противопоставления субъекта и объекта к исследованию реального процесса их взаимоопосредования. Наиболее абстрактной характеристикой такого опосредования является его рассмотрение как диалектически противоречивого единства процессов опредмечивания и распредмечивания. Как справедливо отмечает О. Г. Дробницкий, «общественная форма движения существует в виде соотношения двух полюсов — человека как субъекта и внешнего предмета как его объекта, в виде постоянного превращения субъективных возможностей человека в свойства (тоже возможности) предмета и обратно. Человек в этом отношении выступает не просто как тело, функционирующий организм и мыслящий мозг, а как социальный субъект, т. е. обладает какими-то собственными качествами только благодаря своему отношению к предмету как концентрату своих (и своих предшественников) деятельных способностей. Точно так же и предмет является здесь не просто телом природы, а зеркалом деятельной способности человека, ее кристаллизацией. Человека как субъекта можно определить только через предметы его деятельности, а предметы только через человека» [120, с. 220]. Соответственно под опредмечиванием понимается процесс, в котором свойственная субъекту

(не только индивиду) активность воплощается со стороны своих сущностных свойств в объекте; напротив, распредмечивание рассматривается как «процесс, в котором свойства, сущность, «логика предмета» становятся достоянием человека, его способностей» [289, с. 461][1].

Ясно, что подобное субъект-объектное опосредование относится к числу инвариантных определений социального действия, применительно к предметной природе которого опредмечивание всегда есть превращение «характеристик субъекта деятельности... в свойства объекта его деятельности, воплощенные в материальных качествах неких телесных тел» [120, с. 212]. Вместе с тем в литературе высказано мнение о существовании такой формы опредмечивания, которая «не выражается в результате, фиксируемом во внешнем предмете». Такое

---

[1] В литературе существует точка зрения, критикующая такое понимание опредмечивания, при котором оно сводится «только к воплощению деятельности в отделимых от нее внешних, выпадающих из нее результатах. На самом же деле такое воплощение деятельности всегда происходит одновременно с опредмечиванием ее в структуре самих же сущностных сил субъекта, когда последний преобразует самого себя» [57, с. 42]. Мы считаем, что это утверждение верно для случаев композиционной изоморфности субъекта и объекта, когда сознательно преобразуемым объектом является сам субъект. В то же время теория фиксирует спонтанные изменения субъекта, происходящие в процессе преобразования внешнего объекта, по словам К. Маркса, «за спиной» инициирующего элемента действия. Мы считаем неверным трактовать этот процесс спонтанного развития сущностных сил субъекта как опредмечивание и рассматриваем его как распредмечивание, обогащение субъекта «за счет» объекта. Следует учитывать, что различие опредмечивания и распредмечивания лежит отнюдь не в плоскости «накопление — использование», из чего, по нашему мнению, исходит критикуемая точка зрения. В действительности опредмечивание есть «накопление», идущее от субъекта к объекту, в то время как распредмечиванию свойственно обратное направление аккумуляции. Не учитывая это, критикуемая точка зрения, распространяющая опредмечивание на самого субъекта, снимает субстанциональное различие между полюсами социальной деятельности, которое на уровне абстрактного анализа субъект-объектной связи абсолютно. Более того, при таком подходе опредмечивание и распредмечивание оказываются хронологически оторванными друг от друга процессами, поскольку столь широкое понимание опредмечивания, по сути дела, исчерпывает собой содержание акта деятельности, превращая распредмечивание в процесс потребления субъектом готового продукта, с которого начинается новый ее акт. В действительности же рассматриваемые процессы взаимополагают друг друга в рамках одного и того же действия, представляя собой синхронное «взаимообогащение» субъекта и объекта.

предположение сделано относительно определенных эстетических форм освоения мира («непосредственное созерцание природы»), отличных от форм духовной деятельности, внешним предметом которых «является по крайней мере знаковое выражение знания» [Там же, с. 225]. Мы полагаем, что вопрос может быть поставлен шире в том плане, что процессы опредмечивания-распредмечивания характеризуют всякое субъект-объектное опосредование, в том числе и чисто духовную активность, продукты которой опредмечивают сущностные силы субъекта и распредмечиваются им даже в тех случаях, когда остаются необъективированными во внешней сознанию субъекта реальности. Приняв такую точку зрения, мы тем самым устанавливаем концептуальное различие между категориями опредмечивания-распредмечивания, характеризующими и реальную, и чисто идеальную субъект-объектную связь, и категорией предметности, выражающей атрибутивное определение реального субъект-объектного опосредования в лице социального действия, выходящего за рамки операций с чисто идеальными объектами, предполагающего их непременное «овеществление» (хотя эта категория используется в литературе в ином значении исторически преходящей, превращенной формы опредмечивания [288, т. 4, с. 127]).

Не останавливаясь на специальном рассмотрении процессов опредмечивания и распредмечивания, подчеркнем необходимость строгого различения выражаемой ими субъект-объектной связи и соотношения материи и сознания. Из сказанного можно заключить, что процессы опредмечивания и распредмечивания далеко не сводятся к переводу идеального в материальное и наоборот, хотя в случае с социальным действием такой перевод является необходимым условием субъект-объектной связи. Не учитывая это обстоятельство, мы не в состоянии аргументированно критиковать идеалистические теории, интерпретирующие процесс опредмечивания как доказательство субстанциональной вторичности материального в социальном процессе, за которую выдается чисто функциональная зависимость материально-вещественного объекта от далеко не равного сознанию субъекта деятельности. С другой стороны, проводимое различение показывает несостоятельность концепций, полагающих, что взаимоопосредование

субъекта и объекта «растворяет», полностью снимает оппозицию материального и идеального в обществе, показывает ее бессмысленность в условиях социальной жизни, создаваемой постоянным «опредмечиванием идеального» и «распредмечиванием материального». В действительности диалектика материального и идеального, составляющая содержание основного вопроса социальной философии, не снимается субъект-объектным опосредованием, а раскрывается как его специфический аспект, а именно как детерминированность сознания действующего субъекта материальными факторами этой деятельности. В этом плане категории субъекта и объекта также служат решению основного вопроса, однако не непосредственно, а путем установления субстанциональной специфики «поля его проявления», которая заключена в субъект-объектной организации.

Итак, с исследованием процедур опредмечивания-распредмечивания связан осуществляемый в процессе логически последовательной конкретизации теории переход от начального абстрактно-структурного рассмотрения элементов «клеточки» к выяснению функциональных опосредований, возникающих между ними в ходе ее реального существования. Переходя к функциональному анализу, социология как бы «оживляет» препарированную структурным анализом «клеточку», при этом она не переступает границ исследования сущности «действия вообще», восходя лишь на более конкретный этап этого исследования. Изучение процессов опредмечивания-распредмечивания в свою очередь является наиболее абстрактной стадией функционального этапа анализа, на которой действие рассматривается еще безотносительно к причинам, условиям, целям, результатам осуществления субъект-объектного опосредования. Дальнейшее исследование связано с актуализацией этих важнейших функциональных характеристик «клеточки».

Подобное исследование исходит из той конкретизирующей посылки, что составляющее действие субъект-объектное опосредование происходит не в «безвоздушном пространстве», а в определенной среде, относительно которой выделен носитель активности и которая содержит необходимые условия его существования. Сказанное относится и к социальной, и к биологической активности, осуществляемой открытыми адаптивными системами, которые «поддерживают свою организацию

за счет поступления вещества, энергии и информации из внешней среды» [47, с. 41]. Естественно, что последняя самым существенным образом влияет на содержание такой активности, которая в конечном счете направлена на самосохранение в рамках среды (для биологических систем — в форме приспособительного гомеостаза, для социальных — в плане обеспечения своего поступательного развития).

Констатируя это обстоятельство, социология на уровне анализа «действия вообще» еще не прибегает к попыткам уточнения возможной среды его осуществления. Никак не конкретизируется вопрос о том, являются ли ею природные или созданные людьми общественные формы, не принимается во внимание характер связи со средой (будь то ее практическая перестройка или теоретическое отображение) и пр. В настоящий момент социология фиксирует лишь тот факт, что понимание причин субъект-объектного опосредования предполагает анализ реальной связи между носителем социальной активности и средой его деятельностного проявления.

Суть данной связи состоит прежде всего в том, что среда порождает у субъекта объективные потребности, под которыми, как уже отмечалось, в социологической литературе понимают отношение субъекта к необходимым условиям его существования, «особое отношение между субъектом... и определенной совокупностью объектов, необходимых для его существования, функционирования и развития» [196, с. 143]. Это не означает, что в структуру действия включается особый самостоятельный элемент, существующий наряду с субъектом и объектом. В действительности вводимое определение потребности имеет уже не структурный, а функциональный характер, выражая особое состояние субъекта — как и деятельная способность последнего, потребности «неотделимы от своих носителей, входят в их структуру» [Там же, с. 143].

На данном этапе анализа социология абстрагируется от типологии потребностей, не принимает во внимание их субъектную характеристику (индивидуальные, групповые, собственно общественные потребности) и деятельностную направленность (экономические, политические, духовные и пр. потребности). Науку интересует пока лишь функциональная роль потребностей как таковых в процессе взаимоопосредования субъекта и объекта,

которая, с одной стороны, выражается в способности вызывать у субъекта «особое состояние напряженности и потенциальной готовности к соответствующему виду деятельности» [Там же], а с другой — обусловливает способность объекта служить средством удовлетворения потребности. Именно в таком удовлетворении социальное действие, рассматриваемое первоначально как «немотивированная» связь субъекта с объектом, приобретает смысл и назначение, свою главную причину, побудительную силу.

В то же время следует учитывать, что потребности являются побудительными силами не только социальной, но и биологической активности [12]. Поэтому понимание их роли в социальном действии требует рассмотрения специфических процедур их удовлетворения, последовательность которых определяет особые функциональные этапы действия.

Не имея возможности подробно остановиться на их анализе, отметим, что первым этапом является осознание субъектом наличия потребностей, а также необходимых и возможных способов их удовлетворения. Такое осознание имеет своим результатом выработку определенной цели действия, представляющей собой его «идеальный, внутренне побуждающий мотив...» [1, т. 46, ч. I, с. 28], наличие которого качественно отличает деятельность людей от активности биологических систем.

Формулируя это положение, следует учитывать, что названное отличие не исключает некоторых сходств, вызываемых тем, что и деятельность человека, и активность биологических образований являются различными формами информационно направленной активности саморегулирующихся систем; соответственно они имеют ряд общих признаков как в аспекте побудительных сил (потребностей), так и с точки зрения механизмов осуществления. В этом плане нужно принимать во внимание утвердившееся в современной научной литературе

[12] Потребности «возникают уже на уровне биологической формы движения, точнее, на уровне мира животных, и выступают детерминантами поведения живого вообще» [196, с. 143]. В этом плане «всякий живой организм, будучи открытой системой негэнтропийного порядка, функционирует на основе потребностей... Потребности живого организма, его требования к условиям внешней среды диктуют программы поведения на уровне безусловных рефлексов, которые модифицируются пожизненно в виде условных рефлексов» [147, с. 41, 42].

мнение, по которому «отношение целесообразности, характерное для человеческой деятельности, вместе с тем может выступать в качестве научного принципа исследования структуры и функций саморегулируемых и эквифинальных систем (т. е. систем, способных достигать одинакового конечного результата независимо от начальных условий)» [289, с. 762]. Такое понимание проблемы исходит из широкого значения понятия целесообразности, в котором оно означает «особый способ поведения сложных систем, характеризующийся способностью путем саморегуляции достигать заданное конечное состояние, как бы стремиться к нему в меняющихся условиях среды. Система постоянно на основе переработки информации и использования обратных связей осуществляет слежение за своим собственным поведением, настраивает его на достижение определенного результата» [147, с. 53]. Высшей формой такой целесообразности эквифинальных (по терминологии Л. Берталанфи) систем признается сознательная целесообразность человеческой деятельности.

Мы вполне согласны с мнением М. С. Кветного и других ученых, полагающих, что «эта «универсализация» целесообразности правомерна. Она дает возможность увидеть сходное, общее в сложных материальных системах, которые осуществляют саморегуляцию, и вместе с тем то особенное, что возвышает человека и его деятельность в ряду таких систем» [147, с. 53]. Сама по себе такая задача таксономического сопоставления явлений, принадлежащих к различным формам движения материи с целью установления их субстанциональной специфики, имеет первостепенное научное значение и составляет, в частности, суть социально-философского анализа как особого плана обобщения в историческом материализме. Вместе с тем в данном конкретном случае следует помнить, что «было бы неверным снять всякие ограничения с самой категории цели и использовать ее для описания поведения живых систем. Такая экстраполяция понятия цели ведет уже к стиранию коренного различия между бессознательным поведением животного и сознательной целесообразностью человеческой деятельности» [Там же, с. 57]. Поэтому представляется правильной точка зрения А. М. Гендина, различающего понятия целесообразности (целенаправленности), целеустремленности (частный случай целе-

направленности, характеризующийся «наличием внутренних потребностей системы и обусловливаемых ими стремлений») и собственно цели, выступающей как высшая форма целеустремленности и присущей соответственно лишь человеческой деятельности [86, с. 49—50].

В своем чисто социальном значении понятие цели представляет собой конкретизацию выделяемой уже на уровне структурного анализа элементов социального действия атрибутивной способности субъекта опосредовать присущим ему сознанием свою связь с объектом. В данном случае эта способность рассматривается уже в качестве функционального механизма деятельности общественного человека, важнейшей детерминанты, «которая как закон определяет способ и характер его действия и которой он должен подчинять свою волю» [1, т. 23, с. 189]. Однако в противоположность точке зрения субъективистов, не понимающих, что «...цели человека порождены объективным миром и предполагают его...» [5, т. 29, с. 171], определяющее воздействие цели не является ни абсолютным, ни первичным, поскольку за ней стоят прежде всего объективные потребности субъекта, механизмом удовлетворения которых она является. Тем или иным способом, с той или иной степенью адекватности отражаясь механизмами целеполагания, потребности в конечном счете обусловливают содержание цели, предписывают ей определенные пределы вариативности, в рамках которых она, однако, сохраняет свой статус субъективного момента социального действия.

В соответствии с основной задачей исследования мы вынуждены отвлекаться от множества проблем, возникающих в связи с анализом цели, точнее, процесса целеполагания, который, будучи целостной функциональной стадией действия, имеет в то же время сложноструктурированный характер, обладает собственной последовательностью этапов осуществления[13]. Отметим лишь,

---

[13] Представляется правильным мнение М. С. Кветного, рассматривающего цель как комплексный «динамический продукт целеполагания, то есть процесса становления и конкретизации цели в ходе самой деятельности» [147, с. 60]. Основными моментами развития цели, ее конкретизации автор считает выработку плана и принятие решения. В социологической и психологической литературе существуют другие развернутые, многомерные модели феномена цели, стадий целеполагания.

что идеальные процедуры целеполагания включают в себя осознание субъектных и объектных факторов действия, тщательный учет их соотношения. В первом случае внимание субъекта обращено на самого себя — на этом «интровертном» направлении целеполагания происходит инициальное осознание субъектом возникшей потребности, его потенциальной способности к ее успешному удовлетворению и т. д. Во втором случае сознание субъекта рассматривает потенциальные объекты деятельного удовлетворения потребности, причем такое рассмотрение осуществляется в двух связанных, но не поглощающих друг друга плоскостях: с точки зрения чисто гносеологической реконструкции, идеального воспроизведения свойств объекта, взятого сам по себе, и с точки зрения его аксиологических, ценностных характеристик[14]. Синтезируя «субъектное» и «объектное» направление рефлексии, цель конкретизируется до плана действия, учитывающего не только внутренние факторы, но и внешние условия его осуществления и т. д.

Следующий за целеполаганием функциональный этап действия связан с реализацией выработанной цели посредством определенной системы операций субъекта с объектом действия. На этом этапе субъект осуществляет необходимое преобразование объекта (будь то реальное изменение чувственно-конкретного объекта практического действия или идеальное преобразование концептуального объекта духовного действия), непосредственно ведущее к созданию продукта, способного удовлетворить инициальную потребность. Такое воздействие на преобразуемый объект может опосредоваться определенными «орудиями» (предметного и идеального характера), которые одни ученые, как отмечалось выше, рассматривают в качестве «объектов-посредников», передающих воздействие на «объекты-цели», другие — в качестве «субстратной стороны субъекта», представляющей собой структурно-функциональную часть последнего [180, с. 147].

Укажем на некоторые характеристики операциональной стадии, имеющие важное значение для понимания

[14] Мы вполне согласны с Г. С. Батищевым, который считает недостаточным социологический подход, при котором «предмет деятельности берется вне его ценностных измерений или качеств, отношению, как вещь, которая ценностно безразлична и незначима» [57, с. 42].

последовательности логического анализа действия. Прежде всего отметим, что рассматриваемое операциональное воздействие субъекта на объект, как и предшествующая ему стадия целепостановки, представляет собой не самостоятельное социальное действие, а именно этап, функциональную стадию последнего [15]. Чтобы подчеркнуть качественное отличие активности целевоплощения от действия в собственном смысле слова, мы (вслед за другими исследователями) используем понятие операции, которое представляется более точным, чем используемый иногда термин «исполнительская деятельность», поскольку указывает, что речь идет не о самодостаточном проявлении деятельности, а о ее субстанционально несамостоятельном моменте.

Еще один аспект рассмотрения операциональной стадии связан с выяснением диалектики цели и средств действия. Среди множества проблем, анализируемых различными дисциплинами, социологию в наибольшей степени интересует вопрос об объективности операциональной стадии. Ее место в функциональной организации действия, как отмечалось, состоит в том, что она

---

[15] Как утверждает Ю. А. Харин, «перевод стрелочником рычага, нажатие кнопки звонка и т. п. элементарные акты... хотя и осуществляются людьми, в строгом смысле слова не охватываются категорией социального действия» [146, с. 68]. Со сказанным можно согласиться в том случае, если автор имеет в виду чисто физическую активность субъекта, причины которой лежат вне ее самой, определяются целеполаганием как внешним по отношению к ней моментом действия. В то же время и перевод рычага, и нажатие кнопки могут рассматриваться как синтез целеполагания и операциональной реализации цели, т. е. как самостоятельные действия, в ходе которых субъект осознает необходимость их совершения, продумывает последовательность операций и осуществляет ее. Это утверждение не может быть поставлено под сомнение тем фактом, что названные действия не являются самоцельными, представляя собой организационный момент, промежуточный этап реализации некоторой «сверхзадачи». Важно то, что в интегрирующую их деятельность (скажем, железнодорожные перевозки) названные акты включаются в качестве самодостаточных социальных действий, а не их функциональной стадии, в полной мере воплощают в себе структурные, функциональные, динамические характеристики, атрибутивные определения «клеточки» общественной жизни. В этой связи следует подчеркнуть, что в результате общественного разделения труда одни и те же акции, представляющие в одном случае операциональную стадию действия, в другом случае превращаются в его самостоятельную форму (сравним операциональную активность ученого, объективирующего полученные результаты исследования путем записи, с действиями профессионального писаря).

«объективирует цель, переводит ее из сферы субъективного в сферу объективного или, пользуясь терминологией Гегеля, «наличного бытия». Соответственно содержание этой стадии, «последовательность ее отдельных актов, их субординация и координация диктуются целью» [147, с. 68]. Означает ли сказанное, что операциональный этап действия всецело зависит от целеполагающего сознания субъекта, не обладает собственным объективным содержанием, которое не зависело бы от избираемой субъектом идеальной программы действий, отражалось в ней и обусловливало ее?

Ответ на этот вопрос зависит от того, рассматриваем ли мы операциональную стадию с формально организационной точки зрения, в плане чистой «механики» осуществления действия, или же ставим проблему в содержательном аспекте — с точки зрения того, каким должно быть содержание операциональных актов, чтобы субъект мог рассчитывать на успешность предпринимаемого действия. Ясно, что с чисто организационной точки зрения субъект в отличие от животных, рефлекторно удовлетворяющих свойственные им потребности, способен лишь на такие социальные акции, которые предварительно рефлектированы в его сознании и контролируются им; в этом плане зависимость избираемых способов действия от избирающей их цели является несомненной.

Взятая с содержательной стороны, проблема зависимости операциональных актов от принятого плана и программы их осуществления приобретает иной характер. Выясняется, что операциональный этап обладает вполне определенной объективностью, поскольку сознание отнюдь не бесконтрольно в своем праве выбора средств, необходимых для успешного осуществления действия. При этом, рассуждая об успешности действия, мы имеем в виду не только возможность фактической реализации поставленной цели, что само по себе предъявляет более или менее жесткие требования к характеру используемых средств, заставляя субъекта отказываться от объектов (процессов), по своим характеристикам не соответствующих сути решаемой задачи. Следует принимать во внимание и степень соответствия самой цели объективным потребностям субъекта, удовлетворение которых является конечным критерием успешности действия (нередки случаи, когда успешно

осуществленная, но неверно поставленная цель ведет к ухудшению реального положения субъекта). В этом плане детерминирующая роль потребностей проявляется и в том, что они предписывают субъекту вполне определенные способы своей реализации, вне и помимо которых она оказывается невозможной. В реальной общественной жизни такие способы редко оказываются единственными, тем не менее потребности независимо от воли и желания действующего субъекта достаточно жестко ограничивают возможную в данных случаях вариативность операций и используемых в их процессе объектов (средств и предметов) деятельности, которые ведут к ее успешному осуществлению.

Именно с таким объективным характером операциональной стадии действия, который должен учитывать в своих целях каждый субъект, связано существование его объективных *интересов*. В отличие от потребностей, свойственных уже определенным биологическим системам, интересы характерны лишь для социального субъекта (перед которым стоит проблема выбора средств действия) и имеют своим содержанием его отношение к необходимым средствам и условиям удовлетворения присущих ему потребностей [16].

Последовательный социологический анализ операциональной стадии действия заканчивается рассмотрением реально полученного результата, представляющего собой сложное, многоаспектное явление. Характеризуя его, сле-

---

[16] Нужно сказать, что подобное понимание интересов все шире распространяется в современной теории исторического материализма, в которой «можно считать преодоленными две крайние точки зрения: простое отождествление интересов с социально детерминированными потребностями, с одной стороны, и понимание интересов как осознанных потребностей — с другой... В философской и социологической литературе последних лет интерес наиболее часто рассматривается в виде объективного по своему характеру отношения субъекта (носителя) социальной потребности к самой этой потребности, к условиям, способам, а главное, необходимости ее удовлетворения» [196, с. 148]. При этом, однако, одни ученые полагают, что различие потребностей и интересов характерно для любого социального субъекта, в то время как другие считают, что «потребности... как нечто отличное от интересов — это те потребности, которые формируются на индивидуальном, личностном уровне, возникают у отдельного человека в процессе его социализации» [Там же, с. 150]. Связывая различие потребностей и интересов с родовой структурой социального действия, мы придерживаемся первой точки зрения, не обосновывая ее в настоящий момент специально.

дует прежде всего учитывать, что результат не является самостоятельным структурным элементом действия, существующим наряду с субъектом и объектом. В действительности он (как и названные выше явления потребности, цели, операций и пр.) представляет собой функциональное определение, характеризующее некоторое состояние элементов, сложившееся в ходе действия, при этом важно подчеркнуть, что данная характеристика относится как к субъектной, так и к объектной сторонам, выражает некоторый итог их взаимоопосредования.

Выше отмечалось, что деятельная сущность субъект-объектной связи отнюдь не сводится к воплощению активности субъекта во внешних по отношению к нему объектах. Учитывая это, должно считать одним из результатов действия развитие сущностных сил, деятельной способности субъекта, хотя такое развитие нередко носит характер непланировавшегося спонтанного процесса, осуществляемого «за спиной» действующих людей. В силу этого данное «субъектное измерение» результата нередко вообще не принимается во внимание учеными, рассматривающими результат как продукт действия, целиком и полностью воплощенный в его объектном компоненте. Однако и при таком явно недостаточном подходе результат выходит за рамки чисто объектных определений. Понимая его как некоторое состояние модифицированного субъектом объекта, следует учитывать, что такое преобразование отнюдь не является самоцелью, на самом деле речь идет о создании продукта, способного удовлетворить потребность субъекта и удовлетворяющего ее. Ясно поэтому, что важнейшим «субъектным» результатом действия становится сама удовлетворенная потребность, относительно которой «объектный» результат является подчиненным средством деятельности, хотя без него она непредставима [17].

[17] Таким образом, уже на уровне исследования абстрактно взятого действия социология учитывает фактор удовлетворения инициальной потребности, в то же время она еще существенно «упрощает» свою задачу, считая, что такое удовлетворение происходит одновременно с получением соответствующего продукта и не опосредовано специальными действиями по его использованию. Тем самым социологическая теория отвлекается от реальной диалектики производства и потребления (и опосредующих их звеньев распределения и обмена), которая не может быть выявлена на данном этапе исследования. В самом деле, науку интересуют пока структурные принципы, функциональные и динамические механизмы деятельного

Анализируя данную «объектную проекцию» результата, социологическая наука временно абстрагируется от классифицированных процедур, выяснения его возможных форм. В этом плане единственное уточнение связано с констатацией того уже отмечавшегося факта, что результат социального действия, в отличие от предваряющего его продукта мыслительных операций, всегда имеет предметную форму существования, объективирован в реальной действительности, вне сознания субъекта. Отметим, что в данном значении предметности она характеризует не только вещи, но и объективированные духовные значения, связи и отношения, а также субъектов, являющихся продуктами социального действия (в этом случае композиционное взаимопроникновение субъекта и объекта может приводить к тому, что «объективная проекция» результата воплощается в самом действующем субъекте, изменение которого является самоцелью, а не «побочным продуктом» действия; как бы то ни было, реально интересующим социологию объектным результатом самостоятельного изучения иностранного языка выступает не изменение сознания человека, а становление субъекта, способного к выполнению определенных действий). Предметность создаваемого результата не отменяется тем обстоятельством, что в одних случаях его получение является прямой целью действия (практические действия), а в другом случае такой результат служит необходимым средством реального функционирования идеальных в своей сущности продуктов (вырабатываемых в ходе духовных действий).

Отвлекаясь от подобных уточнений, социология рассматривает на данной ступени логической конкретизации

процесса, которые общи как производству, так и потреблению в той мере, в какой последнее является не функциональным моментом деятельности (потребление средств деятельности в ходе создания ее продукта), а ее самостоятельным видом. В качестве такового потребление на данном уровне анализа еще не отличимо от производства, поскольку и в том, и в другом случае активность субъекта, направленная на объект, превращает его в продукт в полном соответствии с рассмотренными законами социального действия. Различие, устанавливаемое в дальнейшем, состоит лишь в том, что подобным продуктом оказывается либо внешнее субъекту объектное образование, либо сам субъект, производящий в потреблении свои сущностные силы. Ясно, что такое различие не имеет никакого классификационного значения для исследования социального действия, никак не сказывается на наиболее абстрактных представлениях о его сущности и явлениях этой сущности.

«результат вообще» как функциональный момент действия в его связи с потребностями, целями, операциями субъекта. Некоторые аспекты такой связи мы уже упоминали при выделении социальных интересов и характеристики их объективности. Речь шла о реальном соответствии полученного результата целям действия, от чего зависит функциональная успешность его операционной стадии (реализация цели), и о соответствии результата характеру потребностей, отражающихся с той или иной степенью адекватности в целях субъекта, от чего зависит успешность действия, взятого в целом.

Важно подчеркнуть, что детерминационная связь между всеми названными моментами действия не укладывается в рамки линейной зависимости результата от генетически предшествующих ему потребностей, целей, операций, но предполагает обратное влияние результата на порождающие его явления. Анализируя такое влияние, выходящее за рамки отдельно взятого действия, которое заканчивается с получением результата, социология подготавливает переход от функционального анализа социального действия к его рассмотрению в динамическом аспекте, предполагающем выяснение имманентных механизмов его изменения и развития. С этой целью понятие «действие» конкретизируется до понятия «действия», вводится представление о множественности действий [18], поскольку лишь в их сопоставлении могут быть зафиксированы происходящие изменения их характера и содержания. Тем самым вводится первоначальное определение репродуктивности действий, существующих в качестве сменяющих и подготавливающих друг друга актов социальной активности. Соответствующим образом конкретизируется понятие среды действия, в качестве которой выступает уже не просто внешняя ему реальность неопределенного характера, но реальность, модифицированная предшествующими действиями субъекта.

Ясно, что в этих условиях объективированный результат прошлого действия оказывает непосредственное вли-

[18] Относительно одного и того же субъекта, поскольку, анализируя «элементарную клеточку» социальной деятельности, наука, как уже отмечалось, абстрагируется от множественности ее субъектов и реального взаимодействия между ними, рассматривая наиболее общие законы деятельной способности изолированно взятого субъекта, независимо от того, является ли им индивид, социальная группа или общество в целом.

яние на воспроизводимые в нем потребности субъекта, выступая в новом качестве детерминирующего их условия среды. Тем самым между функциональными моментами социального действия устанавливаются отношения «кольцевой» зависимости, при этом динамический аспект исследования действия вступает в свои полные права, когда социология начинает рассматривать эту зависимость в качестве детерминационной спирали. Возможность и необходимость такого рассмотрения вызывается тем, что в реальной действительности социальные действия, не репродуцируют механически сами себя, но постоянно изменяют свое содержание, развиваются по диалектическим законам, операционализируемым социологией применительно к качественной специфике социального процесса. Уже на самом абстрактном уровне исследования «деятельности как действия» наука раскрывает наиболее общие законы ее поступательного развития, вытекающие из функционального взаимоопосредования ее компонентов, безотносительно к конкретному характеру деятельности, природе действующего субъекта. Устанавливается, что такое развитие осуществляется в двух основных взаимосвязанных направлениях: первое определяется совершенствованием способа деятельности (механизмов целеполагания, операциональных средств) и ведет к качественному и количественному росту получаемых результатов, повышению эффективности деятельности; второе направление, непосредственно зависящее от первого, связано с упрочнением позиций субъекта относительно окружающей его среды и проявляется в росте *свободы* субъекта как способности контролнровать условия собственного существования с целью наиболее полного обеспечения присущих ему потребностей. Наиболее общей причиной прогрессивного развития социальной деятельности является вытекающий из ее родовых определений закон *возвышения потребностей* социального субъекта. Таким образом, уже на уровне анализа действий как «элементарной клеточки» деятельности могут быть установлены первичные определения теории общественного прогресса, конкретизируемые в дальнейшем до развернутых представлений о движущих силах истории, содержании, сущности, критериях поступательного развития общественной системы во всем многообразии форм его проявления.

Итак, выше мы рассмотрели наиболее общие прин-

ципы организации элементарного субъект-объектного опосредования, составляющего сущность действия как исходной «клеточки» социальной субстанции. Рассмотрев эту сущность в ее структурном, функциональном и динамическом аспектах, наука в соответствии с законами диалектической логики переходит к анализу ее явлений, действительности, связанной с «надклеточными» образованиями социального процесса. Однако такому переходу предшествует использование полученных знаний для атрибутивной конкретизации социальной субстанции, о чем следует сказать особо.

Анализируя социальный процесс в атрибутивном плане, ученые временно отвлекаются от изучения того развития, которое получают заложенные в «клеточке» структурно-функциональные и динамические определения общественной жизни. Создавая для этого необходимую методологическую базу, наука использует «клеточку» для последовательного рассмотрения интегративных свойств социального процесса, минимальным носителем которых она по определению является. Такой анализ можно уподобить изучению биологией субстанциональных свойств жизни, всеобщих атрибутивных признаков живого, которые возникают на уровне его элементарных клеток и могут быть установлены в процессе их исследования. Точно так же родовые атрибутивные признаки социального могут быть раскрыты историческим материализмом путем изучения принципов «внутреннего устройства» клеточки общественной жизни в лице элементарного социального действия [19].

На чем основывается такое убеждение? Какие именно признаки и каким образом могут быть выведены из ранее проведенного исследования сущности социального действия? Ответим кратко на поставленные вопросы.

---

[19] Следует учитывать, что в процессе реального развития науки всеобщие признаки социального могли выводиться и выводились путем исследования ее «надклеточных» структур. Однако «диалектическая обработка науки» методом восхождения от абстрактного к конкретному предполагает выведение данных признаков именно из «клеточки», т. е. сразу после того, как такое выведение становится логически возможным.

Руководствуясь проведенным анализом, мы полагаем, что уже первичное структурное рассмотрение действия, в процессе которого выделяются его отдельно взятые элементы в лице субъекта и объекта, находящихся в определенной организационной связи, позволяет раскрыть такие всеобщие атрибутивные признаки социального процесса, как *сознательность* и *предметность*. Подчеркнем, что речь идет о наиболее абстрактных определениях, выработка которых логически предшествует концептуальному решению основного вопроса (социальной) философии[20]. В этом плане выделение атрибутивного признака сознательности носит характер простой констатации того факта, что общественная жизнь непредставима вне и помимо идеальных механизмов ее осуществления. Это утверждение в равной степени принимается как сторонниками, так и противниками материалистического понимания истории, поскольку еще не связано с постановкой и ответом на вопрос о роли сознания в общественном процессе; сознательный характер последнего еще не получает своей функциональной конкретизации в атрибутивных определениях объективного и субъективного, материального и идеального, стихийного и планомерного. Точно так же признание предметного характера социального процесса еще не связано непосредственно с конфронтацией материализма и идеализма и сводится к констатации простого, но важного факта, что данный процесс выходит за рамки имманентных сознанию связей, что сознание независимо от приписываемых ему функций становится реально значимым фактором общественной жизни, лишь опредмечиваясь в явлениях социокультурной действительности, объективируясь и социализируясь в ней.

[20] Выше отмечалось, что всякий ученый, пытающийся осуществить исследование социального процесса в целостности форм его проявления, с самого начала ставит перед собой вопрос о материальном или идеальном характере источника такой целостности. В силу этого материалистическое решение основного вопроса философии в качестве гипотетической установки предшествует выработке субстанционального понимания общественного процесса. Позднее исторический материализм приступает к собственно теоретическому исследованию категорий материального и идеального, рассматривая материальность как логически выводимое свойство социальной субстанции. Однако такое выведение, являясь главным моментом атрибутивной конкретизации социального процесса, не представляет собой ее логически первого шага и опосредовано выработкой ряда предварительных, более абстрактных атрибутивных определений.

Выделение более содержательных атрибутивных признаков социальной субстанции связано с переходом к функциональному и динамическому анализу сущности «клеточки», контуры которого были намечены выше. В результате этого исследования наука вырабатывает необходимую для дальнейшей атрибутивной конкретизации системную модель действия, синтезируя в ней знания о его элементной организации, значимых функциональных состояниях элементов, последовательности стадий осуществления и пр.

Подобный анализ проведен, в частности, в интересной монографии М. С. Кветного, выделяющего четыре основных фактора такой модели, относя к ним следующие функциональные подсистемы действия: 1) объективно-предпосылочную, включающую потребности и интересы субъекта; 2) субъективно-регулятивную, охватывающую идеальные побуждения, мотивы, цели; 3) исполнительскую — совокупность операциональных актов действия с использованием определенных средств осуществления цели; 4) объективно-результативную, воплощающуюся в реальных продуктах действия [147, с. 32—33][21].

Соглашаясь с такой систематизацией структурно-функциональных представлений о сущности действия, хотелось бы в двух случаях уточнить предложенные М. С. Кветным названия его организационных подсистем. Так, название «объективно-предпосылочная подсистема» целесообразно относить не к потребностям и интересам субъекта, а использовать как второе название «объективно-результативной подсистемы», учитывая двойную роль результата в кольцевом взаимоопосредовании действий, о чем говорилось выше. Что же касается потребностей и интересов, то рассмотрение их в качестве объективной предпосылки действия является неполным и неточным по двум причинам: 1) они являются не

[21] Данная системная модель, характеризующая социальное действие как элементарную форму деятельности, относится М. С. Кветным (так же, как это делает М. С. Каган) к деятельности как таковой, с чем нельзя согласиться. Социальная деятельность в ее действительной, а не «клеточной» форме обладает значительно более сложной организацией, необходимым моментом которой являются, в частности, общественные отношения. Последние не учитываются М. С. Кветным, что допустимо лишь при анализе абстрактно взятой деятельной способности субъекта, далеко не исчерпывающей собой содержание понятия «деятельность».

внешним условием, но имманентным фактором действия; 2) объективность потребностей и интересов имеет более глубокую форму материальности, поскольку в отличие от объективности внешних условий действия она задается не логикой «ставшего факта», не хронологической необратимостью действия, а диалектикой материального и идеального в нем. Соответственно представляется более точным характеризовать потребности и интересы как «материально-причинную подсистему» действия.

С учетом этих оговорок можно считать выделенные подсистемы эффективным средством рассмотрения разноплановых и разноуровневых атрибутивных признаков социальной субстанции, которые находят свое объяснение в функциональных и динамических опосредованиях «клеточки». Не имея возможности систематически рассмотреть эти признаки, назовем некоторые из них, начав с атрибутивных определений социальной деятельности как информационного, самоуправляемого, адаптивного процесса, способного к сохранению своих сущностных определений в меняющихся условиях среды, взаимодействующего с ней на основе принципа обратной связи, прибегающего к самокоррекции в необходимых для этого условиях [193, 194, 284 и др.]. Все эти «кибернетические» признаки деятельности выводятся непосредственно из функциональной модели действия, из факта наличия в нем адаптационных механизмов в лице потребностей и интересов, а также регулятивной подсистемы, служащей средством реализации последних.

Нам представляется, что подобный взгляд на социальный процесс не следует рассматривать как попытку некритического заимствования социологией категорий иных, отличных от нее наук. На самом деле выделенные признаки имеют большое теоретико-методологическое значение прежде всего потому, что позволяют нам рассмотреть характер детерминационных связей действия, тем самым обосновать всеобщие детерминационные определения общественной жизни как закономерного процесса, содержащего в себе необходимые, сущностные, объективные и повторяющиеся связи.

Рассматривая функциональную модель действия с этой точки зрения, можно считать наиболее общей причиной и источником его закономерности наличие объективно-предпосылочной подсистемы в лице созданной или модифицированной прошлыми опредмеченными дейст-

виями внешней среды, к которой вынужденно адаптнруется субъект, прибегая с этой целью к необходимым формам актнвности. Анализируя в этих условиях детерминационную связь между средой действия и вызываемыми ею потребностямн и интересами субъекта (их конкретный характер пока не уточняется), мы получаем предельно абстрактные, тем не менее реальные, методологически значимые критерии необходимого (и случайного) в общественном процессе. Устойчивость потребностей как сущностиых отношений, выражающих «функциональные инварианты» социального действия и обеспечивающнх его самовоспроизводство, объясняет, повторяющийся характер действий н является нанболее общей прнчиной регулярности общественного процесса как условия его закономерности. Наличие информационно-регулятивных структур действия объясняет нам такую важную детерминационную характеристику социальной деятельности, как ее вариативность, диалектику возможного и действительного в ней, наиболее общей прнчиной которой является способность самоуправляющихся систем вырабатывать в ответ на внешнее воздействие «веер» возможных адаптационных реакций.

Ясно, однако, что наиболее общие причины проявления детерминационных связей в условиях негэнтропийных, информационных, саморегулирующихся, адаптивных образований, к числу которых относится общество, самн по себе не способны объяснить специфику собственно социального детерминизма. Эти процессы должны быть конкретизированы применительно к общественной жизни с целью выявления чисто социальных по своему характеру детерминационных факторов. Такой анализ должен учитывать субстанциональную спецнфику общественного процесса, состоящую в его созиательном характере, проявляющемся во всех аспектах существования соцнального, в том числе и в присущих ему детерминационных связях. Естественно, что в условиях, когда все, что приводит людей в движение, должно, по словам Ф. Энгельса, так нли иначе пройтн через их головы, любое детерминационное воздействие на деятельность есть прежде всего воздействие на иаправляющее ее сознание. Различные формы такого воздействия также могут быть рассмотрены на функцнональной модели действия, что позволяет конкретизнровать ранее названные атрибутивные определения деятельности, рассмотрев их сквозь

призму диалектики объективного и субъективного, материального и идеального в ней.

Осуществление подобной конкретизации предполагает выделение двух основных линий детерминации сознания со стороны: 1) внешних объективных условий и 2) внутренних материальных факторов действия. Первая линия, как уже отмечалось, реализуется во взаимодействии «объективно-предпосылочной» и «субъективно-регулятивной» подсистем действия и отражается историческим материализмом в парных категориях «объективные условия и субъективный фактор» деятельности. Вторая линия осуществляется во взаимодействии «материально-причиняющей» и «субъективно-регулятивной» подсистем действия и имеет исключительное значение для обществознания, поскольку именно с ней связана постановка основного вопроса социальной философии о соотношении материального и идеального в общественном процессе (хотя эта глобальная проблема не ограничивается уровнем анализа абстрактного действия, получая свое продолжение при атрибутивном исследовании коллективной «деятельности как взаимодействия»).

Тем не менее на данной стадии анализа названный вопрос впервые теряет свою начальную форму гипотетического суждения о материальном или идеальном характере первичной субстанциональной основы всех формообразований общественной жизни, с которого начинается реализация предметной задачи философско-социологической науки. На уровне атрибутивной конкретизации «клеточки» речь идет уже о *доказательстве* ранее принятого понимания сознания как производного модуса материальной субстанции; наука приступает к содержательному решению проблемы материального и идеального, предполагающему четкий ответ на вопрос: является ли сознание конечной детерминирующей причиной социального процесса или же в последнем могут и должны быть установлены факторы, существующие независимо от сознания, отражающиеся в нем и определяющие его содержание. Установление зависимости идеальных механизмов целеполагания действия от материальных потребностей и интересов субъекта дает подлинно научный ответ на этот вопрос, который не может быть получен по линии детерминации сознания объективными условиями, учитывая уже отмечавшуюся относительность их объективности, отнюдь не во всех случаях равную ма-

териальности рассматриваемых условий. Таким образом, анализируя функциональные опосредования подсистем действия, мы обосновываем категорию общественного бытия, которая, по нашему убеждению, является атрибутивным, а не структурным определением социальной субстанции, представляет собой характеристику, а не «часть» общественного процесса [208, с. 48—119].

Атрибутивная конкретизация общественной жизни, естественно, не ограничивается рассмотрением детерминационного воздействия на субъективно-регулятивную подсистему деятельности, позволяющего характеризовать ее как объективный и материальный в своей сущности процесс. Весьма важные характеристики деятельности могут быть выведены из анализа обратной связи сознания с воздействующими на него факторами. Исследуя, к примеру, механизмы отражения целеполагающим сознанием субъекта инициирующих действие потребностей и интересов, мы даем концептуальное обоснование свойственного социальному процессу атрибутивного признака многовариантности, устанавливаем реальные возможности регулятивной подсистемы в определенных пределах варьировать содержание идеальных программ, влияя через них на направленность и содержание деятельности (речь идет о способности сознания вырабатывать более или менее адекватное понимание потребностей и интересов; ранжировать последние по степени своей действительности или кажущейся значимости, первоочередности удовлетворения; выбирать различные из объективно возможных в данной ситуации средств такого удовлетворения и пр.).

Продолжая изучение функциональной роли сознания с целью дальнейшей атрибутивной конкретизации социального процесса, наука вырабатывает важнейшие определения стихийного и планомерного. Средством выделения этих категорий служит анализ возможных форм взаимосвязи между субъективно-регулятивной и объективно-результативной подсистемами, при этом стихийной считается такая форма деятельности, когда реально достигнутый результат не планировался предварительно целеполагающим сознанием и был получен вследствие «помех» (характер которых пока не уточняется), возникших на операциональной стадии. Особо следует подчеркнуть, что атрибутивное определение стихийности, фиксирующее опосредованный характер связи между

целью и результатом деятельности, должно рассматриваться как конкретизация, а не альтернатива атрибутивного признака сознательности; с другой стороны, категорин стихнйного и планомерного нельзя смешивать с категориями объективного и субъективного, считая, что планомерность процессов исключает их объективность.

Переходя к изучению фуикциоиальиых связей операциональной подсистемы действия, мы осуществляем атрнбутивный анализ социальной деятельности с точки зрения характеристнки средств ее осуществления. В этом плане выделение предметных и идеальных средств действия, рассмотрение их взаимосвязи используются многими учеными для введения атрибутивного определения культуры, характеризующего качественное отличие способов осуществления социальной деятельности от механизмов информацнонно направленной активности живых систем.

Особо отметим, что идеальные средства деятельности на данной стадии анализа еще не выходят за имманентные рамки духовного, не обретают статус объектнвированных (опредмеченных) общезначимых состояний общественного сознания, которые становятся необходимым структурным элементом коллективной «деятельности как взаимодействия». В этом плане предметные средства деятельности, еще не дифференцированные на «вещные функции» и «духовные значения», противостоят созианию в качестве унифицированного материальиого субстрата общественной жизни.

Анализируя это явленне, соцнология ставит вопрос о принципах соотношения социального и природного, учитывая, что «особые человеческие чувственные сущностные силы» находят «свое предметное осуществление только в предметах *природы*» [2, с. 596]. Фиксируя такое взаимопроникновение социального и природного, социология ставит вопрос об условиях, при которых природные по своему происхождению феиомены обретают статус материального субстрата общественной жизии. При этом выясняется вся недостаточность разлнчения «естественного и общественного в зависимости от того, что имеет чисто природное происхождение и что является результатом труда человека», поскольку «девственная природа и без «прикосновення руки» человека становится объектом его деятельности» [120, с. 192, 195]. В этих условнях статус социальных предметов получают не

только те явления, которые создаются человеком из «материала природы», но и используемые им природные процессы при условии, что такое использование имеет контролируемый характер.

Излишне говорить, что отмеченная противоположность «чисто» идеальных и предметных средств социальной деятельности не может рассматриваться в плане основного вопроса социальной философии, как это делают некоторые буржуазные соцнологи (в частности, П. Сорокин, считающий, что социокультурная реальность имеет «внутренний» и «внешний» аспект существования, первый из которых представлен идеями, образами, нормами и другими формами идеального, а второй — материальными явлениями, служащими средством их объективации. Подобное опредмечивание идеального Сорокин считает очевидным свидетельством в пользу первичности духовного перед материальным в общественной жизни, необоснованно сводя последнее к вещественным образованиям [329]).

Рассматривая далее функциональные связи операциональной и результатнвной подсистем, мы существенно конкретизируем атрибутивный признак адаптивности деятельности, рассматривая ее как адаптивно-адаптирующий процесс, достигающий приспособления к среде путем ее предметной переработки [193, 194]. Одновременно конкретизируется признак предметности социальной деятельности, выступающий перед нами как продуктивный процесс, в котором «присвоение природного материала происходит не непосредственно путем ассимиляции его биологическим телом, но через созидание особого предметного мира...» [120, с. 199]. Следует, однако, оговорить, что продуктивность деятельности выступает как способность доставлять субъекту необходимый для удовлетворения его потребностей продукт, что не всегда осуществляется путем его создания (на этом, как мы увидим ниже, основано различие предметно-продуктивной и коммуникативной форм деятельности, выступающее на следующем этапе восхождения от абстрактного к конкретному в историческом материализме). В таком понимании признак продуктивности представляет собой важнейшую характеристику деятельности, получающую дальнейшую конкретизацию в определении общественного производства, которое, как мы увидим ниже, оказывается действительностью социальной деятельности, взятой уже в

коллективной форме своего осуществления (отметим, кстати, что определение коллективности является одним из немногих атрибутивных признаков социальной субстанции, которое содержится в «элементарной клеточке» в латентной, концептуально не выявленной форме).

Наконец, целая группа важных атрибутивных характеристик социальной деятельности, выводимых из анализа функционально-динамических опосредований действия, связана с фиксацией спиралевидности развития, выступающего как общественный прогресс.

Итак, последовательный анализ системной модели действия как «клеточки» социальной субстанции позволяет раскрыть воплощенные в ней всеобщие атрибутивные признаки изучаемого объекта, в чем и состоит одно из важнейших назначений процедуры выделения «клеточки» как необходимого этапа категориального анализа науки. Оставим в стороне анализ важнейших концептуальных следствий, которые имеет для теории исторического материализма подобная атрибутивная конкретизация, точнее, объективное различие двух возможных направлений дальнейшего рассмотрения выделенных определений — внутреннего и внешнего относительно анализируемой субстанции [22]. Вернемся вновь к «клеточке»

[22] В первом случае речь идет о необходимой конкретизации родовых атрибутивных признаков социального процесса применительно к реальным формообразованиям социальной субстанции. Примером тому может служить проявление всеобщего определения объективности в сложных «надклеточных» компонентах социальной системы, с которой сталкивается исторический материализм, обосновывая объективный характер классогенеза, изучая диалектику объективных и субъективных факторов в политической жизни общества и т. п. Во втором случае установленные атрибутивные признаки социального процесса рассматриваются в иной таксономической шкале общего и особенного — путем сопоставления с атрибутивными определениями иных процессов, качественно отличных от социального и в то же время обладающих несомненным субстанциональным родством с ним, делающим подобное сопоставление возможным. В этом случае наука, к примеру, отвлекается от внутренней спецификации признака социальной объективности, рассматривая ее как свойство, которым общественная жизнь наделена наряду с другими объективными процессами и которое получает в ней особую форму выражения, исследуемую учеными.

В ранее изданной монографии [208] мы связывали качественное различие указанных направлений атрибутивной конкретизации (и саму необходимость их существования и выделения) с концептуальным различием социально-философского и собственно социологического подходов к исследованию общественной жизни, взаимодействующих в рамках предметной целостности исторического материализма.

как таковой и рассмотрим стадии ее исследования, сменяющие структурно-функциональный и динамический анализ сущности действия и связанное с ним изучение атрибутивных признаков социального процесса.

В соответствии с принципами диалектической логики исследование сущности объекта сменяется анализом явлений этой сущности (что предполагает понимание категории явления не как синонима нерефлектированного «бытия» объекта, предшествующего изучению его сущности, но как реальных форм обнаружения уже понятой из себя «чистой» сущности объекта). Руководствуясь такой последовательностью, наука должна переходить от анализа субъект-объектного опосредования как сущности действия к исследованию тех действительных форм, которые принимает взаимодействие субъекта и объекта (в любом из возможных случаев осуществляемое по инвариантным структурно-функциональным и динамическим законам, названным выше). Речь, таким образом, идет о типологии существующих видов действия, в основе которой лежит абстрактно рассмотренное субъект-объектное основание. Исследования такого рода достаточно распространены, они проводятся в работах Г. С. Арефьевой, Л. П. Буевой, Б. А. Вороновича, М. В. Демина, М. С. Кветного, Э. С. Маркаряна, А. Г. Мысливченко, И. С. Нарского, Ю. К. Плетникова, Т. М. Ярошевского и других философов. Одна из наиболее полных попыток типологии деятельности по субъект-объектному основанию предпринята в монографии М. С. Кагана «Человеческая деятельность (опыт системного анализа)»; некоторые ее положения мы прокомментируем, чтобы дать краткую характеристику «предметного поля» рассматриваемого этапа конкретизации социальной субстанции.

В предложенной типологической схеме М. С. Каган пытается учитывать перекрестное действие ряда конституирующих факторов субъект-объектного опосредования, на основе которых выделяет несколько главных типов деятельности. Так, автор считает необходимым принимать во внимание тот факт, что «активность субъекта, направленная на объект, приводит либо к его изменению, преобразованию, трансформации, либо сохраняет объект в целостности и неприкосновенности» [134, с. 53]. Соответственно, М. С. Каган различает преобразовательную деятельность, трансформирующую объект воздейст-

вия, н деятельность, ограннчивающуюся выработкой определенной информацни об объекте; последняя, по его мнению, представлена двумя видами, различие которых определяется характером полученной информации: она «может вернуться к субъекту в виде знания, т. е. ннформации о качествах объекта, об объективных связях, законах реального мира, и может выразиться в придании объекту ценности, т. е. вернуться в виде информации о значеиии этого объекта для субъекта». В итоге автор приходит к выводу, что «три вида деятельиости оказываются теоретнчески возможнымн в силовом поле субъект-объектиых отношеиий: преобразовательная, позиавательная и ценностно-орнеитацнонная» [Там же].

Выделенные основные внды деятельности получают свою дальнейшую конкретнзацию, основанную на уточнении характера воздействия субъекта иа объект, природы действующего субъекта и объекта воздействия и пр. К примеру, в случае с преобразовательной деятельностью (охватывающей собой «все формы человеческой деятельиости, которые ведут к изменению, реальному илн идеальному, существующего и к созданию, опять-таки реальному или идеальному, того, что прежде не существовало» [Там же, с. 54]) такая конкретизация предполагает различение практики как реального изменения объекта и практически-духовной деятельиости как идеального измеиения объекта в воображенни субъекта. Дальнейшая конкретизацня учитывает характер объекта воздействня (в ролн которого может выступать как собственно объект — природный нли социальный, так и субъект — будь то отдельный человек или социальная группа), коллективный или индивидуальный характер деятельности, ее производственную или потребительскую направленность и т. д. Важно лишь, что все эти многообразные уточнения, по мысли М. С. Кагана, не создают принципиально новых «ситуаций» в системе субъект-объектных отношений, число которых ограничено тремя названными выше.

Тем не менее М. С. Каган полагает, что абстрактно-типологическая схема человеческой деятельности будет неполной, если не включить в нее еще один, четвертый вид. С этой целью он рассматривает в одном ряду с преобразующей, познавательной, ценностно-ориентационной коммуникативную деятельность, нли общение, под которым понимается «практическая активность субъекта, на-

правленная на других субъектов и не превращающая их в объекты, а, напротив, ориентирующая на них именно как на субъектов» [Там же, с. 82]. Общение, утверждает автор, может иметь материальный характер, выступая как взаимодействие субъектов в рамках практического воздействия на природу, общество и человека; может принимать форму духовного общения, выступая как особая разновидность практически-духовной деятельности, осуществляющейся в виде обмена интеллектуально-эмоциональной информацией. Средством операционального обеспечения общения признаются особые знаковые системы, роль которых тождественна роли орудий преобразовательной деятельности и т. д.

Предложенная М. С. Каганом схема субъект-объектной типологии социальной деятельности широко обсуждалась в литературе; в ходе обсуждения высказывались справедливые и несправедливые, на наш взгляд, критические замечания. Так, группа авторов критиковала М. С. Кагана за «абстрактность» схемы, не учитывая, что именно в выработке разумных типологических абстракций, позволяющих свести к единому основанию многообразные конкретные виды деятельности, состояла задача автора. Отрицание важнейшей методологической роли подобных абстракций представляет собой открытое проявление номиналистической традиции в социальном познании, принципиально чуждой марксизму, критикующему не абстрагирование вообще, а его спекулятивно-априорные формы, которые отрывают универсалии от реалий изучаемого процесса. Ни в чем подобном нельзя упрекнуть М. С. Кагана, стремящегося в каждом конкретном случае установить таксономическую связь между абстрактными типами и конкретными формами человеческой деятельности, на основе анализа которых и для систематизации такого анализа вырабатываются классификационные определения. (В этом плане любая конкретная деятельность рассматривается М. С. Каганом как более или менее выраженный «представитель» того или иного типа, с единственным исключением для искусства, которое автор считает синкретически целостным проявлением всех четырех типов и склонен потому рассматривать как самостоятельный вид деятельности, инвариантный по своей внутренней организации деятельности, взятой в целом).

Другая группа ученых, соглашаясь с необходимостью

типологии форм социальной деятельности по абстрактно взятому субъект-объектному осиованию, в то же время выразила сомиеиие в онтологической обоснованности схемы. В одиом случае объектом критики специалистов являлась идея существоваиия самостоятельиой, отличиой от позиания ценностно-ориентационной деятельности, в другом — оспаривалась правомерность выделения деятельности общеиия, которое рассматривается миогими спецналистамн как организациоиное условие любой деятельности, но не как ее самостоятельный вид. Ни с одним возражением мы не можем согласиться; это, однако не означает, что типологическая схема М. С. Кагана представляется нам безупречиой.

На самом деле данная схема содержит, по нашему мнению, ряд ошибочиых положений, одним из которых является нарушеиие принципа уровневой эквивалентности выделяемых типов социальной деятельности, единства оснований такого выделеиия. Прежде всего это касается включения коммуникативной деятельности, которая, как мы покажем инже, является типологическим определеиием иного уровня абстракцнн, а именно представляет собой одиу из форм коллективной «деятельностн как взаимодействия». М. С. Каган вполне признает, что «общение есть не просто действие, но именно взаимодействие» [134, с. 82], и тем не менее ставит его в один ряд с формами деятельности, развертывающимися в «теоретическом пространстве» возможиых отношеннй субъекта и объекта, не опосредованных субъект-субъектными связями. Последиие несомненно представляют собой виды «действия вообще», которые тем не менее получают в качестве рядоположенного классификациоиного «партнера» форму деятельности, типологнческий анализ которой осуществляется не параллельно, а после тнпологии форм абстрактио взятой деятельной способности изолироваиного субъекта.

Далее, мы вполне согласны с точкой зрения М. С. Кагаиа и других ученых, считающих, что идеальное отражеиие реальности имеет деятельный характер и предстает перед нами в единстве двух относительно самостоятельиых ветвей — гиосеологической и аксиологнческой. Представляется вериым осуществляемое на этой основе различеиие иауки и идеологии, которое, конечно же, не должно приниимать форму их абсолютного протнвопоставления, учитывать реальиые возможности взаимопе-

ресечения этих форм отражения. Тем не менее мы полагаем, что все сказанное не дает оснований рассматривать познавательную и ценностно-ориентационную деятельность как выражение двух принципиально различных типов субъект-объектного опосредования. В действительности, речь идет о разных формообразованиях одной и той же по своим классификационным определениям духовной деятельности, в рамках которой субъект дает идеальное воспроизведение объекта. Дальнейшее уточнение социальной функции полученной информации (имеет ли она характер «чистого» знания или служит аксиологическим регулятором поведения субъекта) лежит уже за пределами классификационных возможностей абстрактной субъект-объектной типологии и образует не два самостоятельных типа деятельности, но две модификации одного и того же типа.

Сказанное, однако, является далеко не единственным возражением против анализируемой схемы. В действительности мы не могли бы согласиться даже с суженным ее вариантом, в котором выделились бы три принципиально возможные позиции субъект-объектного отношения, а только две — преобразование и отражение (независимо от конкретных форм последнего). Представляется, что и такая классификационная дихотомия теоретически ошибочна прежде всего потому, что преобразование объекта является родовым признаком социальной деятельности, который в той или иной форме присущ всем ее видам и не может служить основанием выделения одного из них. В этой связи подлинной альтернативой отражения действительности в аспекте субъект-объектной организации действия является не преобразование вообще, а именно практическое преобразование, изменение реального бытия объекта как самоцель. Что же касается отражательно-духовной активности, то она в отличие от практики представляет собой идеальное воспроизведение реальности, любая из форм которого в то же время неразрывно связана с преобразованием, изменением, трансформацией идеального объекта. Ни научное познание, ни формы идеологической рефлексии не являются исключением из этого общего правила и не могут противопоставляться «проектирующей» духовной деятельности, которой М. С. Каган приписывает монополию на идеальное преобразование объекта. Различие между такой «проектирующей», «моде-

лирующей» деятельностью (скажем, инженера) и познанием ученого или мировоззренческой рефлексией идеолога действительно существует, но представляет собой не более, чем дифференциацию единого по принципам субъект-объектного опосредования типа духовной деятельности; это различие вовсе не значит, что духовная активность инженера выходит за рамки отражения действительности, а познанию ученого не свойствен идеально-преобразующий характер, создание того, «чего прежде не существовало».

Ошибочность критикуемой точки зрения объясняется, на наш взгляд, неточным пониманием природы духовной деятельности, ряда важнейших характеристик, отличающих ее от практического изменения действительности. Речь идет прежде всего о характере объекта, на который непосредственно направлена активность познающего субъекта. Как известно, в философии существовали и существуют разные решения этого вопроса. Одни теоретики не усматривают принципиального различия между объектами практической и духовной деятельности, полагая, что одни и те же явления реальной действительности способны выступать и в том, и в другом качестве. Другие ученые полагают, что духовная деятельность независимо от форм ее проявления имеет дело с особым идеализированным объектом, который создается субъектом на основе осмысления реальных явлений действительности и тем не менее качественно отличен от них.

Особенность позиции, занимаемой М. С. Каганом, состоит в том, что она включает оба названных подхода. Проблема объекта духовной деятельности получает в ней различное решение в зависимости от того, какая из форм деятельности имеется в виду. Так, в случае с «проектирующей» деятельностью объектом воздействия со стороны субъекта признаются существующие в сознании идеальные конструкции. Именно это обстоятельство позволяет автору считать данную форму духовной деятельности преобразующей, несмотря на то, что она не ставит своей непосредственной целью практическое изменение объективной действительности, изменяя лишь идеальные объекты (в настоящий момент мы отвлекаемся от принципа предметности духовной деятельности, предполагающего необходимую объективацию ее результатов в реальной социокультурной среде).

Иначе решается М. С. Каганом вопрос об объекте познавательной (и ценностно-ориентационной) деятельности, каковым он считает реальные явления действительности, получающие свое «чистое отражение» в сознании субъекта. Такое понимание объекта естественным образом приводит к типологическому противопоставлению познания и (духовного) преобразования, поскольку, не будучи практической, познавательная деятельность, конечно же, не способна изменять сама по себе реальную действительность и соответственно попадает под классификационные признаки действия, не создающего того, что ранее не существовало бы в ней. До известной степени М. С. Каган признает, что непонимание того факта, что «познание предполагает идеальное изменение познаваемого» [290, с. 36], является, по верному замечанию Т. И. Ойзермана, несомненным пережитком созерцательного материализма. С этим связаны определенные оговорки автора, считающего, что «чистое отражение» объекта «если и изменяет его идеально, то лишь затем, чтобы запечатлеть его подлинное бытие» [134, с. 58]. Таким образом, все идеально-преобразующие операции познания считаются направленными непосредственно на реальные объекты действительности, что, естественно, не может изменить общую характеристику познавательной деятельности, отстаиваемую М. С. Каганом.

Вместе с тем подобная характеристика не учитывает того важнейшего обстоятельства, что познавательный процесс на самом деле «протекает не в форме пассивного созерцания некоторых вовне данных объектов, а в виде ряда организованных в систему идеальных действий, операций, формирующих определенные идеальные объекты, которые служат средством для познавательного освоения, отражения объективного мира» [289, с. 680]. Именно эти идеальные образования познающего субъекта, а не их референты в реальной действительности являются теми непосредственными объектами, на которые направлена активность субъекта познавательной деятельности и относительно которых мы должны устанавливать типологические признаки этой деятельности. Ясно, что подобная «аутентизация» объекта познания снимает все возражения против признания последнего видом духовно-преобразовательной деятельности, поскольку создание и модификация концептуальных объектов составляют смысл, «функциональную парадигму» нау-

кн, постоянно вырабатывающей новые, ранее не существовавшие знания в процессе радикального изменения прежних воззрений.

Сказанное не означает, естественно, что познание произвольно конструирует свой объект, выводит его «из себя», игнорируя объективные связи действительности. В этом плане «привязанность» познания к реальности оказывается значительно большей, чем у «проектирующей» деятельности, способной располагать объективно обусловленные концептуальные фрагменты в «произвольном порядке», создавая идеальные конструкции, не имеющие непосредственных аналогов во внешнем мире (воплощение их в жизнь соответственно ведет к возникновению новых объектов реальности, искусственно создаваемых человеком). Важно, однако, учитывать, что указанная зависимость познания вовсе не является абсолютной, что проявляется, в частности, в его способности продуцировать идеальные образования, не имеющие реальных референтов в действительности, оперировать «такими теоретическими объектами, весь смысл которых определяется их участием в теоретической деятельности и которые непосредственно не отображают реальных предметов (так называемые идеализированные объекты: материальная точка, идеально твердое тело и т. д.)...» [290, с. 34]. Но даже независимо от этого попытка отрицать преобразующий, продуктивный характер науки на основании жесткой заданности концептуальных объектов принципиально ошибочна. Она не учитывает, что, несмотря на объективную обусловленность результатов научной деятельности, ею создается и изменяется то, что без науки не существует и существовать не может, а именно знание реальных явлений, далеко не тождественное самим этим явлениям.

Все сказанное о преобразующем характере познания в полной мере относится и к аксиологическим формам отражения, создающим и изменяющим эстетические, моральные, религиозные и прочие мировоззренческие установки, которые сами по себе не существуют в действительности. При этом степень их рефлективной зависимости от отражаемых реалий (в рассмотренном выше смысле) оказывается значительно меньшей, чем у «проектирующей» деятельности, что проявляется, в частности, в тысячелетием существовании и функционировании иллюзорных форм религиозного мировосприятия.

Подводя итоги сказанному, приходим к выводу, что реальные формы субъект-объектного опосредования, лежащие в основе типологии социальных действий, связаны не с оппозицией преобразования и отражения, но с качественным различием практической и духовной активности. Первая из них имеет своей целью изменение реалий социальной жизни (включая природные процессы, являющиеся ее материальным субстратом), которые существуют вне (коллективного) сознания действующих субъектов. Задача второй состоит в идеальном воспроизведении актуальных и потенциальных состояний освоенной и еще не освоенной действительности путем деятельного изменения отражающего ее (и с этой целью самое себя) сознания. И той и другой форме социального действия свойствен, таким образом, преобразующий характер, однако в одном случае целью преобразования являются феномены сознания, идеальные по своей сущности объекты, создание и изменение которых представляет идеальный в своей сущности акт, в другом — преобразование имеет целью реальные «прототипы» этих идеальных объектов и осуществляет столь же реальную перестройку их «телесной» организации. Такое различие целевых установок практического и духовного действия связано с объективным функциональным различием создаваемых ими продуктов, каковыми являются в одном случае объективированные состояния общественного сознания, служащие средством воплощения и передачи информации, необходимой для изменения действительности, в другом — «несимволические» объекты, непосредственно служащие такому изменению.

Устанавливая различие между названными типами действия по природе непосредственного объекта воздействия, его характеру и продукту, следует учитывать многие обстоятельства, затрудняющие различение, делающие его неявным на фоне субстанционального родства практического и духовного как формообразований одной и той же по своим сущностным характеристикам деятельной активности абстрактно взятого субъекта. В обоих случаях в основе выделяемого типа лежит рассмотренная выше системная модель действия в единстве ее структурных, функциональных и динамических определений, выдерживающихся для практической и духовной деятельности.

Так, названные явления социального действия имеют

аналогичную по родовым признакам элементную организацию, сторонами которой выступают субъект и противостоящие ему идеальные и реальные объекты. Единственное структурное различие состоит в том, что к числу внешних объектов духовного действия относятся не только средства и предметы реальных манипуляций субъекта, но еще и «первообъект» в лице отражаемого (актуального или потенциального) состояния действительности, духовной проекцией которого становятся идеальные объекты (речь идет об основной гносеологической ситуации, когда сознание направлено на внешний мир). Таким образом, в отличие от практического духовное действие не подвергает отражаемый внешний объект реальному преобразованию. Вместо этого осуществляется изменение замещающих его в сознании идеальных конструкций, в то время как реальное преобразование ограничивается воздействием на материальные средства их объективации, дающим в результате особый специализированный класс социальных предметов (различие продуктов практической и духовной активности лежит за пределами инвариантных принципов организации социального действия и приобретает самостоятельное значение при более конкретном исследовании законов социального взаимодействия).

Указанное различие структурной организации практического и духовного действия носит производный характер и не ставит под сомнение субстанциональное родство, выраженное в фундаментальных законах субъект-объектного опосредования. Так, для практической и духовной форм остаются в силе основные принципы опредмечивания-распредмечивания, важнейшие функциональные стадии организации действия: обе формы включают в себя стадию целеполагания, в ходе которой субъект создает идеальный образ будущего результата, анализирует возможные способы его достижения и пр.; столь же универсальна операциональная стадия, в процессе которой субъект стремится реализовать поставленную цель, получить соответствующий ей результат. Вместе с тем необходимо отметить специфическое функциональное различие практического и духовного действия, состоящее в том, что основные идеальные операции первого ограничены стадией целеполагания, после чего активность субъекта обращается на предметные средства воплощения выработанной идеальной программы дейст-

вий; в то же время в рамках духовного действия «работа» субъекта с идеальными объектами не ограничивается целеполаганием, но составляет также содержание операциональной стадии, которая лишь в последней своей фазе связана с реальными предметными манипуляциями [23].

Оставляя в стороне подробное обоснование субстанционального тождества практического и теоретического действия, подчеркнем, что в том и другом случае выдерживаются всеобщие атрибутивные определения социальной деятельности как целенаправленного, предметного, закономерного, объективного в своей сущности процесса. Возникает вопрос: не исключает ли это утверждение самой возможности строгого различения реального изменения действительности и ее духовного освоения как типологических форм социального действия? Не противоречит ли, в частности, такое различение всеобщности атрибутивных признаков целенаправленности и предметности, в соответствии с которыми любое социальное действие предполагает «духовное освоение» действительности в форме целепостановки и ее изменение в виде операции с внешними сознанию предметами — лишь синтез этих компонентов, не обладающих организационной самодостаточностью, дает нам действие как объект социологического анализа, простейшее целостное проявление социальной субстанции.

Именно этой трудностью объясняется существование точек зрения, дающих иное решение проблемы практи-

---

[23] Операциональная стадия духовного действия обладает более сложной организацией, чем одноименный этап практического действия. Она состоит как бы из двух фаз, первая из которых заканчивается созданием идеального продукта, не имеющего, как отмечалось, самостоятельного социокультурного значения и не являющегося тем самым социально значимым результатом деятельности. Отсюда — вторая фаза операциональной стадии, связанная с переводом «предварительного» идеального результата в окончательную предметную форму существования. Повторим, что с чисто внешней стороны данная фаза операциональной стадии духовного действия может совпадать с самостоятельной деятельностью тиражирования духовных значений (труд машинистки, писаря и т. д.), имеющей качественно иной характер практической активности, поскольку ее продуктом является не создание духовных значений, но мультипликация их «внешней оболочки». Нет никаких оснований «по аналогии» считать, что ученый, проговаривающий или записывающий созданные им идеи, занят подобной же практической активностью, смеившей «непредметное» по своей природе духовное действие.

ческого и духовного в деятельности. С одной стороны, мы не можем согласиться с точкой зрения, считающей предметность специфическим признаком практической деятельности и ограничивающей духовную деятельность идеальным преобразованием идеального объекта [24]; с с другой стороны, мы не согласны с учеными, считающими абстрактно-типологическую дихотомию практического и духовного бессмысленной, понимающими эти определения лишь как «нестрогие названия» отличных по характеру конечного продукта видов социальной практики.

Мы полагаем, что абстрактный анализ форм субъект-объектного опосредования все же дает вполне реальные критерии различения практической и духовной активности. Важно лишь понимать, что в данном случае мы сталкиваемся с весьма распространенной в науке ситуацией элементного взаимопересечения классифицируемых объектов, когда основанием их выделения становится не простой факт наличия или отсутствия в структуре данного объекта тех или иных элементов, а характер субординационных связей между равнообязательными, но функционально неэквивалентными структурными образованиями.

Сказанное означает, что в поисках типологического критерия духовной деятельности мы вполне понимаем ус-

[24] Несомненно прав М. С. Кветной, характеризующий важнейшую форму духовной деятельности — познание — как идеальное по своему содержанию воспроизведение действительности, которое тем не менее опирается на «материальные средства в генерации знания и в объективации продуктов познания» [147, с. 121]. Следует, однако, учитывать существенное различие названных автором процессов, далеко не тождественных друг другу в плане типологии социального действия. В самом деле, объективируя полученные знания, субъект не выходит за пределы духовной формы, совершает одну из предполагаемых ею операций. Иной характер имеет использование материальных средств генерации знания, осуществляемое в форме научного эксперимента. В данном случае субъект совершает самостоятельные, практические по своей субъект-объектной организации действия, продуктом которых являются не знаковые системы, а реальные объекты (состояния) действительности независимо от их последующего использования в целях выработки идеальных объектов познания. Подобные акции выходят за рамки духовного действия как такового, но отнюдь не за рамки науки как вида духовной деятельности. Это обстоятельство нередко путает ученых, не учитывающих уровневого различия между исследованием «чистых» форм социального действия и анализом типологических форм «деятельности как взаимодействия», в которых, как мы увидим ниже, снята исходная абстрактная противоположность практического и духовного.

ловность ее квалификации как чисто идеального освоения действительности; признаем, что она имеет дело не только с концептуальными объектами («замещающими» в сознании субъекта осмысливаемые процессы реальности), но и с «операциональными» объектами в лице вещественно-материальных аксессуаров духовной деятельности. Признавая эти обстоятельства, зададимся, однако, вопросом: каким образом в структуре духовной деятельности соотносятся идеальные и реальные объекты, духовные и физические операции?

Подчеркнем, что речь идет вовсе не о количественных аспектах такого соотношения, выражаемых иногда в понятиях умственного и физического труда. Дихотомия практического и теоретического непосредственно не связана с таким различением, устанавливаемым на основе количественного преобладания в деятельности физических или умственных усилий субъекта [25]. Речь идет о качественной характеристике деятельности, выяснении того, что именно составляет ее смысл, «функциональную парадигму» — выработка идеальных в своей сущности объектов в лице научных истин, моральных и правовых норм и пр. или же реальное изменение внешних сознанию, не несущих его объектов с целью их приспособления к «вне духовным» потребностям субъекта?

Отвечая на этот вопрос, мы устанавливаем принципиальное различие места и роли, которые имеют в структуре практической и духовной активности идеальные и реальные компоненты: то, что в одном случае является смыслом, сущностной характеристикой деятельности, в другом — имеет характер подчиненного средства, механизма реализации ее основной задачи [26]. Лишь с этой поправкой на целевую доминанту субъект-объектного

[25] Так, практическая по своим целям и содержанию деятельность управляющего может быть связана со значительно меньшей затратой физических сил, чем в духовной по своей сути деятельности скульптора или балерины. Кроме того, следует учитывать, что выраженное противопоставление умственного и физического труда имеет исторически преходящий характер в отличие от исторически константной дихотомии практического и духовного.

[26] В этом плане, какое бы место ни занимали в общем «балансе» духовной деятельности операциональные воздействия на реальные объекты (меньшие у ученого, бо́льшие у киноактера и т. д.), они всегда имеют служебное значение, не являются собственной целью активности, дающей материальные по форме и идеальные по сущности результаты. В этой связи нельзя согласиться с учеными, использующими марксово понятие духовно-практической

опосредования можно считать различие его практической и духовной форм твердо установленным, не вызывающим формально-логических противоречий в теории.

Естественно, что установлением таких различий проблема практического и духовного в историческом материализме отнюдь не исчерпывается. Руководствуясь выработанными определениями, теория в дальнейшем переходит к рассмотрению детерминационных опосредований, субординационного подчинения существующего между практическим и теоретическим освоением действительности, формулирует понимание общественной жизни как практического по существу процесса, в котором снята абстрактная противоположность типологических форм социального действия. Однако такой анализ лежит уже за пределами рассматривавшегося нами «малого витка» логической спирали, связанного с исследованием «клеточки» общественной жизни, и предполагает переход от простейших «клеточных» проявлений деятельности к ее более конкретным, содержательным определениям. Первым шагом такой конкретизации мы считаем концептуальное движение науки от деятельной способности абстрактно взятого субъекта, «деятельности как действия» к коллективной активности взаимодействующих субъектов, т. е. «деятельности как взаимодействию», выходящей за рамки простейшего субъект-объектного опосредования. Рассмотрим кратко основное содержание такого перехода, раскрывающего новые структурные, функциональные, динамические связи, атрибутивные определения социальной субстанции.

§ 2. Содержание и последовательность анализа «деятельности как взаимодействия»

Приступая к исследованию коллективной активности взаимодействующих субъектов, наука, с одной стороны,

---

активности для выделения форм духовной деятельности, требующих больших физических усилий, воплощающихся в трудоемких (с физической точки зрения) средствах объективации. Представляется, что по данному параметру между формами духовного освоения действительности могут быть установлены лишь количественные, но отнюдь не качественные различия, необходимые для использования таксономических характеристик. Мы считаем, что свое категориальное значение определение Маркса получает лишь на более конкретных уровнях рефлексивного изложения, отличных от абстрактной субъект-объектной типологии явлений социальной «клеточки».

переходит к непосредственному анализу «надклеточных» образований социальной системы, а с другой — придает логическое завершение ранее проведенному изучению «клеточки».

Уже отмечалось, что, признавая «клеточным» проявлением социальной реальности абстрактно взятое субъект-объектное опосредование (действие), мы как бы отвлекаемся от изначально коллективного характера общественной жизни, осуществляемой в форме взаимодействия субъектов, в основе которого, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, лежит *«естественная необходимость, свойства человеческого существа»* [1, т. 2, с. 134], не способного обеспечивать свое существование вне связи с себе подобными. Так как люди, писал К. Маркс, никогда «не были *единственны* в том смысле, чтобы не нуждаться ни в какой связи друг с другом, — ибо их *потребности*, т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом (отношения между полами, обмен, разделение труда), — то им *необходимо было* вступать во взаимоотношения друг с другом» [1, т. 3, с. 439]. Соответственно любое реальное проявление деятельной способности субъекта возможно лишь в рамках совместной жизнедеятельности людей, неотделимо от жизнеобеспечивающего взаимодействия между ними.

Это обстоятельство не ведет к отказу от «клеточного» статуса действия, оно не ставит под сомнение способность науки последовательно раскрывать определения социального процесса, исходя из простейших законов субъект-объектного опосредования, держа до определенного момента «в уме» латентно заданные в нем субъект-субъектные связи между реально дифференцированными носителями коллективной деятельности (роль этих связей уже ясна ученому, но еще не выявлена концептуально). Противоположный подход прямо противоречит методу восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку в рамках ставшей социальной формы движения коллективная деятельность представляет собой сложную, опосредованную субъектными связями, логически производную форму субъект-объектного опосредования, на которую распространяются все структурные, функциональные, динамические, атрибутивные характеристики, воплощенные в действии, в то время как обратный перенос невозможен — развернутые характеристики взаимодействия «не умещаются» в простейшем «клеточном» об-

разования. Логическая первичность «клеточки» при этом вовсе не является исторической: мы не можем рассматривать ее в качестве онтологической реальности, существующей до и независимо от «надклеточных» структур (хотя для биологии такое рассмотрение реально и необходимо). Подобное «затруднение», как показывает опыт «Капитала», обычно для наук, ищущих логическую последовательность развертывания взаимополагающих друг друга в целостном объекте явлений: в данном случае «онтологическая несамостоятельность» элементарной «клеточки» представляет собой необходимую условность, с которой связано выделение исходного пункта системного изложения таких теорий.

Вместе с тем данная условность должна с необходимостью сниматься в процессе изложения. Это означает, что концептуальная модель «клеточки» общественной жизни не может считаться завершенной до тех пор, пока исторический материализм не перешел от анализа абстрактно положенной сущности действия (и ее явлений) к рассмотрению тех условий, в которых оказывается возможным действительное существование и проявление деятельной способности субъекта. Таким условием, как уже сказано, является социальное взаимодействие, которое в известном смысле может пониматься как действительность «клеточки», ее «ставшее непосредственным единство сущности и существования» [84, с. 238].

Рассмотрение историческим материализмом «деятельности как взаимодействия» осуществляется по тем же самым логическим законам восхождения от абстрактного к конкретному, которые сохраняют свою силу на каждом относительно самостоятельном витке исследования объекта. Как и в случае с социальным действием, наука начинает с выделения сущностно рефлектированного определения, снимающего многообразные проявления «бытия» изучаемого объекта. Однако таким определением оказывается уже не субъект-объектное опосредование, характеризующее абстрактно взятое действие, но «снимающее» его субъект-субъектное опосредование субъектов, взаимный обмен действиями между ними, выражающий сущностный механизм коллективной деятельности. Выделенное определение социального взаимодействия последовательно рассматривается в структурном, функциональном и динамическом планах, с точки зрения присущих ему явлений и действительности, с чем связан но-

вый виток конкретизации исследуемой социальной субстанции. Особо подчеркнем, что анализ взаимодействия, как и все последующее исследование, осуществляется уже на прочной методологической базе всеобщих определений социальной деятельности (как целенаправленного, предметного, саморегулирующегося, объективного и прочее процесса), которые были сформулированы при изучении ее простейшего «клеточного» проявления и которым должна в полной мере соответствовать ее коллективная форма. В этом плане является естественным субстанциональное родство «деятельности как взаимодействия» с ранее рассмотренной моделью социального действия, элементные, функциональные и динамические характеристики которого входят в снятом виде в организацию коллективной деятельности.

В соответствии с принципами восхождения кратко рассмотрим законы социального взаимодействия начиная с его структурной организации — выделения присущих ему элементов, рассматриваемых первоначально методом изолирующей абстракции, отдельно друг от друга. В этом плане названное субстанциональное сходство коллективной деятельности с действием проявляется в наличии у нее субъектной и объектной сторон, объединяющих различные классы функционально самостоятельных элементов [27]. Вместе с тем структурная организация взаимодействия обладает своей выраженной спецификой, затрагивающей и субъектную, и объектную его стороны, которые претерпевают (сравнительно с действием) су-

[27] Первичный структурный анализ взаимодействия, так же как и в случае с действием, берет субъект-объектную противоположность как различие инициирующей и инициируемой сторон деятельности. При этом, однако, теория уже не ограничивается абстрактным определением «объект вообще» и рассматривает в качестве реальных объектных элементов взаимодействия качественно отличные от носителей социальной активности явления материального субстрата, и которых и посредством которых она воплощается в предметный результат. Фиксируя это различие как абсолютное, наука отвлекается от реальных случаев, когда объектами (продуктами) взаимодействия становятся носители целенаправленной активности, в других ситуациях вполне способные выступать в качестве субъектов. Подобный учет реальных продуктов коллективной деятельности осуществляется лишь в дальнейшем, при типологии ее конкретных форм. Точно так же объектные элементы взаимодействия берутся в абсолютном противопоставлении не только субъектам, но и социальным связям и отношениям, несмотря на способность последних выступать объектом (продуктом) конкретной деятельности социального управления.

щественные изменения. Прежде всего бросается в глаза увеличение числа относительно самостоятельных элементов взаимодействия, происходящее в результате необходимого синтеза составляющих его действий.

С особой наглядностью это проявляется в плане субъектной организации взаимодействия, предполагающего участие, как минимум, двух субъектов, обменивающихся между собой действиями[28]: или в форме обмена их готовыми продуктами, или в виде кооперации усилий в процессе их создания (с чем связано отличие предметно-продуктивной формы коллективной деятельности от коммуникативной). Отметим, что осуществляемый анализ, как и в случае с рассмотрением абстрактно взятого действия, не предполагает уточнения реальной природы взаимодействующих субъектов, поскольку социологическую науку на данном уровне исследования интересуют наиболее общие законы взаимодействия, не зависящие от того, вступают ли в него отдельно взятые индивиды, социальные организации или исторические общности. В действительности такая дифференциация субъектов, осуществляемая в дальнейшем социологией, является не предпосылкой, а логическим следствием анализа законов взаимодействия, поскольку именно в его процессе синтезируется отличный от индивида интегративный субъект, наделенный общностью потребностей, самосознанием, коллективной волей. Пока же социология предъявляет к участникам взаимодействия единственное требо-

---

[28] Нетрудно видеть, что переход к анализу коллективной деятельности существенно меняет значение категории «действие». Ранее этим понятием обозначалась «клеточная», но тем не менее логически самодостаточная форма существования деятельности. Теперь же категория «действие» обозначает отдельно взятый акт социальной активности, сохраняющий все ранее выявленные атрибутивные определения «деятельности вообще», кроме одного, — сам по себе он не способен привести к удовлетворению инициальных потребностей субъекта, которое требует взаимодействия людей, опосредовано его конечными продуктами. Тем самым понятие «действие» характеризует в данном случае субстанционально несамостоятельный организационный момент коллективной деятельности. В то же время это не означает, что оно должно рассматриваться в качестве отдельного структурного элемента последней. В этом плане действие сохраняет свой статус субстанционального синтеза субъекта и объекта, включающегося во взаимодействие в качестве простейшего целостного акта деятельности, отличного от составляющих ее субъектных и объектных элементов, а также интегрирующих их организационных связей.

вание — соответствовать ранее установленным родовым признакам субъекта как «телесно организованного» предметного[29] существа, являющегося носителем целенаправленной активности, вызванной объективными потребностями, осуществляемой с помощью определенных предметных средств и т. д. Это условие оказывается достаточным, чтобы рассмотреть сложные проблемы взаимоопосредования субъектов в ходе взаимообмена активностью между ними, далеко не сводящегося к механическому суммированию.

Переход от действия к взаимодействию вызывает существенные изменения также и в объектной организации деятельности, хотя они могут показаться не столь очевидными. В самом деле, на первый взгляд легко представима логическая модель взаимодействия, не имеющая, казалось бы, никаких объектных отличий от собственно действия. Возьмем в качестве примера простейший случай взаимодействия: люди, совместно несущие тяжесть, несомненно взаимодействуют друг с другом, однако в тех случаях, когда она может переноситься одним человеком, коллективная активность имеет тот же самый предмет, что и отдельно взятое действие, т. е. умножение субъектного элемента не сопровождается соответствующим умножением объектного.

Тем не менее и в этом случае идентичность объектной организации взаимодействия и действия является лишь кажущейся. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что в действии любая манипуляция с реальным объектом (предметом) предваряется и обусловливается его идеальным преобразованием, в ходе которого субъект оперирует с «проекцией» предмета в сознании — идеальным объектом. Последний также включается в

[29] Предметной природой субъектов (как и в случае с действием) объясняется необходимо предметный характер взаимодействия между ними. В этом плане любой партнер по взаимодействию «не может выступать по отношению к данному субъекту иначе, чем в разного рода объектных формах, являющихся выражением его субъективности: это и тело другого человека, и его жесты, движения, действия, произносимые слова (тоже весьма специфические объекты), используемые, изменяемые и творимые другим человеком предметы и т. д. Чистое «взаимодействие сознаний» вне разных форм объектного опредмечивания субъекта невозможно. Другой субъект выступает по отношению к данному как своеобразный «субъект-объект» (так же как данный субъект по отношению к другому и самому себе)» [290, № 2, с. 34—35]. Сказанное касается, естественно, не только индивидуальных субъектов взаимодействия.

объектную организацию действия, противостоит субъекту, хотя в соответствии с принципом композиционной изоморфности элементов существует в сознании последнего. Учитывая это обстоятельство, следует признать, что процесс взаимодействия уже тем отличен от действия, что в нем происходит «невидимое глазу», но вполне реальное умножение (как минимум, удвоение) идеальных объектов деятельности, выработка которых является функциональной «обязанностью» всякого участвующего во взаимодействии субъекта.

Однако этим дело не ограничивается. В действительности даже в простейших случаях (подобных неопосредованной орудиями труда переноске тяжестей) переход от действия к взаимодействию ведет к количественному и качественному изменению объектной организации, в соответствии с которым взаимодействие включает в себя принципиально новый класс функционально необходимых предметных элементов, не свойственных отдельно взятому действию. В последнем, как мы помним, имманентным сознанию субъекта идеальным объектам противостояли материальные образования, служившие средством и материалом осуществления поставленной цели (в нашем случае таковым является переносимый предмет). Взаимодействие сохраняет этот класс несимволических по своим функциям объектов целереализации (к числу которых относятся как орудия, так и собственно предметы реальных операций), однако к ним прибавляется особая группа социальных предметов, представляющих собой объективированные в некотором материальном субстрате состояния идеального, посредством которых осуществляется реальный обмен информацией, ведущий к согласованию характера и последовательности коллективных действий. Речь идет о специфических знаковых объектах (в том числе процессах — в простейшем случае речевых), в лице которых к предметным средствам целеосуществления, которыми ограничивался класс функционально необходимых предметов социального действия, добавляется необходимый для взаимодействия класс предметных средств коллективной целепостановки, без чего невозможна совместная деятельность людей.

Такое удвоение объектов «деятельности как взаимодействия» вытекает из ее подчиненности всеобщим атрибутивным характеристикам «деятельности вообще», конкретнее — является следствием регулятивной природы

совместной деятельности. Как и в случае с действием, такая регуляция осуществляется пока средствами сознания (об институтах управления речь заходит на более конкретных уровнях анализа), однако характер этих средств существенно меняется. Выше мы видели, что регуляция абстрактно взятого действия обеспечивается его субъективно-регулятивной подсистемой в лице имманентных сознанию субъекта идеальных механизмов целеполагания. Тем самым средства регуляции не могут рассматриваться как внешняя субъекту реальность, представляют собой определенное состояние самого субъекта, неотделимое от него и противостоящее его объективным состояниям в лице потребностей и интересов. Иначе обстоит дело с коллективной активностью. И в этом случае свойственное субъектом «внутреннее» сознание также является необходимым, но уже недостаточным средством регуляции взаимодействия. Последняя нуждается в определенных средствах информационной взаимосвязи между участниками взаимодействия, при этом в силу предметной природы субъектов такие средства могут иметь лишь предметный характер, что выводит их за рамки сознания отдельных субъектов (с которым они генетически связаны), превращает их в самостоятельный, отличный от субъектов объектный элемент коллективной деятельности.

Возникает, однако, вопрос: можно ли утверждать, что знаковые объекты представляют собой специфический структурный элемент, свойственный лишь коллективной деятельности, не входящий в структуру ни одной из форм абстрактно взятого действия? Ведь данные объекты уже упоминались нами в связи с анализом духовных действий, специфической формой предметного воплощения которых они являются? Ответ на поставленный вопрос предполагает учет специфического места, которое занимает в структуре действия создаваемый им продукт. Последний, как отмечалось, не может быть отождествлен с объектом как структурно-функциональным моментом субъект-объектного опосредования, приводящего к получению готового продукта. С учетом этой оговорки мы признаем, что реальные знаковые образования включены в организацию духовного действия, однако в качестве готового, «выпадающего» из него продукта, который воплощает специфику породившей его активности, но отнюдь не представляет собой необходимого объектного

элемента, условия, обеспечивающего возможность ее осуществления, собственного создания. В этом плане любое духовное действие совершается по инвариантным законам «действия вообще», для которого существует единственный субъект и, следовательно, отсутствует необходимость использования форм социокультурной объективации идеального для духовной коммуникации субъектов, без чего невозможно взаимосогласованное осуществление коллективной деятельности; соответственно, предметные средства осуществления духовного действия ограничены классом вещных, а не знаковых объектов.

Итак, структурный анализ взаимодействия позволяет выделить в его объектной организации два функционально различных типа реалий, на существование которых указывал еще Л. С. Выготский, отличая класс «орудий» деятельности от класса присущих ей «знаков». Учитывая, что первая группа объектов не ограничивается собственно орудиями, передающими воздействие субъекта на изменяемый с их помощью опосредованный объект, но включает в себя и последний, мы используем несколько иную терминологию, относя «орудия» к более широкому классу «вещных функций» или «вещей» и противопоставляя ему класс «духовных значений».

Как известно, многие исследователи, следуя за Э. С. Маркаряном, объединяют «вещи» и «значения» в общий класс явлений культуры, понимая последнюю как системную совокупность вещественно-процессуальных и духовно-процессуальных средств социальной деятельности. Не останавливаясь в настоящий момент на обсуждении этой дискуссионной интерпретации феномена культуры, мы хотим подчеркнуть необходимость выделения «вещей» и «значений» как самостоятельных элементов социальной деятельности. Автономность названных классов вызвана объективным различием их функций, роли «значений» и «вещей» в процессе коллективной деятельности: первые являются необходимым средством ее программирования, вторые — реализации программ. Соответственно, к классу вещей относятся многообразные предметные средства непосредственного изменения действительности, в то время как класс «значений» включает в себя символические объекты, служащие такому изменению путем воздействия на сознание осуществляющих его субъектов.

Из сказанного видно, что структурные определения коллективной деятельности оказываются конкретизацией, концептуальным синтезом сформулированных на предыдущем витке познания определений социального действия. Взаимополагающими структурными элементами взаимодействия оказываются в данном случае объекты, которые ранее рассматривались социологией в качестве отдельно существующих форм предметного воплощения практических и духовных действий, их специфических продуктов (которые в свою очередь явились типологической конкретизацией всеобщего момента деятельной способности в лице ее предметных результатов, составляющих материальный субстрат социальной субстанции). Тем самым уже абстрактный анализ взаимодействия в известной степени снимает типологическую противоположность явлений «клеточки»; важно подчеркнуть, что при этом синтезируются не только *продукты,* но и *процессы* практической и духовной активности. К примеру, практическая форма взаимодействия несомненно включает в себя в качестве внутреннего организационного момента не только чисто мыслительные акты, но и акты собственно духовного действия в виде хотя бы неспециализированных актов речевой активности, совершаемых практически действующими субъектами, непосредственно вплетенных в их коллективную деятельность.

На данном уровне анализа социологическая наука абстрагируется от всяких попыток классификации реально используемых в общественной жизни «вещей» и «значений», рассматривая их как структурно-функциональные моменты «взаимодействия вообще», характеризующие любую из его типологических форм (в частности, практическую и духовную). И та и другая с необходимостью включают в себя оба класса социальных предметов, хотя детерминационные связи между ними имеют принципиально различную направленность, воспроизводя на новом уровне характер соотношения между реальными и идеальными объектами в практическом и духовном действии. Так, если в практическом по своим задачам взаимодействии объективированное духовное значение (к примеру, чертеж детали) служит подчинением средством получения «вещных функций» (самой детали), то в духовном взаимодействии имеет место обратное соотношение («ценностью-целью» выступают готовая картина, отснятый кинофильм, а средствами — «вещные функции»

в лице красок, кисти, мольберта, киноаппарата и пр.) [30].

Таким образом, структурный анализ социального взаимодействия позволяет нам выделить в рамках присущей ему субъект-объектной организации три класса функционально-автономных элементов, к числу которых относятся *субъекты, вещи и духовные значения*. Различая данные элементы, необходимо, как и ранее, иметь в виду фактор их композиционной изоморфности, субстратного пересечения. К примеру, выделяя субъекта как самостоятельного элемента социального взаимодействия, качественно отличного по своим функциям носителя социальной активности от используемых в ее процессе объектных элементов, следует помнить, что всякий интегративный субъект имеет свое «неорганическое тело», включающее в себя предметные средства деятельности. То же самое касается и отдельно взятого человека, который в известном смысле может быть рассмотрен как вещь и лишь в этом качестве материального образования, а не бестелесного духа способен являть свою элементную функцию, качественно отличную от функций социокультурной предметности [31].

Вместе с тем структурный анализ взаимодействия не ограничивается выделением названных элементов, но (как и в случае с социальным действием) рассматривает в качестве особого организационного момента сложноразветвленную систему связей, превращающих выде-

---

[30] Фиксируя функциональное различие между классами социальной предметности, следует учитывать возможность смены назначений, когда та или иная вещь приобретает функции символа, начинает использоваться в качестве знакового объекта (как это происходит с техническими средствами, ставшими музейными экспонатами) или, напротив, духовное значение используется в качестве вещной функции. Ясно, что такая вариативность отдельных предметов не является препятствием к выделению названных классов; на уровне таких классов — таксонов — функциональное различие явлений социальной предметности вполне объективно и не отменяется фактом полифункциональности отдельно взятых таксономических единиц.

[31] Добавим, что парадоксы человеческой истории таковы, что аналогия между человеком и вещью способна приобретать в определенные эпохи буквальный смысл. Так, раб, находящийся в полной зависимости от рабовладельца, рассматривается им не как самостоятельный субъект общественной жизни, но как вещное средство достижения собственных целей, соответственно делается все возможное, чтобы превратить раба в «говорящее орудие», ничем не отличающееся от прочих «вещных функций», имеющее, как и они, свою потребительную и меновую стоимость.

ленные элементы в органическую целостность. Как и другие составляющие, данная сторона социальной деятельности претерпевает существенные изменения с переходом от действия к взаимодействию, которое характеризуется возникновением принципиально нового вида социальных связей — общественных отношений.

Анализируя происходящие изменения, следует прежде всего обратить внимание на куммулятивный характер взаимодействия, включающего в себя в снятом виде связи, характерные социальному действию так же, как это было со всеми другими присущими последнему элементами. В этом плане структурный анализ взаимодействия фиксирует количественное увеличение субъект-объектных связей, выступающих как взаимозависимость между носителями социальной активности и объектными средствами ее воплощения в результатах. Учитывая функциональную дифференциацию предметных средств коллективной деятельности, мы должны рассматривать в качестве полагающих друг друга факторов взаимодействия связи субъектов с «вещными» объектами (примером которых может служить организационная связь между человеком и орудиями производства в структуре производительных сил), а также с духовными значениями (причем связь такого рода теряет свойственную духовному действию продуктивную однонаправленность и выступает также в качестве регулятивного воздействия созданных знаковых систем на поведение создающих их субъектов).

Вместе с тем, изучая законы коллективной деятельности, социологическая наука вынуждена принимать во внимание специфические для нее связи, в том числе особую совокупность объект-объектных зависимостей между свойственными ей предметными средствами. Подобные связи лишь потенциально присутствуют в структуре социального действия, возникая при функционально-необязательной в данном случае множественности используемых предметов прежде всего тогда, когда воздействие субъекта на объект осуществляется посредством промежуточных орудийных средств. Возникающая при этом «технологическая связь» непосредственного (орудие) и опосредованного (материал) предметов деятельности осуществляется в полном соответствии с используемыми (моделируемыми) природными свойствами объектов и тем не менее обретает общественное качество,

она должна рассматриваться как социальная связь. Специфические законы подобной связи становятся специальным предметом рассмотрения при изучении общественного производства, однако объект-объектные зависимости, взятые в целом, должны приниматься во внимание в качестве необходимого фактора уже на уровне абстрактного анализа взаимодействия, будучи обусловлены множественностью его предметных средств.

Наконец, совершенно самостоятельным видом связей коллективной деятельности оказываются субъект-субъектные зависимости между осуществляющими ее людьми. Эти связи мы называем общественными отношениями, хотя не все исследователи согласятся с правомерностью использования этого термина для характеристики субъектных связей абстрактно взятого взаимодействия. Это вынуждает нас сделать ряд специальных разъяснений.

Как известно, многие специалисты вкладывают в категорию «отношение» особое значение, существенно отличное от общепринятого определения связи, в соответствии с которым «два или несколько предметов связаны между собой, если изменение одного... ведет к изменению другого» [221, с. 6]. Нередко считают, что в «отличие от связи в случае отношения изменение одной вещи не определяет какое-то изменение другой» [Там же, с. 7]. Отношение при этом рассматривается как результат сопоставления внутренне несвязанных объектов, которое предполагает «еще один объект, а именно систему отсчета» [283, с. 9]. Руководствуясь таким пониманием, мы сводим отношения явлений к случаям их косвенной ассоциации, обусловленной наличием внешнего интегрирующего фактора. Существование таких ассоциаций в общественной жизни несомненно; достаточно сказать, что именно по этому принципу конституируются так называемые номинальные социальные группы, выделяемые на основе общности того или иного классификационного признака и не связанные сами по себе функциональной общностью действия (группы половые, возрастные и пр.). Однако, используя понятие отношения лишь в приведенном смысле, мы вступаем в противоречие с пониманием этой категории, традиционным для марксистской социологии, в которой общественные отношения (экономические, политические и пр.) всегда рассматривались как внутренние, основанные на взаимоза-

висимости, а не на внешием соединении связи между субъектами.

Учитывая это обстоятельство, большинство ученых считают противопоставление связей и отношений иецелесообразным, рассматривают отношения как специфический класс связей, предполагающих внутреннюю зависимость соотносящихся сторон. Считается, что в определенном отношении могут находиться только те стороны действительности, «которые связаны между собой каким-то общим процессом. Где нет последнего, там не может быть и отношения» [256, с. 90]. При этом, однако, специфику отношений нередко усматривают в том, что они в отличие от связей не предполагают непосредственного взаимодействия сторон, воплощая в себе лишь конечный результат такого взаимодействия. Отношения понимаются как «опосредованная связь объектов ... взаимозависимость двух и более состояний, свойств или отношений, непосредственно не связанных между собой, являющихся лишь конечными результатами некоторых процессов, без учета самих этих процессов» [Там же]. Соответственно специфическим признаком отношений считается их большая устойчивость по сравнению со связями, которая «отражает как большую устойчивость результатов по сравнению с процессами, их порождающими, так и большую устойчивость той материальной основы, которая обусловливает взаимозависимость соотносящихся» [Там же, с. 91].

Представляется, что приведенное определение в целом верно передает специфику отношений как одной из форм интеграции явлений действительности. В уточнении нуждается лишь один пункт, а именно проводимое «отстранение» отношений от процессов непосредственного взаимодействия соотносящихся сторон. Смысл предлагаемого уточнения связан с различением опосредованного характера зависимости между сторонами как функционального признака отношения и опосредованности связи между ними как его структурного признака. В противном случае не вызывающая сомнений процессуальная опосредованность отношений может быть принята за необходимую структурную характеристику, в соответствии с которой отношение понимается как зависимость между сторонами, не требующая, не предполагающая непосредственного контакта между ними. Ясно, что такое понимание исключает возможность определять субъект-субъ-

ектные связи абстрактно взятого взаимодействия как отношение, поскольку его стороны находятся именно в непосредственной структурной связи друг с другом [32]. Тем не менее мы считаем такое определение возможным и необходимым, ставя тем самым под сомнение приведенное понимание различия между связями и отношениями. В действительности отсутствие непосредственной связи сторон является не родовым признаком, а специфической характеристикой особых видов общественных отношений, к рассмотрению которых теория приходит не сразу, имея начальным пунктом восхождения простейшую форму общественных отношений в лице процессуально опосредованной зависимости непосредственно связанных сторон.

Поясняя сказанное, следует прежде всего признать, что в любой развитой социальной системе существование общественных отношений между субъектами не всегда предполагает их непосредственную связь, и, наоборот, отсутствие такой связи не является гарантией отсутствия отношений.

К примеру, в капиталистическом обществе связь между предпринимателем и работающим на него пролетарием является реальным отношением эксплуатации даже в тех случаях, когда осуществляется без всякого непосредственного контакта, через множество промежуточных звеньев: мастера, инженера, профсоюз и т. д. Более того, следует учитывать, что данный пример является простейшим случаем «неконтактных» общественных от-

---

[32] Понятие непосредственной связи между субъектами как сторонами общественного отношения означает, что между ними имеется прямой физический контакт, понимаемый не как «телесное» соприкосновение, но как отсутствие опосредующих субъектных звеньев, прямая замкнутость субъекта на субъект. Подчеркнем, что речь идет именно о субъектных звеньях опосредования, поскольку с объектной стороны любое взаимодействие субъектов всегда опосредовано социокультурными предметами — вещественно-процессуальными средствами коммуникации. При этом субъектным опосредование является лишь в той мере, в какой активность осуществляющего его человека (или группы) влияет на само содержание взаимодействия, характер направляющих его целей, а не служит лишь обеспечению технических (объектных) условий его совершения. В этом плане телефонный разговор между людьми является непосредственной связью между ними, несмотря на возможное участие телефонистки; в то же время боксерский поединок, смысл, цель которого предполагает участие судьи, представляет собой пример опосредованной субъект-субъектной связи.

ношений, имеющих значительно более сложные формы проявления. В самом деле, в приведенном случае, несмотря на отсутствие физического контакта субъектов, между ними все же происходит прямое взаимодействие, которое означает совместное участие в деятельности, направленной на получение и последующее распределение совместно создаваемого продукта (хотя такое взаимодействие является принудительным, а распределение — неэквивалентным, от чего в настоящий момент теория отвлекается). В то же время не вызывает сомнений тот факт что экономические (так же как и политические, идеологические) отношения буржуа и пролетария существуют независимо от того, имеет или не имеет место реальный (хотя и опосредованный) взаимообмен действиями между ними в пределах одной и той же производственной ячейки — капиталистического предприятия. Отсутствие прямого взаимодействия в данном случае исключает лишь узкопроизводственные, организационные отношения в рамках локализованного, чисто технического разделения умственного (управленческого) и физического труда в совместной производственной деятельности. Речь идет об отношениях в процессе собственно производства, в то время как собственно экономические отношения (распределения) между буржуа и пролетариями имеют вполне реальный характер, обеспечиваются опосредующими механизмами межклассовых связей независимо от непосредственных контактов отдельных представителей этих классов.

Другим примером подобных «неконтактных» отношений являются реальные политические отношения между членами враждебных партий, существующие независимо от их «личного знакомства», или же наличие юридически закрепленных отношений между представителями различных сословий: отсутствие непосредственной связи не мешает им обладать некоторым устойчивым правовым статусом друг относительно друга, который начинает регулировать взаимодействие, как только оно из потенциального становится актуальным.

Таким образом, сам факт существования в специальной жизни «неконтактных» общественных отношений не вызывает сомнений. И в то же время отсутствие непосредственной связи сторон не является признаком, выражающим сущность общественных отношений как таковых — речь идет о специфическом признаке особых ви-

дов отношений, имеющих разную степень структурной опосредованности.

Так, «бесконтактные» отношения, не требующие не только непосредственной связи, но и прямого взаимодействия сторон (тем не менее остающиеся связями внутренней зависимости, а не внешнего классификационного сопоставления), характеризуют, на наш взгляд, лишь индивидуальные формы проявления необходимых общественных отношений. Механизм существования этих форм раскрыт в работах К. Маркса, показавшего, что в подобных случаях отсутствие прямых контактов между субъектами «компенсируется» безличной связью «представительства», создающей опосредованную зависимость институционального по своему происхождению характера. Это значит, что несвязанные прямым взаимодействием субъекты (индивиды) соотносятся друг с другом как представители некоторых взаимодействующих социальных институтов (групп), каждый из которых являет собой самостоятельного интегративного субъекта деятельности. Характеризуя такую форму безличной в своей сущности связи, К. Маркс писал: «Капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры, которые накладывает на индивидуумов общественный процесс производства; продукт этих определенных общественных производственных отношений» [1, т. 25, ч. II, с. 452]. «Характерные экономические маски лиц, — писал К. Маркс в другом месте, — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу» [Там же, т. 23, с. 95]. Таким образом, индивидуальные формы бытия общественных отношений К. Маркс рассматривает как производное от их субстанциональной природы безличных коллективных связей [33]. Учитывая, что последние способны

[33] В литературе существует точка зрения, не считающая связи между отдельными индивидами общественными отношениями. Ее сторонники нередко ссылаются на мысль К. Маркса, утверждавшего, что общественные отношения суть «не отношения одного индивида к другому индивиду, а отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д.» [1, т. 4, с. 125]. Можно полагать, что, формулируя это положение, К. Маркс имел в виду тот факт, что общественные отношения как безличные в своей сущности связи интегративных субъектов отнюдь не сводятся к индивидуальным контактам их представителей, как общее не сводится

складываться лишь в процессе прямого взаимодействия интегративных субъектов[34], мы можем считать крайнюю институциональную форму опосредования общественных отношений вторичной, не способной быть ни универсальной, ни логически исходной формой.

Выше, однако, отмечалось, что прямое взаимодействие субъектов далеко не всегда означает, что отношения

к отдельному, в котором и через которое существует. Отсюда не следует, что должно, отрывая отдельное от общего, рассматривать индивидуальные отношения в целом не как форму проявления общественных, а как некоторую альтернативу им. В этом плане следует согласиться с авторами, считающими, что «марксистская социология не отождествляет, но в то же время и не противопоставляет личные и институционализированные формы бытия общественных отношений друг другу, не рассматривает их как два параллельных ряда связи людей» [207, с. 26]. Такое рассмотрение ведет к мистификации общественных отношений, их неправомерной «субстанционализации» [Там же, с. 7—9].

В то же время следует учитывать, что отношения конкретных индивидов не только воплощают в себе общественно необходимые связи, но имеют и специфически личные аспекты, не характерные для отношений интегративных субъектов. В этом плане правы ученые, различающие понятия собственно общественных отношений и «отношений, существующих в обществе» [16, с. 87],— и те и другие соотнетстнуют родовым определениям отношений как устойчивых форм субъект-субъектной связи.

[34] Говоря о прямом взаимодействии социальных групп, не следует забывать, что оно осуществляется лишь через индивидуальную активность составляющих их членов: так, конкретные военные действия осуществляются, используя выражение К. Маркса, не «метафизическими субъектами», отличными от людей, но вполне реальными солдатами и офицерами, что не мешает нам считать субъектами прямого взаимодействия противоборствующие друг другу армии.

Следует учитывать также, что подобное прямое взаимодействие возможно не между всеми видами социальных групп, поскольку не каждая из них может рассматриваться в качестве функционально связанного, обладающего коллективной волей, «единодействующего» субъекта. Так, прямое взаимодействие не всегда возможно между классами, учитывая, что они могут находиться в состоянии «класса в себе», которое К. Маркс иллюстрировал на примере парцелльных крестьян Франции, характеризуя их как «громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними» [1, т. 8, с. 207]. Такая группа, естественно, не способна вступать в прямое взаимодействие с другими группами, осуществляя его лишь через отличных от нее посредников (в настоящий момент мы отвлекаемся от обсуждения точки зрения, полагающей, что класс в любом своем состоянии не может рассматриваться как интегративный субъект социальной деятельности).

между ними имеют характер непосредственной связи, не предусматривающий необходимого участия в совместной деятельности некоторых субъектов-посредников. В этом плане следует признать, что в реальной истории связи прямого взаимодействия между интегративными субъектами в большинстве случаев предстают перед нами как опосредованные наличием самостоятельных, промежуточных субъектных факторов. Это тем не менее не означает, что подобная функциональная форма опосредования (национальных отношений государственными, классовых контактов деятельностью профсоюзных организаций и пр.) должна рассматриваться как всеобщий атрибутивный признак общественных отношений, исключающий возможность их понимания как непосредственных связей того типа, с которым мы сталкиваемся при анализе абстрактно взятого взаимодействия.

Дело в том, что мера непосредственности отношений, фиксируемая социологией, измеряется в двух взаимосвязанных концептуальных проекциях восхождения: при движении от общего к особенному в пределах одного и того же уровня обобщения и при движении от абстрактного к конкретному, связанному с уровневыми переходами в теории. В первом случае «степень непосредственности» отношений возрастает при сравнении индивидуальных форм проявления с коллективными, в процессе которого крайняя институциональная форма опосредования сменяется «более умеренной» функциональной формой, предполагающей необходимость прямого взаимодействия опосредованно соотносящихся сторон. Во втором случае снимается и эта форма опосредования, как только теория переключает свое внимание с реальных субъектов на выражающие их деятельную сущность типизированные «субъекты-функции», воплощающие некоторые «нормальные» для данного вида групп «социальные роли». Подобное снятие становится достаточно полным, когда социология отвлекается от всякой исторической (формационной) вариативности данного вида взаимодействующих субъектов (к примеру, изучает не многократно опосредованное отношение конкретных рабочих к конкретным капиталистам, но значительно менее «разветвленную» модель классового антагонизма «вообще»). Однако абсолютным такое снятие функциональной опосредованности отношений становится лишь тогда, когда наука отвлекается от самого многообразия видов

взаимодействующих субъектов, сводя их к родовому определению «субъектов вообще» (в этом случае классовый конфликт, всегда имеющий в той или иной степени опосредованный (государством) характер, рассматривается как проявление абстрактного взаимодействия субъектов с антагонистически противоположными интересами, не имеющего уже никаких «субъектов-посредников»). Это позволяет социологии постулировать существование абсолютно непосредственных субъект-субъектных связей, которые тем не менее соответствуют сущностным признакам общественных отношений и должны рассматриваться как их простейшая, логически исходная форма.

Каковы же те подлинные признаки общественных отношений, концептуальное осмысление которых позволяет выделить их в системе социальных связей? Простейшим способом решения этой задачи является терминологическая конвенция, в соответствии с которой понятие социальной связи в своем собственном значении используется для характеристики субъект-объектных и объект-объектных опосредований; в то же время категория общественных отношений применяется лишь для фиксации возникающих во взаимодействии субъект-субъектных связей. Признавая известную полезность такого терминологического разведения, мы считаем, что само по себе оно не решает поставленной проблемы, поскольку далеко не всякая связь между субъектами социальной жизни может квалифицироваться как (общественное) отношение. Последнее целесообразно рассматривать в качестве неслучайной по характеру, устойчивой связи, выражающей опосредованную зависимость между соотносящимися сторонами. В свете сказанного выше понятие опосредованной зависимости берется здесь не как структурная характеристика взаимодействия, означающая наличие между его сторонами структурно выделенных посредующих звеньев. Речь идет о функциональной характеристике, означающей, что отношения сторон опосредованы самим процессом их взаимодействия, представляют собой определенный продукт такого взаимодействия, выражающий его необходимое содержание. Качественная специфика отношений состоит в их способности выражать сущностную природу взаимодействия, как она проявляется в зависимости сторон, фиксировать ее устойчивый, воспроизводимый характер, меняющийся лишь с ради-

кальным изменением самого содержания взаимодействия. Именно в этом плане «отношение не является непосредственным выражением процессов, а всегда указывает на особую взаимозависимость их отдельных сторон» [256, с. 90]. Это означает, что отношением закрепляется некоторый *статус* сторон, проявляющийся в их устойчивой координационной или субординационной связи, воспроизводимый независимо от того, какие именно конкретные агенты осуществляют фиксированное по содержанию взаимодействие.

Таким образом, отношение понимается как существенная, необходимая, типичная для данного вида взаимодействия связь осуществляющих его сторон (что делает эту категорию родовым определением категории «закон»). Важно подчеркнуть, что отношение как таковое характеризует собой системные формы взаимодействия, стороны которого представляют «единство противоположных определений» [221, с. 13]. При этом на высших уровнях движения материи речь идет уже не только о детерминирующих, но взаимополагающих друг друга определениях, не способных существовать как онтологическая реальность вне соединяющей их органически целостной системы взаимодействия.

Именно такой характер свойствен общественным отношениям, выражающим «не единичные и случайные, а существенные и необходимые, социально-типичные связи», которые создают «социально-типичные, объективно необходимые взаимодействия людей» [214, с. 21, 22]. Превращение социальной связи (как любой взаимозависимости субъектов, безразличной к условиям ее осуществления) в собственно отношения происходит лишь в тех ситуациях, когда зависимость сторон обусловлена прежде всего необходимостью ее существования, необходимостью взаимодействия между субъектами, специфическим продуктом которого становятся общественные отношения [35]. В этом плане социальные связи, становясь об-

---

[35] «Продуктивный» характер общественных отношений отнюдь не означает, что мы не вправе рассматривать их в качестве исходного структурного момента взаимодействия. Речь в данном случае идет о таком продукте, который не «выпадает» из создающей его коллективной деятельности, но является необходимым условием ее осуществления на любом из свойственных ему этапов. Использование имманентной функциональной характеристики отношений для фиксации их структурного статуса является одним из проявлений

щественными отношениями, представляют «по своему содержанию обусловленность существования, проявления, изменения и развития свойств так или иначе воздействующих друг на друга систем ... несут в себе момент обусловленности людей друг другом, что находит свое выражение во взаимной зависимости по поводу удовлетворения потребностей» [24, с. 20].

Руководствуясь таким пониманием общественных отношений, мы даем положительный ответ на вопрос о возможности их выделения в качестве необходимого структурного момента социальной деятельности уже на уровне ее абстрактно рассмотренной коллективной формы. Мы полагаем, что именно на этом уровне социология впервые создает модель социально-типичного, объективно необходимого взаимодействия, порождающего общественные отношения. Несмотря на то что эта модель еще никак не конкретизирует реальную цель взаимодействия, в ней присутствует главное — признание его неслучайности, что проявляется в полном соответствии всеобщим признакам социальной деятельности. Так, сущностным определением ее коллективной формы может считаться лишь такое взаимодействие, которое вызывается объективными потребностями участвующих в нем субъектов и является единственным способом их удовлетворения, осуществляемого по всеобщей функциональной формуле деятельности: потребности — их отражение в (коллективном) сознании, выработка идеальных программ действия — их операциональная реализация (в ходе координируемой определенными средствами коллективной активности), создающая продукт, способный

органической взаимоположенности структурного и функционального подхода, о чем говорилось выше.

Следует также учесть, что рассуждения о «продуктивном» характере общественных отношений на данном уровне обобщения еще не имеют в виду выделение специализированной деятельности по их производству — конкретной деятельности социального управления. Речь идет о процессе возникновения отношений «за спиной» взаимодействующих субъектов, который присущ всякой коллективной деятельности и рассматривался К. Марксом как универсальная характеристика общественного производства. «Не только вещные условия процесса производства выступают как его результат, — писал Маркс, — но также и их *специфически общественный* характер; производятся, являются постоянно возобновляющимся результатом процесса общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, сами *производственные отношения*» [1, т. 49, с. 119].

удовлетворить инициальные потребности субъектов и порождающий новые потребности.

Такое понимание взаимодействия, изначально заложенное в нашу концептуальную схему, позволяет считать категорию общественных отношений закономерным определением рассматриваемой стадии конкретизации. Естественно, что осуществляемый здесь анализ еще не дает нам знания реальных общественных отношений. Вместе с тем, рассматривая выделенные «отношения вообще» как необходимый организационный момент «деятельности как взаимодействия», мы получаем в процессе исследования ее функциональных и динамических опосредований весьма важные знания о родовых свойствах общественных отношений; учет этих свойств имеет большое методологическое значение для исследования реальных отношений, характеризующих сущность общества, в силу чего им «придается решающее значение в характеристике его конкретно-исторических форм . . .» [214, с. 12].

Итак, выше выделены основные структурные элементы «деятельности как взаимодействия», к числу которых относятся социальные субъекты, специализированные классы предметных средств деятельности в лице «вещных функций» и «духовных значений» и, наконец, особый организационный момент в лице системной совокупности социальных связей, в том числе общественные отношения. Как и в случае с социальным действием, социология не ограничивается анализом структурных образований взаимодействия, взятых методом изолирующей абстракции; следующим этапом восхождения оказывается переход к исследованию реальных функциональных связей между элементами, существующими в «неомертвленной» структурным расчленением «живой» коллективной деятельности [36].

Не имея возможности подробно рассмотреть функцио-

---

[36] Отметим, что необходимость относительно изолированного рассмотрения выделенных элементов сохраняется и на последующих уровнях обобщения. Дело в том, что анализ взаимодействия раскрывает нам нечто большее, чем одноуровневые «преходящие» определения деятельности, снимаемые при дальнейшей ее конкретизации. В действительности здесь выявляются «сквозные» структурные образования, оказывающиеся элементами общества в целом как сложнейшей организационной формы, которую создает и через которую осуществляется совместная производственная деятельность людей, обеспечивающая их существование. Выделенные явления рассматриваются в дальнейшем в качестве простейших структурных

нальные опосредования «деятельности как взаимодействия», ограничимся указанием на некоторые проблемы, встающие в данном случае перед социологией.

Так, ряд сложных вопросов возникает при изучении функциональных связей между субъектами взаимодействия и возникающими в его процессе общественными отношениями между ними, в частности, в ходе такого изучения рассматриваются сложнейшие детерминационные зависимости между потребностями и интересами субъектов и характером складывающихся отношений. Прежде всего социология фиксирует тот факт, что «общественные отношения, так же как и другие результаты человеческой деятельности, возникают из потребностей в осуществлении той или иной деятельности. Именно через потребности люди связываются друг с другом, а сами эти связи благодаря взаимной обусловленности потребностей превращаются в систему отношений» [214, с. 29—30]. С другой стороны, выясняется характер воздействия отношений на механизм удовлетворения потребностей, что приводит к важной конкретизации категории интереса.

Выше (при анализе социального действия) было приведено понимание интереса как особого состояния субъекта, выражающего его объективное отношение к условиям деятельности, необходимым для удовлетворения присущих ему потребностей. Переход от действия к взаимодействию заставляет нас относить к таким условиям не только объектные средства деятельности, но и «сам

образований, из которых состоят все образующие общество подсистемы — сферы общественной жизни (с тем дополнением, что элементом социальной организации оказываются уже не типизированные «субъекты вообще», а общественные индивиды, в то время как интегративные субъекты приобретают статус особых, не обладающих элементарностью компонентов социальной системы). При этом выясняется, что все элементы, несмотря на свою субстанциональную несамостоятельность, обладают некоторой автономной логикой функционирования и развития, которая должна учитываться социологией. В результате происходит дифференциация науки на ряд относительно самостоятельных теорий, к числу которых относятся социология личности, теория общественных отношений, культурология (изучающая синтез вещных и духовных средств социальной деятельности). Сказанное выше позволяет считать, что первый импульс к выделению таких «частносоциологических ориентаций» в рамках целостной науки социология получает уже на уровне анализа «деятельности как взаимодействия», хотя в данном случае раскрываются лишь первичные определения анализируемых явлений.

процесс взаимной зависимости людей» [207, с. 83], организационные факторы в лице связи субъекта с другим субъектом, выступающим (добровольно или принудительно) в качестве его партнера по совместно осуществляемой деятельности. В этом плане объективный интерес субъекта состоит в закреплении за ним некоторой фиксированной позиции, статуса, позволяющего в наиболее полной степени удовлетворить потребности, обусловившие его участие во взаимодействии. С учетом сказанного становится ясной глубокая мысль Ф. Энгельса, считавшего, что «экономические (как и другие. — *К. М.*) отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*» [1, т. 18, с. 271].

Проблема статуса субъекта в системе взаимодействия, т. е. места, занимаемого им в общественных отношеннях, предполагает различение их *координационной* и *субординационной* форм, означающее существенную конкретизацию атрибутивной характеристики деятельности как управляемого процесса, которая впервые предстает перед социологией в своем субъект-субъектном ракурсе. Наконец, к той же группе проблем относятся первичные характеристики антагонистического и «солидаристского» типов общественных отношений, когда социология, не конкретизируя пока ни характера совместной деятельности, ни природы осуществляющих ее субъектов, создает наиболее абстрактные модели «гармоиичного» и «конфликтного» взаимодействия с исключающими друг друга или взаимосогласующимися потребностями действующих субъектов. Получаемые в результате достаточно бедные по своему содержанию определения (которыми нередко ограничивается буржуазная «конфликтология», стремящаяся к тому же субъективировать источник противоречий) становятся тем не менее для марксистской теории логически начальным пунктом исследования реальных социальных антагонизмов, осуществляемого уже на более конкретных уровнях социологического обобщения.

Другая группа проблем возникает при обращении к функциональному анализу опосредований, существующих между общественными отношениями и различными классами предметно объективированных средств социальной деятельности.

В данном случае социология прежде всего обращает внимание на тот факт, что «общественные отношения со-

здаются, воспроизводятся людьми благодаря тому, что их совместная деятельность создает, воспроизводит человеческие и общественные предметы... Общественный предмет как объект совместной деятельности людей, оказывает влияние на движение общественных отношений, поскольку в нем, как в посреднике, закрепляются формируемые совместной деятельностью общественные отношения» [207, с. 39]. В этом плане отношения между людьми «неизменно (как и сама деятельность, любая ее разновидность) имеют предметный характер — предметный не в смысле предметной вещественной формы выражения, существования самих общественных отношений, а их обусловленности каким-то определенным объектом, предметом» [214, с. 27]. Нельзя не согласиться с тем, что «предметный мир входит в содержание общественных отношений не со стороны своих физико-химических или механических свойств, если речь идет о вещной форме предметности, а со стороны тех объективных функций, какие он выполняет в процессе взаимодействия людей с другом...» [16, с. 23]. Понимание внутренней функциональной связи между общественными отношениями и социокультурной предметностью становится методологической основой последующего исследования социологией многих сложных вопросов, в частности такого специфического феномена, как овеществление общественных отношений, которое представляет собой превращенную, исторически преходящую форму опредмечивания [1, т. 46, ч. I, с. 105].

Ряд сложных проблем встает перед наукой при изучении функциональных связей между общественными отношениями и объективированными состояниями общественного сознания в лице духовных значений. Достаточно сказать, что, анализируя эти связи, социологическая наука возвращается к проблематике основного вопроса философии, который на данном уровне обобщения предполагает выяснение роли (объективированного) сознания в коллективной деятельности людей. Идея материальной обусловленности абстрактно взятых действий, связанной с подчиненностью «внутрисубъектного» сознания столь же имманентным субъекту потребностям и интересам, получает дальнейшее развитие, превращается в утверждение материальной обусловленности «деятельности как взаимодействия», проявлением чего является субстанциональная независимость выражающих сущность деятель-

ности общественных отношений от направляющих ее объективированных состояний идеального. Названная проблема вызывает острые дискуссии в современной марксистской социологии, в которой существуют различные представления о том, вся ли совокупность общественных отношений нли только некоторые их виды могут считаться независимыми от общественного сознания (в лице объективированных норм права, морали, политических идеалов и пр.), каким образом следует понимать такую независимость и т. д. (точка зрения автора по данным вопросам изложена в монографии «Концептуальная природа исторического материализма» [208, с. 48—118]).

Другой аспект проблемы функциональных связей духовных значений и общественных отношений связан с конкретизацией первичных определений стихийного и планомерного, фиксирующих способность результата деятельности складываться в качестве рефлектированного или нерефлектированного сознанием субъекта, планировавшегося или непланировавшегося продукта его активности. Распространяя эти определеиия на взаимодействие, социология выделяет в качестве такого продукта общественные отношения, способные складываться «за спиной» субъектов коллективной деятельности, ие отражаясь предварительно в направляющих ее объективироваиных формах общественного сознания. Следует особо подчеркнуть, что эта способность характеризует не только геиезис, но также функционирование и развитие сложившихся общественных отношений, которые нередко приимают форму стихийных, неконтролируемых процессов (типа урбанизацни, миграций и др.).

Естественно, что функциональный анализ взаимодействия не ограничивается названными проблемами, включая в себя множество других вопросов, — вопрос о функциональных связях между субъектами и духовными значениями (раскрывающий нормативную роль последних), между духовными значениями и «вещными функциями» (нередко используемый буржуазной социологией для спекулятивных «доказательств» первичности духовиого перед материальным в общественной жизни) и др. Оставляя в стороне данные вопросы, подчеркнем, что логическим завершением функционального анализа (как и в случае с действием) стаиовится сведеиие выработанных определений в полнообъемную функциональную мо-

дель «деятельности как взаимодействия», отражающей содержание и последовательность этапов ее осуществления: создание такой модели становится конкретизацией, существенным обогащением родовой функциональной формулы «деятельности вообще», учитывающим немаловажные специфические особенности осуществления ее коллективной формы.

Такие особенности наглядно проявляются уже на уровне «материально-причиняющей подсистемы» коллективной деятельности, применительно к которой необходимое взаимодействие субъектов означает дифференциацию инициирующих потребностей на частные и вновь возникающие интегративные. Первые из них характеризуют отдельно взятых субъектов, в том числе индивидов, которые, вступая во взаимодействие, по словам К. Маркса, «всегда и при всех обстоятельствах «исходили из себя» [1, т. 3, с. 439], собственного частного интереса. Последний, однако, «уже сам есть общественно определенный интерес и может быть достигнут лишь при условиях, создаваемых обществом ...» [1, т. 46, ч. I, с. 99], т. е. коллективной деятельностью людей. Именно это обстоятельство вызывает взаимодействие между ними, создающее интегративный, общий интерес — «он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд» [Там же, т. 3, с. 31]. Носителем такого интереса становится создаваемый взаимодействием (в том числе и интегративных субъектов) «совокупный субъект» коллективной деятельности; содержанием данного интереса является обеспечение необходимых условий, при которых может протекать совместная деятельность субъектов, в ходе которой каждый из них удовлетворяет свой частный интерес. При этом возникновение общего интереса отнюдь не означает гармоничного сочетания частных интересов: социология далее анализирует конкретные исторические ситуации, когда под видом общего фигурирует, по сути дела, частный интерес доминирующей во взаимодействии стороны, однако даже исчезновение антагонистической противоположности частных интересов не снимает объективного различия, сложнейших механизмов опосредования между ними и интегративными интересами той коллективной формы (социальной группы или общества в целом), которая создается взаимодействием субъектов [186, 188]. Первичную характеристику таких механизмов дает имен-

но функциональный анализ «деятельности как взаимодействия», существенно углубляя тем самым ранее сформулированные представления об объективных факторах деятельности.

Столь же существенно углубляются и наши представления о таком важном функциональном этапе деятельности, как процесс целеполагания, который, как справедливо отмечает Л. П. Буева, «в коллективной деятельности усложняется (поскольку коллективная цель не всегда возникает из суммы индивидуальных — это лишь частный случай) и даже разбивается на ряд взаимосвязанных процессов. Среди них: выработка цели деятельности коллектива... усвоение коллективной цели индивидами с помощью социальных систем информации, обучения, пропаганды, объективации личных целей в процессе коллективной деятельности. В эту же цепь процессов включается учет индивидуальных целей... необходимость их согласования, гармонизация индивидуальных и коллективных целей и задач, их коррекция, достижение оптимальной согласованности, устранение конфликтов, противоречий при сохранении индивидуальных различий и т. п.» [65, с. 107].

Свою конкретизацию получают также операциональная и результатирующая подсистемы деятельности, в процессе конкретизации социология сталкивается со многими специфическими проблемами. Такими являются, в частности, проблема дифференциации и функциональной связи средств коллективной целереализующей активности, проблема координации операциональных воздействий; проблемы, вызываемые специфическим усложнением результирующей подсистемы совместной деятельности, когда, к примеру, создание и воссоздание общественных отношений становится, по словам К. Маркса, «еще более важным результатом процесса, чем его материальные результаты» [1, т. 46, ч. I, с. 447].

Наконец, как и в случае с абстрактно взятым действием, функциональный анализ взаимодействия логически переходит в исследование его специфических динамических механизмов, обеспечивающих изменение его содержания. Будучи и в данном случае конкретизацией динамических законов «деятельности вообще», такое исследование сталкивается с рядом специфических трудностей, будучи вынуждено, в частности, учитывать способность отдельно взятых элементов взаимодействия к

относительно самостоятельному развитию, логика которого уже не покрывается логикой интегративных связей элементов [37]. Недостаток места не позволяет нам раскрыть содержание возникающих проблем и заставляет обратиться к рассмотрению дальнейшего этапа конкретизации, наступающего после того, как социологией осуществлен структурный, функциональный и динамический анализ взаимодействия как сущностного определения коллективной деятельности, и предполагающего изучение присущих ей явлений, специфических форм существования.

* *
*

Ближайшим результатом исследования необходимых явлений «деятельности как взаимодействия» является различение ее *практической* и *духовной* форм. Определения практического и духовного, как было показано, появляются уже на «клеточном» уровне анализа общественной субстанции, где оказывается возможным установить типологическое различие между активностью субъекта, целевой доминантой которой является осознанное изменение действительности, ее приспособление к изменяющимся потребностям общественного человека, и активностью, направленной на предметно закрепленное отражение этой действительности. Дальнейшее развитие теории позволяет экстраполировать это различие на коллективную деятельность, считая изменение предметной среды или идеальное воссоздание ее актуальных и потенциальных состояний целью практического и ду-

---

[37] К примеру, социологическая теория вынуждена учитывать тот уже отмечавшийся факт, что «общественные отношения, хотя они и представляют собой продукт деятельности... людей... часто обретают независимость от тех, кто их создал. Логика изменений общественных отношений не просто сводится к логике... человеческих действий, так как совместная деятельность и ее объективные материальные требования создают новое качество» [322, с. 135]. Именно подобными фактами объясняется то, что выделение функционального и динамического подходов свойственно не только социологической науке, взятой в целом, но и частносоциологическим теориям, изучающим функциональные связи и динамические опосредования отдельных элементов социальной деятельности, рассмотренных в качестве относительно автономных моментов общественной целостности (о соотношении «частносоциологической» и «интегративной» проблематики в нашей науке см.: [208, с. 133—147]).

ховиого типа социального взаимодействия, осознанного сотрудничества групп и индивидов.

На данном уровне анализа социологическая теория еще не выделяет и не рассматривает реально существующие разновидности практической и духовной деятельности. С одной стороны, остаются концептуально не выясненными различия между практической активностью людей, обращенной на природу (материальное производство), общественные институты (социальное управление) и самого человека, с другой стороны, никак не конкретизируются специфические формы духовного производства, продуктом которых являются когнитивные значения (истины науки), аксиологические установки (моральные нормы, догматы религии и т. д.). Подобная конкретизация осуществляется на следующей ступени восхождения, когда социология переходит от явлений «деятельности как взаимодействия» к ее действительности, каковой становится общественное производство, рассматривая вслед за анализом «производства вообще» его явления, конкретные формы. Пока же практическая и духовная деятельность исследуются в присущих им универсальных характеристиках, как «практика вообще» и «теория вообще».

В ходе этого исследования выясняется, что и та и другая формы в полной мере соответствуют родовым атрибутивным признакам «деятельности вообще» как целенаправленного, предметного, продуктивного, объективного в своем содержании процесса [38]. Любая из этих

---

[38] Ошибочна, по нашему убеждению, точка зрения, рассматривающая различие практического и духовного в свете основного вопроса философии, интерпретируя первичность практики как проявление первичности материального перед идеальным в общественной жизни. Ошибочность такого подхода становится ясной уже на уровне анализа форм социального действия, на котором социология должна: 1) зафиксировать нетождественность понятий «общественное сознание» и «духовное действие», рассматривая первое как универсальный механизм «деятельности вообще», в том числе и ее духовной формы; 2) рассмотреть духовное действие в свете инвариантных принципов организации «действия вообще» как синтез объективного (материального) и субъективного, в котором субъективное (механизмы целеполагания духовного действия) подчинено и определяется объективным (независящими от сознания потребностями и продуктах духовной активности). Переход к анализу «деятельности как взаимодействия» раскрывает новые аспекты объективности его духовной формы, проявляющиеся в существенной независимости общественных отношений, складывающихся как важней-

форм соответствует рассмотренным структурным, функциональным и динамическим определениям коллективной деятельности, что не исключает определенной специфичности их проявления (примером которой может служить отмеченная выше разнонаправленность субординационной связи между «вещными функциями» и «духовными значениями» в практической и духовной активности).

Не останавливаясь на сравнительном анализе названных форм «деятельности как взаимодействия», отметим, что социологическая наука не ограничивается их абстрактно-типологическим противопоставлением; дальнейшая конкретизация теории предполагает рассмотрение реальных опосредований, существующих между практической и духовной деятельностью и принимающих форму субординационной связи между ними. Однако перед тем как перейти к рассмотрению подобных опосредований, следует выделить еще одну пару классификационных определений коллективной деятельности, а именно *предметно-продуктивную* и *коммуникативную* ее формы. Подобная последовательность рассмотрения оправдана тем обстоятельством, что детерминационные связи выделенных классификационных пар в сущности аналогичны и могут быть рассмотрены параллельно.

Отличение предметно-продуктивной формы «деятельности как взаимодействия» от ее коммуникативной формы или деятельности общения связано с немалыми теоретико-методологическими трудностями, вызванными недостаточной разработанностью категории «общение», которая вызывает острые споры в теории исторического материализма. В частности, далеко не все ученые согласны с тем, что общение может рассматриваться как самостоятельный вид деятельности, с различных позиций критикуют эту посылку, которую мы кладем в основание выделения весьма важных форм совместной человеческой активности.

Так, определенная группа исследователей полагает, что категория «общение» характеризует не какой-то специфический вид деятельности, а общественные отношения, складывающиеся в ее процессе. Утверждается,

---

ший продукт духовной деятельности от имманентных ей средств регуляции в лице объективированных состояний общественного сознания.

что именно в таком значении данная категория использовалась основоположниками марксизма, при этом, однако, по-разному оценивается ее познавательное значение для современной науки[39].

Другие ученые, напротив, полагают, что общественные отношения (ни в безличной, ни в индивидуальной форме своего проявления) не могут отождествляться с общением по тем причинам, по которым любая *связь* не может отождествляться с порождающим ее *процессом*. Предлагается учитывать тот факт, что «в качестве синонима общественных отношений классики употребляли не термин «общение», а именно «форма общения»» [26, с. 22], понимая тем самым отношения как структурирующую процесс общения связь. Вместе с тем сама природа этого процесса понимается не одинаково, являясь объектом дискуссии между двумя основными точками зрения.

Представители одной из них рассматривают общение как процесс особой деятельности, занимающей законное место в системе форм социальной активности. Такая точка зрения развивается, в частности, М. С. Каганом, рассматривающим общение в качестве коммуникативной деятельности, отличной от тех форм, в которых активность субъекта тем или иным образом направлена на объект (независимо от того, что им может оказаться социальное образование, проявляющее в иных деятельных связях родовые свойства субъекта, как это происходит при воспитании, обучении и других субъект-объектных видах «обработки людей людьми», не соответст-

---

[39] Некоторые исследователи считают это понятие синонимом понятия «общественные отношения», который использовался классиками марксизма в условиях категориального синкретизма становящейся теории и потерял всякое самостоятельное значение для исторического материализма после того, как окончательно сформировалось «замещавшееся» им понятие. Другие ученые не соглашаются с такой точкой зрения, полагают, что преодоление начального синкретизма определений привело не к ликвидации категории «общение», но к превращению ее в видовую характеристику общественных отношений. К примеру, Л. П. Буева считает, что «в более поздних работах К. Маркс и Ф. Энгельс четче разграничивали эти понятия, употребляя термин «общение» уже для характеристики межличностных отношений, сущность которых они видели в «обработке людей людьми» [65, с. 116]. Соответственно общение понимается автором как «непосредственно наблюдаемая и переживаемая реальность и конкретизация общественных отношений, их персонификация, личностная форма» [Там же].

вующих признакам коммуникативной деятельности). В этом плане общением может считаться лишь «активность субъекта, направленная на других субъектов и не превращающая их в объект, а, напротив, ориентирующаяся на них именно как на субъектов» [134, с. 82]. Это означает, что в своей коммуникативной форме «человеческая деятельность выступает в виде взаимодействия равноправных величин — субъектов (если в этом взаимодействии участвуют и объекты, то только в качестве посредников)» [132, с. 46]. Не оценивая пока приведенной точки зрения, отметим, что сходный подход развивается М. С. Кветным, необходимость выделения самостоятельной деятельности общения отстаивается также М. В. Деминым, В. М. Соковниным и др.

Сторонники второй точки зрения, подобно М. С. Кагану, считают содержанием общения взаимодействие людей, однако приходят к противоположным выводам, рассматривая общение не как особую деятельность, а как универсальный процессуальный механизм совместной активности субъектов. Утверждается, что именно в этом значении категория «общение» использовалась К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые отождествляли ее с категорией «взаимодействие» и считали общением любой взаимный обмен действиями, в результате которого возникают общественные отношения (устойчивые «формы общения» или взаимодействия субъектов), само общество как «продукт взаимодействия людей» [1, т. 27, с. 402] или «продукт существовавшего до сих пор общения между самими индивидами» [Там же, т. 3, с. 71]. С этих позиций попытки выделения особой деятельности общения рассматриваются учеными как ошибочное стремление превратить всеобщее организационное условие совместной деятельности в ее классификационную форму. Не соглашаясь в принципе с этим утверждением, мы в то же время полагаем, что оно заслуживает пристального внимания, поскольку фиксирует одно из действительных значений, в котором категория «общение» употреблялась классиками марксизма, причем такое значение, которое на самом деле несовместимо с выделением общения в самостоятельную деятельность. Это обстоятельство не всегда в должной мере учитывается сторонниками подобного выделения, занимающими порой логически уязвимую позицию.

В самом деле, нельзя не видеть, что типологические

схемы деятельности, включающие в себя деятельность общения, отождествленную с процессом «взаимодействия вообще», с необходимостью нарушают принцип уровневой адекватности систематизируемых форм социальной активности. Мы видели, что на разных этапах восхождения от абстрактного к конкретному деятельность выступает сначала в своей «клеточной» форме социального действия, затем в виде коллективной «деятельности как взаимодействия». Важно учитывать, что каждый из этих относительно самостоятельных логических модусов имеет свои собственные типологические проявления, которые должны противопоставляться друг другу, но никак не типологическим определениям иного уровня абстракции. Это означает, что общение, представляющее собой форму совместной субъект-субъектной активности, не должно получать в качестве рядоположенных классификационных «партнеров» такие формы деятельности, которые развертываются в «теоретическом пространстве» возможных отношений субъекта и объекта, не опосредованных никакими субъект-субъектными связями, отвлеченных от них. Следует учитывать, что типология подобных форм, представляющих собой, по сути дела, явления социального действия, осуществляется до, а не параллельно с типологическим анализом «деятельности как взаимодействия», на уровне которого впервые можно говорить о феномене общения.

Вместе с тем смешение разноуровневых типологических определений деятельности является, по сути дела, вынужденной ошибкой для всех ученых, стремящихся выделить деятельность общения, отождествляя ее в то же время с «взаимодействием вообще», не уточняя, какой именно вид взаимодействия представлен в ней. Дело в том, что понимаемое подобным образом общение может отличаться от противопоставляемых ему «некоммуникативных» субъект-объектных форм активности лишь до тех пор, пока последние берутся как проявления деятельной способности абстрактного изолированного субъекта. Так, действия индивида, распиливающего бревно, наглядно отличаются по своей структурно-функциональной организации от общения как взаимодействия, что и фиксируется многими классификационными схемами. Однако нужно учитывать, что это отличие исчезает сразу, как только место индивидуальной субъект-объектной активности занимает та же самая по-

своим целям и задачам коллективная деятельность, в нашем примере — распиливание бревна при помощи двуручной пилы совместно работающими индивидами. Ясно, что такая деятельность, несмотря на свою явную объектную направленность, уже не может противопоставляться общению как взаимодействию, поскольку подобное общение, выражающееся во взаимном обмене усилиями в процессе воздействия на объект, становится внутренним условием, механизмом ее осуществления. В этом плане любая совместная активность является коммуникативной в силу абсолютной неотделимости от подобного общения-взаимодействия, которое, как показано ранее, представляет собой сущностное определение коллективной «деятельности вообще» и как всякая сущность не может быть отождествлена с формами ее существования. Поэтому попытки «подыскать» для субъект-субъектного взаимодействия некоторую исключительную, «монопольную» форму деятельностного воплощения, ничуть не менее ошибочна, чем попытка рассматривать обмен веществ как самостоятельную форму жизни и пр.

Таким образом, считая общением любое взаимодействие субъектов коллективной деятельности[40], мы лишаем его реальных классификационных альтернатив в системе видов социальной активности, а вместе с этим и права считаться одним из таких видов. Однако сви-

[40] Этот ошибочный подход проявляется в нашей литературе в различных формах. К примеру, утверждается, что «знаковые системы должны быть рассмотрены как специфические образования, предназначенные для обслуживания практики человеческого общения» [132, с. 46]. В другом случае ученые считают, что «общение представляет собой процесс самодеятельности индивидов, в ходе которого происходит формирование общественных отношений» [126, с. 12]; утверждается, что «отношения кристаллизуются из общения как деятельностного процесса путем закрепления типичных форм последнего опосредующими его нормами и социальными институтами» [26, с. 22]. Все приведенные высказывания совершенно справедливы при условии, что общение, отождествленное с взаимодействием, рассматривается как внутренний механизм коллективной деятельности. Однако они несовместимы с выделением самостоятельной деятельности общения, на чем настаивают цитированные авторы. Следует учитывать, что знаковые системы являются необходимым структурным элементом любой коллективной деятельности, а вовсе не специфическим атрибутом коммуникативной активности; что же касается общественных отношений, то они порождаются взаимодействием субъектов как таковым, отнюдь не связаны монопольно со специальной деятельностью общения.

детельствует ли это о безоговорочной правоте ученых, считающих определение «коммуникативная деятельность» синонимом понятия коллективной деятельности, а саму коммуникацию универсальным условием последней? Является ли такое понимание общения единственно возможным?

Давая отрицательный ответ на эти вопросы, мы присоединяемся к мнению ученых, считающих, что в произведениях классиков марксизма содержатся все необходимые указания, позволяющие установить более узкое значение категории «общение», в котором оно выступает не как синоним взаимодействия, а как одна из его возможных форм, вернее, форм основанной на взаимодействии коллективной деятельности. Принципиально важным в этом плане мы считаем проводимое в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» различение двух форм общения, в одной из которых оно осуществляется в виде «обмена деятельностей и способностей» между субъектами одного и того же производственного акта, а в другом — в виде обмена готовыми продуктами производства. Концептуальное осмысление, обобщение различий между этими конкретными процессами, на наш взгляд, позволяет успешно решить поставленную задачу: выделить самостоятельную деятельность общения, имеющую реальную классификационную альтернативу в лице предметно-продуктивной деятельности, рассмотреть и ту, и другую как явления совместной деятельности людей, порожденные вариативностью ее сущностного определения — социального взаимодействия.

Связывая отличие названных форм с характером происходящего в их рамках взаимодействия, мы полагаем, что в случае с предметно-продуктивной деятельностью оно осуществляется в виде взаимного обмена «живыми» действиями, усилиями в процессе коллективного воздействия на объект, превращающего его в продукт совместной деятельности. Ясно, что такая форма деятельности не ограничивается лишь материальным производством, на примере которого она главным образом рассматривалась К. Марксом. Она имеет многообразные конкретные проявления, характеризует любой вид активности, в котором осуществляется добровольное или принудительное сотрудничество субъектов, имеющее целью создание так или иначе удовлетворяющего их потребности продукта независимо от того, яв-

ляются ли им социальные вещи, субъекты, общественные отношения или духовные значения.

Коммуникативная деятельность, как и предметно-продуктивная, предполагает взаимодействие, взаимные усилия субъектов, которые, однако, направлены не на совместное создание продукта, но на обмен ранее созданными, готовыми продуктами, «выпавшими» из породивших их деятельностей (или совместной деятельности, как это происходит в случаях, когда завершившие ее участники совершают обмен полученными долями ее распределенного продукта).

Подчеркнем сразу, что логически непротиворечивое разведение названных форм коллективной деятельности требует уточнить смысл, вкладываемый в определение «готовый продукт». Дело в том, что «живые» действия, которыми обмениваются участники предметно-продуктивной деятельности, уже при простейшей ее функциональной дифференциации (выполнении разнокачественных операций) вполне способны воплощаться в отдельные предметы, кажущиеся вполне готовыми с точки зрения создавшей их частной функции. Вместе с тем циркуляция подобных предметов в процессе предметно-продуктивной деятельности отнюдь не снимает ее типологического отличия от коммуникативной деятельности, поскольку циркулирующие предметы в действительности не могут рассматриваться в качестве готовых. Готовым продуктом любой социальной деятельности может считаться лишь такой продукт, который способен прямо удовлетворять вызвавшую ее потребность субъекта (субъектов). Ясно, что в случае с предметно-продуктивной деятельностью удовлетворение потребностей ее участников опосредовано созданием конечного продукта, который в силу этого является единственно готовым для них. Что же касается циркуляции функционально несамостоятельных частей такого конечного продукта (и средств его создания), то она представляет собой не более, чем техническое условие, внутренний механизм предметно-продуктивной активности (включающей в себя, как мы увидим ниже, отдельные субстанционально несамостоятельные коммуникативные акты).

Таким образом, сам по себе обмен продуктами человеческих действий не означает, что осуществляющие его субъекты находятся в процессе коммуникативного и никакого другого взаимодействия. Надо учитывать,

при каких условиях совершается такой обмен, осуществляется ли он между совместно производящими или свободными от совместного производства субъектами, вступающими в деятельную связь лишь после того, как закончился определенный цикл их предметно-продуктивной активности (безразлично совместной или раздельной). В этом плане собственно коммуникативной является деятельность, ведущая к прямому удовлетворению потребностей, вызвавших общение субъектов, без всякого предметно-продуктивного взаимодействия между ними, лишь путем обмена готовыми продуктами (в роли которых могут выступать предметы, не имеющие самостоятельной потребительной стоимости, — сырье, энергия и пр.; единственным критерием их «готовности» является способность непосредственно удовлетворять инициальные, обусловившие необходимость обмена взаимоположенные потребности субъектов, даже если это потребность в «полуфабрикатах», перерабатываемых в последующем цикле предметно-продуктивной активности).

Приведенное выше различие предметно-продуктивной и коммуникативной деятельности имеет чисто функциональный характер и должно быть дополнено целевым, в соответствии с которым целевой доминантой первой из названных форм является *создание*, а второй — *получение* потребных субъекту продуктов (из рук другого субъекта). Возможность и необходимость такого получения свидетельствуют, по Марксу, об универсальной природе человеческой деятельности — специфическом признаке, отличающем ее от жизни животных, в которой «не бывает, чтобы слоны производили для тигров, вообще чтобы одни животные производили для других» [1, т. 46, ч. I, с. 189]. Напротив, в обществе «потребность одного может быть удовлетворена продуктом другого и vice versa... один может произвести предмет, являющийся потребностью другого... — все это доказывает, что каждый индивид в качестве *человека* выходит за пределы своей особой потребности и т. д. и что они относятся друг к другу как люди...» [Там же][41].

---

[41] Связывая коммуникативную деятельность со способностью субъекта удовлетворять потребности путем получения необходимых продуктов у другого субъекта, следует учитывать, что такое получение далеко не всегда осуществляется в форме добровольного, обоюдно выгодного обмена, способно принимать форму насильственного

Правомерность подобного различения предметно-продуктивной и коммуникативной форм, в которых «является» социальное взаимодействие как сущностное определение коллективной деятельности, требует особого обоснования. Прежде всего следует ответить на вопрос: соответствуют ли выделенные формы всем необходимым определениям «деятельности вообще», могут ли они рассматриваться в качестве деятельностного процесса? В случае с предметно-продуктивной формой такое соответствие является очевидным, если учесть, что в ее организации воспроизводятся все без исключений признаки социального действия (которое в силу единичности осуществляющего ее субъекта может иметь лишь предметно-продуктивный, но не коммуникативный характер), кроме того, все сказанное выше о природе «деятельности как взаимодействия» иллюстрировалось нами на примере именно этой исходной формы. Вместе с тем взаимный обмен субъектов продуктами своей деятельности, по нашему убеждению, также соответствует всем родовым признакам «деятельности вообще» и специфическим признакам коллективной деятельности, что можно показать на примере любой из форм активности, представляющей собой конкретно-социологическое воплощение коммуникации.

Одной из таких форм, достаточно полно воплощающих в себе абстрактные признаки типа коммуникативной активности, может считаться торговля, несомненно соответствующая всеобщим атрибутивным характеристикам целенаправленной, предметной, объективной и т. д. деятельности. Структурная организация рассматриваемой формы вполне подчиняется принципам строения «деятельности как взаимодействия»: так, торговля имеет своих субъектов (будь то индивиды или интегративные субъекты в лице торгующих организаций и целых стран); свою объектную сторону, в составе которой выделяются разноспециализированные вещи и духовные значения (практические и духовные средства обеспечения торговой деятельности, а также «целевые» объекты

изъятия. Тем не менее даже акт грабежа соответствует в принципе признакам коммуникативной деятельности, несмотря на всю специфику совершающегося «обмена», на одном из полюсов которого субъектом движет не стремление приобрести необходимый продукт, но желание не потерять нечто более существенное, имеющееся у него.

в лице продаваемых и покупаемых практических и духовных предметов); наконец, процесс торговли предполагает существование многообразных социальных связей, в том числе общественных отношений между субъектами, приобретающими статус продавца и покупателя (производственно-технический аспект), вступающими в отношения эквивалентного и неэквивалентного, добровольного или принудительного обмена (социально-экономический аспект).

В плане своей функциональной организации анализируемая нами торговая деятельность осуществляется по ранее рассмотренной формуле взаимодействия: вызывается взаимообусловленными объективными потребностями субъектов, предполагает наличие совместной цели, идеальной программы действий, коллективной воли к ее осуществлению, наконец, ее операциональной реализации. «Товары, — писал в этой связи К. Маркс, — не могут сами отправляться на рынок и обмениваться... Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный» [1, с. 23, с. 94].

Сказанное иллюстрирует несомненное субстанциональное родство предметно-продуктивной и коммуникативной деятельности, которое, однако, не исключает видовых различий между ними. Природа таких различий не всегда верно передается учеными, стремящимися выделить коммуникативную деятельность, чем в немалой степени объясняется острая дискуссионность проблемы.

Так, нередко качественную специфику коммуникативной активности пытаются объяснить такими особенностями ее субъект-объектной организации, которые ставят под сомнение инвариантные структурные определения взаимодействия вообще, подчиняющие себе любые из его форм. Утверждается, к примеру, что «объектами деятельности общения служат сами субъекты», в то время как вещи и духовные значения «если и выступают объектами, то не общения как деятельности, а отдельных составляющих ее действий» [26, с. 20]. Рациональным в этом мнении является констатация известного

взаимопересечения предметно-продуктивного и коммуникативного типов активности, в соответствии с которым коммуникативная деятельность включает в себя определенные манипуляции с обмениваемыми объектами, имеющие предметно-продуктивный характер (простейшим примером может служить транспортировка товаров как внутренний организационный момент их купли-продажи). В этом плане следует учитывать тот упоминавшийся факт, что «субъект-субъектное отношение существует не отдельно и не наряду с отношениями субъект-объектными, а включает в себя целую сложную систему последних» [290, с. 35]. Однако все это не дает никаких оснований утверждать, что коммуникативный процесс лишает явления социокультурной предметности присущего им статуса объектов деятельности, превращая в таковых ее субъектов.

Подтверждение такой точки зрения пытаются найти в некоторой целевой доминанте общения, согласно которой якобы «все интересы общающихся субъектов сфокусированы на них самих, а не на предмете-носителе, посреднике» [26, с. 20]. Соответственно альтернативой коммуникативной деятельности считают даже не предметно-продуктивную, но предметно-направленную деятельность, поскольку считается, что общение, имея своей целью субъектные элементы, придает лишь им характер «целевого объекта», не делая таковым предметы — вещи и значения.

Это утверждение также содержит в себе определенную долю истины, поскольку мы должны признать, что конечной целью любой деятельности является не предмет сам по себе, а удовлетворение потребности субъекта, достигаемое с помощью такого предмета, что делает его лишь промежуточной, опосредованной целью социальной активности. Но, учитывая эту оговорку, следует признать ошибочными любые попытки «освободить» коммуникативную деятельность от подобных «предметных целей», рассмотреть предметы как функциональные средства общения без целевого значения.

В действительности коммуникативная деятельность является не просто предметной, но и предметно-направленной, как и любая другая социальная активность. Это значит, что общение субъектов (даже применительно к самым личным формам, таким, к примеру, как любовь, если понимать под ней не эмоциональное состояние, но

определенную форму поведения людей) не самоцельно, не является взаимодействием ради взаимодействия, как в этом убеждены некоторые специалисты. Как и во всякое другое взаимодействие, человек вступает в общение, влекомый «частным интересом», с целью удовлетворения присущих ему потребностей (будь то потребность в материальных средствах существования или духовная, «экзистенциальная» потребность любить и быть любимым). Как и во всякой реальной деятельности, потребности, вызывающие общение людей, могут быть удовлетворены лишь предметным способом, при помощи определенных предметных средств такого удовлетворения (другое дело, что им оказываются не только вещи, но и такие специфические духовные значения, как, скажем, поведенческие реакции партнера по взаимодействию, имеющие, как уже отмечалось, предметный характер для воспринимающего их субъекта). Получение таких предметных средств (для покупателя — определенного товара, для дискутирующего ученого — объективированного мнения оппонента и т. д.) является важнейшей целью общения, как и деятельности вообще, в чем проявляется ее продуктивный характер как способность приносить необходимые для удовлетворения инициальных потребностей продукты. Специфика коммуникативной формы связана лишь со способом их получения, каковым является обмен уже готовыми предметными средствами, а не участие в совместном процессе их создания, что характерно для предметно-продуктивной деятельности. Ясно, что такая постановка вопроса, представляющаяся нам единственно возможной, исключает неоправданную «объективизацию» субъектов общения, которые остаются (как и во всякой деятельности) носителями целенаправленной активности, имеющей свои «предметные цели», отнюдь не тождественные субъектным элементам коммуникации и выступающие в качестве полноправных объектов последней.

Могут быть названы и другие ошибочные попытки «структурной спецификации» общения, связанные, к примеру, со стремлением свести все объектные элементы последнего лишь к знакам, символическим объектам. Результатом становится неправомерная абсолютизация специфики духовного общения, в котором обмен символическими объектами является как средством, так и целью коммуникации, что, однако, не «освобождает» ее

развитые формы от обеспечивающих процесс «вещных функций». Что же касается практических форм общения, то в них знаковые системы играют уже чисто служебную роль, в то время как целью становится обмен несимволическими вещными объектами, которые никак не могут быть элиминированы из структуры коммуникативной деятельности.

Вместе с тем между предметно-продуктивной и коммуникативной деятельностью существуют реальные структурные различия, к числу которых относится прежде всего видимое различие в способах соединения субъектной и объектной сторон взаимодействия.

В случае с предметно-продуктивной деятельностью этот способ идентичен рассмотренному выше способу субъект-объектной организации социального действия. Это означает, что структурными полюсами деятельности являются, с одной стороны, объединенные взаимодействием субъекты, а с другой — совместно изменяемый объект, превращающийся в итоге в единый для участников, распределяемый между ними готовый продукт. В случае же с коммуникативной активностью полюсами деятельности становятся сами субъекты, между которыми циркулируют объекты, составляющие уже не одни-единственный, а самостоятельные продукты взаимодействия. Вместе с тем это различие не выходит за рамки родовых принципов организации коллективной деятельности: оно не превращает субъектов в объекты; не лишает объекты статуса целевого продукта взаимодействия; не делает связь между субъектами случайной, т. е. неопосредованной процессом удовлетворения взаимоположенных потребностей; не отменяет необходимость деятельностной интеграции субъектов (хотя последняя и не превращает их в единое целое, противостоящее единому объекту) и т. д.

Объем настоящей работы не позволяет нам подробно рассмотреть организационную специфику выделенных форм коллективной деятельности. Важно отметить другое: как и в случае с практической и духовной формами «деятельности как взаимодействия», социологическая наука не останавливается на абстрактно-типологическом противопоставлении предметно-продуктивной и коммуникативной активности, переходя в дальнейшем к исследованию их детерминационной взаимозависимости. При этом выясняется, что такая зависимость в значи-

тельной степени совпадает с характером взаимоопосредований, существующих между практическим и духовным видами коллективной деятельности, что позволяет поставить вопрос о выделении некоторых общих принципов соотношения ее форм. Одним из таких принципов является принцип их композиционного взаимопересечения, выступающий, в частности, как способность каждой из выделяемых форм так или иначе включать в себя определенные акты альтернативной формы деятельности.

Иллюстрируя эту способность на примере соотношения практической и духовной форм, подчеркнем, что речь в данном случае идет не только о включении в них отдельно взятых действий альтернативного типа, но и о взаимопересечении одноуровневых типологических определений коллективной деятельности, когда, к примеру, совместная активность субъектов, направленная на перестройку реальной среды существования, имеет своим организационным условием осуществление ими также совместных актов духовной деятельности, направленных на создание необходимых духовных значений. Отметим, что приведенный пример характеризует тот случай композиционного взаимопересечения, когда его необходимость выявляется уже на уровне «чистых» абстрактно взятых форм коллективной деятельности, поскольку совместная практическая активность как таковая в любом из своих проявлений непредставима без выработки общей цели, плана действий, согласования общей и частных задач участников, что осуществляется в процессе «коллективного мышления» субъектов. Такая модель взаимопересечения не является универсальной, ибо в других случаях абстрактная типология форм совместной деятельности сама по себе еще не выявляет необходимости их пересечения, становящейся очевидной лишь на уровне конкретных видов деятельности, в которые воплощаются абстрактно выделенные типы. Так, элементарный обмен мнениями вполне соответствует всем атрибутивным признакам совместной духовной (коммуникативной) деятельности, несмотря на то, что не предполагает с логической необходимостью практическое взаимодействие осуществляющих его субъектов. Вместе с тем необходимость такого обмена не вызывает никакого сомнения, когда мы рассматриваем не простейшие акты, а реальные формы духовной деятельности, к примеру, ки-

нопроизводство, экспериментальную науку и пр. В данном случае композиционное взаимопересечение практической и духовной деятельности с наглядностью снимает ту абстрактную противоположность реального изменения и духовного отображения действительности, которая фиксировалась на уровне явлений социального действия, делает возможным использование таких «гибридных» определений, как духовно-практическая и практически-духовная деятельность.

Аналогичным образом дело обстоит с композиционным пересечением предметно-продуктивной и коммуникативной форм «деятельности как взаимодействия». И в данном случае следует учитывать, что элементарные формы предметно-продуктивной деятельности — скажем, совместная переноска тяжести — не предполагают сами по себе особых организационно выделенных актов коммуникативного взаимодействия субъектов; точно так же простейшие проявления коммуникативной активности далеко не во всех случаях имеют своим логическим условием предметно-продуктивное взаимодействие осуществляющих их субъектов (хотя непредставимы без отдельно взятых предметно-продуктивных действий). Тем не менее наука убеждается в реальности композиционного пересечения названных типов при первых же попытках рассмотрения их конкретно-социальных воплощений. Выделяемые при этом формы совместной деятельности уже не могут быть «чисто» коммуникативными или предметно-продуктивными, что показано К. Марксом на примере предметно-продуктивной деятельности собственно производства (производства в узком смысле слова), которая включает в себя коммуникативные акты обмена продуктами труда, поскольку такой обмен «есть средство для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления» [1, т. 12, с. 725].

Признавая факт композиционного взаимопересечения соотносительных форм коллективной деятельности, следует особо отметить, что оно ни в малейшей степени не отменяет их типологической автономии. В этом плане любые сколько угодно конкретные воплощения выделенных типов сохраняют свойственные им целевые доминанты, включая альтернативные формы на правах субстанционально несамостоятельных актов, которые по самому характеру воплощенной в них активности не

способны прямо удовлетворять вызвавшие данную деятельность потребности [42].

Характеризуя принцип композиционного взаимопересечения форм коллективной деятельности, следует особо подчеркнуть, что он характеризует соотношения отнюдь не только альтернативных форм: практической и духовной, предметно-продуктивной и коммуникативной. В действительности в отношениях взаимопересечения находятся все выделяемые формы, в результате чего возникают такие «гибриды», как практическая предметно-продуктивная, духовная предметно-продуктивная, практическая коммуникативная, духовная коммуникативная формы социальной активности. Каждая из них воплощает в себе родовые признаки «деятельности как взаимодействия», специфические признаки ее взаимопересекающихся основных типов и одновременно находит свои собственные воплощения среди конкретных видов общественной деятельности. Исследование таких видов, естественно, не является собственной задачей уровня типологического анализа явлений коллективной деятельности. На этом уровне социология рассматривает не реальные формы их композиционного пересечения (приведенные выше в иллюстративных целях), а его логическую возможность и наиболее общие принципы, что имеет первостепенное методологическое значение для дальней-

---

[42] В результате не вызывает проблем отличение, к примеру, науки как духовной по своим целям коллективной активности, в которой совместные практические акции (эксперименты) играют чисто служебную роль, от материального производства как практической деятельности, в которой, напротив, служебную роль играют акции «коллективного мышления». Точно так же постройка дома бригадой рабочих как предметно-продуктивная деятельность, в ходе которой осуществляется коммуникативный взаимообмен воплощенными в предметах разноспециализированными действиями, вполне отличима от торговли, которая сохраняет статус коммуникативной деятельности, несмотря на наличествующие в ней «подсобные» акты предметно-продуктивного взаимодействия субъектов. Сложнее обстоит дело с различением предметно-продуктивной и коммуникативной форм духовной деятельности, хотя и в этом случае мы можем отличить совместное творчество ученых, создающих общий духовный продукт и прибегающих в процессе его создания к коммуникативному обмену «промежуточными» результатами, от обмена уже готовыми продуктами деятельности, предполагающего в то же время предметно-продуктивное взаимодействие, совместный поиск истины, без которого не обходится никакая творческая конференция, симпозиум и прочие институциональные образования коммуникативной деятельности.

шей конкретизации субстанции деятельности (прежде всего для правильного понимания законов организации общественного производства, в котором выделенные типы синмаются новым синтезом) [43].

Вместе с тем принцип композиционного взаимопересечения отнюдь не исчерпывает собой все формы связи между выделенными основными типами «деятельности как взаимодействия». Рассмотренный принцип исходит из наличия координационной связи между альтернативными типами, которая в действительности лишь дополняет основное субординационное отношение, существующее между практической и духовной, предметно-продуктивной и коммуникативной деятельностью, исследование которого имеет огромную важность для науки.

Наиболее изученным в марксистской литературе является вопрос о субординационной зависимости между практической и духовной формами деятельности. Такая зависимость имеет несколько аспектов своего проявления, одним из которых выступает генетический, фиксирующий субординационную связь между названными формами в процессе их становления как самостоятельных типов коллективной деятельности. В этом плане теория исторического материализма исходит из идеи генетической первичности практики, выраженной К. Марксом и Ф. Энгельсом в следующих словах: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жиз-

---

[43] Случаи ошибочной типологизации конкретных форм деятельности имеют своей основной причиной не «синкретизм» реальных процессов, но неточность исходных общеметодологических установок. К примеру, М. С. Каган считает реальной формой коммуникативной деятельности «широкий диапазон игр» [132, с. 51], хотя на самом деле они относятся, как мы полагаем, к предметно-продуктивному типу социальной активности. Ошибка возникает в результате упомиавшегося выше отождествления коммуникации с процессом «взаимодействия вообще». Фиксируя факт взаимодействия игроков, автор не учитывает, что оно, по сути дела, ничем не отличается по своему типу от взаимодействия рабочих, строящих дом: и в том, и в другом случае в процессе взаимообмена «живыми» усилиями субъекты совместно создают некоторый, пусть невещественный продукт, удовлетворяющий их многообразные потребности (таким продуктом может быть укрепляемое здоровье, развлечение, деньги, если речь идет о профессиональных игроках и т. д.).

ни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порожденнем материального отношения людей» [1, т. 3, с. 24].

Естественно, такая генетическая субординация не означает, что между выделенными типами деятельности существуют отношения абсолютной, хронологически измеряемой разновременности возникновения. В действительности ни на одном этапе своего существования социальная деятельность не может рассматриваться как «чисто» практический процесс в смысле полного отсутствия в ней альтернативной формы коллективной активности. Выше мы видели, что в соответствии с принципом композиционного взаимопересечения практическая деятельность логически невозможна без духовной активности, выступающей при этом не в виде отдельно взятых духовных действий (тем более не в форме имманентных им актов «чистого» мышления), а как духовное взаимодействие субъектов, преследующее цели совместного создания необходимых символических объектов. Вместе с тем логическая взаимоположенность практической и духовной деятельности не означает, что они изначально существуют в качестве организационно автономных форм. На самом деле тип духовной активности на ранних этапах общественной жизни представлен субстанционально несамостоятельными актами, не выходящими за рамки внутреннего организационного момента доминантного типа практической деятельности. Это означает, что духовное взаимодействие осуществляется самими практически действующими субъектами, «готовым» продуктом для которых являются не создаваемые духовные значения, а получаемые с их помощью практические объекты. Лишь позднее с разделением физического и умственного труда «сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» [1, т. 30, с. 30]. Это следует понимать как превращение духовной активности в организационно самостоятельный тип «деятельности как взаимодействия», осуществляемый специализирующимися в этой области субъектами, для которых получаемые духовные продукты выступают уже в качестве «готовых», самоцельных, непосредственно удовлетворяющих вызвавшие совместную деятельность потребности.

В то же время генетический аспект соотношения практической и духовной деятельности отнюдь не исчерпывает собой всей полноты их субординационных связей. В этом плане организационное обособление духовной активности не означает, что она приобретает равные права с практикой, «избавляется» от детерминационной зависимости, которая в действительности меняет лишь форму своего проявления. Исторически универсальный характер этой зависимости определяется тем фундаментальным фактом, что мышление людей в своей основе отнюдь не самоцельно, но представляет собой прежде всего функциональный механизм жизнеобеспечивающей адаптации субъектов к окружающей среде, что осуществляется путем деятельного изменения как самой среды, так и субъектов (в той мере, в какой последний процесс носит не спонтанный, но целенаправленный характер). Именно в этом исторически возникшем способе существования социального лежат наиболее глубокие истоки генезиса общественного сознания[44], важнейшие причины его развития, которое происходит под непосредственным влиянием актуальных потребностей практической жизни, требующих своего целенаправленного решения. Естественно, что такая зависимость соответствующим образом сказывается на производящей сознание духовной деятельности, получающей достаточно жесткий целевой «заказ» на характер своей «продукции», которая сразу же используется людьми для решения жизнеобеспечивающих практических задач, будь то первоочередные задачи материального производ-

---

[44] Как справедливо отмечает Э. С. Маркарян, «проблема сознания, если рассматривать ее в генетическом плане, — это прежде всего проблема стимулов его выработки, а эти стимулы... явились результатом установления особого активно-приспособительного отношения к окружающей среде... Потребность в целенаправленных действиях может возникнуть лишь там, где возникает проблема выбора, где отношения к предметам, с которыми сталкивается субъект, непрестанно изменяются... Эти условия не могут возникнуть при непосредственно-потребительском отношении к окружающей среде в силу консервативности этих отношений, характеризующихся тенденцией воспроизведения одной и той же структуры поведения. Поэтому возникновение сознания стало возможным лишь тогда, когда в силу создавшихся условий появилась необходимость вступить на путь установления качественно нового опосредовано-производительного, трудового отношения к природной среде» [194, с. 29].

ства, производства человека или социального управления[45].

Подобная субординационная зависимость (по типу «цель — средство»), имеющая важнейшее значение для понимания дальнейшего концептуального движения науки, не ограничивается соотношением практической и духовной форм совместной деятельности людей, а реализуется и в отношениях предметно-продуктивного и коммуникативного ее видов. И здесь социологическая наука фиксирует связь генетической зависимости — первичности предметно-продуктивной деятельности, разделение которой является причиной и движущей силой организационного обособления общения как объективно необходимого процесса взаимообмена продуктами отделяющихся друг от друга форм предметно-продуктивной активности.

И в данном случае такая генетическая зависимость не означает, что вторичный, производный тип социальной активности на определенном этапе человеческой истории может оказаться «необязательным». В действительности предметно-продуктивное взаимодействие, «свободное» от всякой коммуникативной активности, возможно лишь в простейших случаях взаимообмена усилиями в рамках совместного выполнения субъектами совершенно однородных действий, когда, по словам К. Маркса, «много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие» [1, т. 23, с. 337]. Что же касается человеческой истории, то она с самого начала предполагает формы разделения труда, которые неотде-

---

[45] Из сказанного не следует, что все без исключения продукты духовной деятельности должны рассматриваться как подчиненные практическим задачам функциональные средства. В ряде случаев такие продукты имеют самостоятельное целевое значение не только для их создателей, но и для использующих их «субъектов-потребителей», как это имеет место с произведениями искусства, удовлетворяющими субстанционально самостоятельные потребности людей в восприятии прекрасного. Однако и в этом случае самостоятельная ценность искусства отходит на второй план под давлением «более актуальных» (но не «более объективных») потребностей практической жизни, относительно которой искусство выступает прежде всего как эффективное средство социализации субъектов — одной из практических форм общественного производства.

лимы ни исторически, ни логически от коммуникативной деятельности [46].

Точно так же, как и в случае с практической и духовной деятельностью, генетическая первичность предметно-продуктивной активности перед коммуникативной оказывается «частным случаем» общей детерминационной зависимости, исторически универсального соподчинения названных форм. При этом вторичность коммуникативной деятельности отнюдь не означает, что она лишена всякой «целевой» автономии; выше уже отмечалось, что коммуникативный обмен между субъектами, выходящий за рамки взаимообмена «живыми» усилиями, в конечном счете преследует ту же самую цель удовлетворения социальных потребностей, что и предметно-продуктивная форма деятельности, хотя и достигает ее иным образом. Однако это обстоятельство не отменяет очевидного неравноправия рассматриваемых форм, вытекающего из того факта, что продукты человеческой деятельности могут стать предметом обмена лишь после того, как они созданы совместной активностью людей, а сама необходимость и способы такого обмена определяются логикой развития предметно-продуктивной деятельности, принятыми способами ее осуществления.

Анализ конкретного содержания субординационной зависимости выделенных типов «деятельности как взаимодействия» (как и исследование реальных проявлений их композиционного пересечения) выходит за рамки анализируемой стадии конкретизации социальной деятельности. Вместе с тем признание такой зависимости и изучение наиболее общих принципов ее осуществле-

---

[46] При этом в одних случаях, когда разделение труда принимает самую элементарную форму разделения операций в рамках одного и того же предметно-продуктивного процесса (скажем, охоты), коммуникативная деятельность представлена актами взаимообмена «промежуточными» продуктами и при этом еще не достигает своей организационной автономии. В других случаях разделения самостоятельных видов производственной деятельности (половозрастное разделение труда) и обмена их готовыми продуктами коммуникативная деятельность приобретает организационную обособленность (несмотря на то, что на начальных этапах истории она еще не требует профессиональной специализации субъектов, как это происходит в дальнейшем, когда прогрессирующее разделение предметно-продуктивных форм активности порождает особые «коммуникативные» профессии).

ния имеют большое значение для дальнейшего концептуальиого развития социологии. Оно подготавливает восхождение на новую ступень восхождения от абстрактиого к конкретному, на которой классификационные различия практической и духовной, предметно-продуктивной и коммуникативной активности теряют свою абсолютность не только в аспекте композиционного взаимопересечения данных форм, но в плане полного снятия их абстрактно-типологической противоположности, что иевозможно на уровне исследования коллективиой деятельности как таковой. Эта возможность возникает лишь с конкретизацией определения «деятельности как взаимодействия» до определения «общественное производство», относительно которого рассмотренные типы коллективной деятельности выступают уже в виде снятых взаимоположенных моментов. В заключении данной работы наметим основные контуры такого перехода и последующего концептуального саморазвития исторического материализма, подробное рассмотрение которого мы иадеемся осуществить в дальнейшем.

Вместо заключения. Основные этапы дальнейшей конкретизации субстанционального определения теории: «общественное производство», «общественная жизнь», «история»

Рассмотренная выше стадия исследования «деятельности как взаимодействия», будучи чрезвычайно важной для социологии, далеко не исчерпывает ее предметной задачи, предполагает существенную конкретизацию, которая позволила бы перейти к изучению законов общественной жизни как целостного процесса во всем богатстве его содержания. Дальнейшее концептуальное движение теории мы связываем с переходом от изучения наиболее общих структурных принципов, функциональных и динамических механизмов деятельности как «предметообразующего» процесса, в котором слиты воедино производство и потребление, не установлена специфика опосредующих их звеньев, к выяснению реальных способов и условий, при которых деятельность достигает своей основной цели — обеспечения жизненного процесса совместно действующих людей. Рассмотренная в этом ракурсе деятельность предстает перед нами как общественное производство, являющееся сущностным признаком социальной субстанции.

Переход к определению общественного производства предполагает значительную конкретизацию всех ранее установленных определений социальной деятельности, и прежде всего представлений о конечной цели ее осуществления. Ранее было установлено, что причиной, вызывающей и определяющей содержание деятельности людей, являются порождаемые средой их существования объективные потребности, которые должны быть удовлетворены целенаправленной продуктивной активностью. Тем самым теория устанавливала две взаимосвязанные цели осуществления деятельности: 1) «промежуточную», «объектную», содержанием которой является создание или получение (с чем связана типология форм совместной продуктивной активности) необходимых для удовлетворения потребностей предметов; 2) основную «субъ-

ектную», каковой является сама необходимость удовлетворения вызвавшей деятельность потребности [1].

В ходе дальнейшей конкретизации выясняется, что установленная «субъектная» причина абстрактно взятого взаимодействия имеет более глубокое основание, до сих пор не акцентировавшееся социологией, изучавшей наиболее общие механизмы деятельности безотносительно к ее подлинно конечной причине. Имеется в виду тот факт, что опосредованное наличием предметов удовлетворение потребностей есть не самоцель, а средство деятельностного процесса, в ходе которого субъекты производят и воспроизводят самих себя в качестве конечных продуктов своей деятельности. Обращаясь к исследованию механизмов этого процесса, взятых во всей их сложности, дифференцированности и взаимоопосредованности, исторический материализм конкретизирует определение деятельности до определения общественного про-

---

[1] При этом социологическая теория исходила из простейшей логически возможной ситуации, когда удовлетворение потребности субъектов осуществляется одновременно с созданием (или получением) продукта, способного к такому удовлетворению, не опосредованному специальными деятельностными процессами. Естественно, сказанное нельзя понимать так, будто бы анализ «деятельности как взаимодействия» тождествен исследованию законов собственно производства (и обмена) производимых продуктов, оставляя «на потом» изучение процессов их потребления. В действительности определения производства, распределения, обмена и потребления взаимополагают друг друга и вводятся наукой на одном и том же, а не на разных уровнях теоретического обобщения. В этом плане анализ «деятельности как взаимодействия», взятой в ее сущности и явлениях, имеет дело не с производством и обменом, а с абстрактно-типологическими формами предметно-продуктивной и коммуникативной деятельности, конкретизирующими свойственный ей атрибутивный признак продуктивности, не доводя, однако, такую конкретизацию до изучения специфических законов общественного производства. Достаточно сказать, что на рассмотрением уровне социология еще не способна усмотреть какие бы то ни было различия между производством и потреблением (являющимся самостоятельной деятельностью, когда ее объектами выступают, как и в случае с общением, «готовые», а не «промежуточные» относительно инициальных потребностей предметы). Такие различия не могут быть установлены, поскольку и та и другая деятельность осуществляется по одним и тем же законам, относятся к одному и тому же предметно-продуктивному типу деятельности; что же касается различия производимых продуктов, которое становится основой классификационного различия производства и потребления, то оно уже выходит за рамки концепции «деятельности как взаимодействия», не учитывается ею, будучи дальнейшей конкретизацией предметно-продуктивного взаимодействия.

изводства, рассматривая его в свою очередь в соответствии с законами восхождения от абстрактного к конкретному. При этом, однако, наука обязана учитывать, что анализируемый объект имеет несколько уровней организации, каждому из которых свойственны специфические структурные, функциональные и динамические опосредования, охватываемые общей концепцией производства.

Методологической основой развития этой концепции является полная подчиненность общественного производства ранее установленным принципам социальной деятельности, включающимся в снятом виде в сущностное определение производственного процесса. Соответственно наиболее абстрактное представление об организации последнего связано с простейшей оппозицией субъектной и объектной сторон, характеризующих любой без исключения деятельностный процесс. Вместе с тем субъектные и объектные определения общественного производства обладают выраженной спецификой, развивают категориальные характеристики предыдущих ступеней конкретизации.

Мы видели, что социология начинает цепь своих субъектных определений с понятия отдельно взятого «субъекта вообще» (не равного индивиду!), а затем вводит понятие множественных абстрактных субъектов, связанных взаимодействием, в ходе которого они составляют некоторое интегративное образование, представляющее собой совокупного носителя целенаправленной активности. Дальнейшее развитие субъектных характеристик на данной стадии познания оказывается невозможным в силу необходимо абстрактных представлений о причинах взаимодействия субъектов совместной деятельности. Наука лишь фиксирует коллективный характер общественной жизни, в рамках которой субъект лишен возможности удовлетворять присущие ему потребности, не вступая в обмен действиями с другими, столь же зависящими от него субъектами. Такая простейшая модель позволяет констатировать необходимый характер взаимодействия (без чего оказались бы беспредметными любые попытки устаиовить инвариантные принципы его организации). Вместе с тем социология имеет возможность проиллюстрировать такую необходимость на примере любой отдельно взятой потребности, абстрагируется от факта их реальной миожественности,

системной обусловленности. Подобное абстрагирование становится невозможным, как только понятие коллективной «деятельности вообще» конкретизируется до представлений о жизнеобеспечивающем процессе совместной деятельности субъектов, т. е. находит свою действительность в определении общественного производства. В этом случае субъект рассматривается наукой уже не как участник абстрактного взаимодействия, вызванного абстрактно взятой потребностью, а как существо, стремящееся к постоянному самовоспроизводству путем удовлетворения комплекса присущих ему взаимополагающих потребностей. Соответственно принцип взаимодействия конкретизируется до идеи *деятельностного взаимодополнения* субъектов, в рамках которого они способны производить и воспроизводить все необходимые условия своего существования и тем самым самих себя (конкретный характер таких условий выявляется теорией лишь в дальнейшем, с переходом от родовой абстракции «производство вообще» к реальным видам общественного производства).

Подобное углубление представлений о природе социального взаимодействия приводит к соответствующему углублению субъектных определений теории. Как и в случае с коллективной «деятельностью вообще», общественные отношения, возникающие между участниками самодостаточного для воспроизводства субъектов взаимодействия, объединяют их в структуру, обладающую всеми необходимыми признаками интегративного субъекта: коллективной волей, способностью к скоординированной реализации взаимообусловленных потребностей составляющих его «частных» субъектов и др. Вместе с тем к этим признакам прибавляется новый признак *самодостаточности* коллективной деятельности, осуществляемой в рамках возникшего объединения, синтезирующего в себе тем самым свойства интегративного и самодостаточного субъекта, качественно отличного от «частных» субъектов (которые, несмотря на возможную интегративность, лишены функциональной самодостаточности как способности удовлетворять собственной деятельностью весь комплекс своих жизнеобеспечивающих потребностей). В результате происходящего синтеза социология получает возможность впервые ввести рефлектированное определение *общества* как той организационной формы, в рамках и посредством которой осуще-

ствляется коллективная производственная активность взаимодополняющих друг друга субъектов, создающая и воссоздающая необходимые условия их совместного существования.

Именно этот субъектный синтез оказывается интегративным, самодостаточным «первосубъектом» общественного производства, а все прочие социальные группы и индивиды, занятые в этом процессе, представляют собой не более, чем функционально несамостоятельные модусы целостного производственного организма в лице общества, анализ которого обусловливает и подготавливает последующее концептуальное рассмотрение его субъектных компонентов — сначала групп, а затем индивидов. С рассмотрением общества в качестве единого (и единственного) субъекта производственного процесса связан самый абстрактный уровень его рефлексии, на котором еще не выделены ни фазы (производство, распределение, обмен, потребление), ни формы этого процесса, отличающиеся друг от друга по характеру производимых условий общественной жизни[2]. Не фиксируя на этом этапе анализа различия материального производства, производства субъектов, общественных отношений («форм общения») и духовных значений, можно считать единственно установленным пока про-

[2] Такой подход является реализацией присущей социологии установки на целостное восприятие социального процесса, в результате которой наша наука всегда опосредует анализ частных определений инициальным представлением о целом, сколь бы абстрактными ни были эти представления (естественно, имеется в виду логическое развитие науки на втором этапе восхождения от абстрактного к конкретному). Другие социальные науки, используя подобные социологические представления в качестве общеметодологической основы, получают возможность концептуального движения от частного к общему, примером которого может быть анализ Марксом капиталистического производства, в ходе которого осуществляется переход от исследования метаморфоз индивидуального капитала к законам воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Ясно, однако, что такой переход к «рассмотрению процесса обращения... индивидуальных капиталов как составных частей всего общественного капитала, т. е. к рассмотрению процесса обращения всего общественного капитала» [1, т. 24, с. 397], оказался возможным лишь потому, что ему предшествовали выработанные Марксом социологические представления о «производстве вообще», с самого начала понимавшегося как всеобщее производство, производство обществом самого себя (в синтезе форм собственно общественного производства с воспроизводством индивидов в ходе индивидуального потребления и непосредственно подготавливающих его процессов распределения и обмена).

дуктом производства само общество в целостности всех (еще не конкретизированных) форм проявления. Возможность такой постановки вопроса прямо предусмотрена К. Марксом, писавшим: «Если рассматривать буржуазное (как и всякое другое. — *К. М.*) общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент» [1, т. 46, ч. II, с. 222].

Связывая наиболее абстрактное субъектное определение производства с понятием общества, ученые противопоставляют ему в качестве объекта природу, из которой черпаются вещество и энергия, необходимые для строительства общественного тела. Вместе с тем признается, что объектная сторона производства не ограничивается природными по происхождению явлениями, она включает в себя имманентные обществу факторы, без производства которых его существование не может быть обеспечено (это показывает, что общественному производству также свойственно композиционное взаимопересечение субъектной и объектной сторон, при котором объектом деятельности становятся собственные органы субъекта). Соглашаясь с этими положениями, подчеркнем, что любое явление, включенное в деятельность в качестве непосредственно изменяемого объекта, приобретает субстанциональный статус социального. В этом плане не будет ошибкой считать, что общество является одновременно и субъектом и объектом производственного процесса, поскольку непосредственно преобразуемые им природные явления относятся к так называемой «внутренней природе», интегрированной в общественную форму как область взаимопересечения общества и собственно природы.

Приведенное простейшее структурное членение производственного процесса позволяет установить ряд его сущностных атрибутивных признаков, используя с этой целью ранее выработанные типологические определения «деятельности как взаимодействия». Переход к анализу общественного производства означает конкретизацию абстрактно выделенных форм коллективной деятельно-

сти, которые воплощаются в реальные производственные процессы, сохраняя свою типологическую автономию[3], но теряя ранее присущий им статус «классификационных полюсов» социальной активности, «растворяя» свою противоположность в новом синтетическом определении субстанции деятельности. Вместе с тем важно учитывать, что практические и духовные, предметно-продуктивные и коммуникативные процессы включаются в общественное производство далеко не на паритетных началах: субординационная зависимость между абстрактными формами коллективной деятельности находит в данном случае свое новое выражение в целевой доминанте охватывающего их процесса, на чем и основывается установление его специфических атрибутивных характеристик.

Признавая общество не только субъектом, но и про-

---

[3] Учет последней имеет большое методологическое значение при исследовании развитых структурно-функциональных определений производства. Так, не имея четких представлений о типологическом различии предметно-продуктивной и коммуникативной деятельности, ученые сталкиваются с серьезными затруднениями в понимании деятельностной природы процесса обмена в его отличии от собственно производства. Такое понимание осложняется необходимостью различать три вида обмена: во-первых, «обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его существенную сторону»; во-вторых, процесс «обмена продуктов, поскольку он есть средство для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления»; в-третьих, «взаимный обмен между самими предпринимателями...» [1, т. 12, с. 725]. Как мы видели выше, лишь последняя форма обмена может рассматриваться как субстанционально автономный процесс коммуникативной деятельности, отличный от предметно-продуктивного процесса собственно производства; во втором случае речь идет о коммуникативных актах, включенных в предметно-продуктивную деятельность в качестве внутреннего организационного момента; наконец, первая из выделенных форм обмена вообще не является коммуникативным взаимодействием, представляя собой функциональный механизм предметно-продуктивного взаимодействия.

Точно так же, не учитывая дихотомию практической и духовной деятельности, мы рискуем правильным пониманием процесса распределения, который в результате может во многом потерять свойственный ему деятельностный аспект, превратившись в «голое» отношение. Во избежание этого анализ распределения должен учитывать присущие ему операциональные механизмы, к числу которых относится духовная по своему характеру деятельность учета полагающихся субъектам долей общественного продукта, устанавливающая пропорции распределения, исходя из принципа собственности или меры трудового участия в производственном процессе.

дуктом абстрактно взятого общественного производства, мы получаем возможность типологической характеристики последнего как практического и предметно-продуктивного в своей сущности процесса.

Так, практический характер всеобщего производства вытекает из того факта, что создаваемое им общество представляет собой материальный, несимволический объект, качественно отличный от символических объектов, «духовных значений», создаваемых альтернативной практике деятельностью. Это, конечно же, не означает, что общественное производство состоит исключительно из практических взаимодействий и не включает в себя духовные. Самостоятельные процессы духовной деятельности являются необходимым моментом производства, однако подчинены его конечной практической цели, находятся с практическими процессами в отношениях субординационной зависимости, о природе которой говорилось выше.

Забегая вперед, отметим, что дихотомия практического и духовного, возникающая еще на уровне абстрактно-типологических форм социального действия и распространяющаяся на формы коллективной «деятельности как взаимодействия», отнюдь не завершается уровнем абстрактно взятого всеобщего производства. Эта дихотомия проявляется и при дальнейшей конкретизации, выявляющей реальные виды общественного производства, среди которых выделяется особая форма духовного производства, находящаяся в детерминационной зависимости от его практических форм. Фиксируя такую зависимость, социология устанавливает целевую доминанту общественной жизни как деятельностного процесса, синтезирующего в себе сущность и формы существования общественного производства. Именно этот факт раскрыт К. Марксом в восьмом тезисе о Фейербахе, согласно которому «общественная жизнь является по существу *практической*» [1, т. 3, с. 3]. Формулируя это положение, К. Маркс был убежден в том, что именно практическая деятельность (объективирующаяся в создаваемых «вещных функциях», субъектных элементах и организационных условиях реальной жизни людей) представляет собой доминантный способ существования общественного человека, история которого начинается и определяется практическим, а не теоретическим отношением к действительности. Это не означает,

что К. Маркс отказывал последнему в деятельностной форме проявления. В этом плане нельзя согласиться с учеными, интерпретирующими приведенное положение в духе полного отказа от признания типологических различий практической и духовной форм деятельности, считающими, по словам критикующей такую точку зрения Г. С. Арефьевой, что практика «совпадает с деятельностью и охватывает собой все формы и проявления общественной активности...» [196, с. 193]. На самом деле высказывание К. Маркса имеет в виду практическую *сущность* интегративного процесса общественной жизни, отличную от *содержания* последней. Как и в предыдущих случаях, установление такой сущности предполагает обнаружение субординационного опосредования между равнообязательными компонентами характеризуемого ею процесса, в роли которых на этот раз выступают виды общественного производства.

Если характер продукта, создаваемого всеобщим производством, позволяет нам считать его практическим в своей сущности процессом, то само наличие такого совместно создаваемого продукта свидетельствует о предметно-продуктивной природе общественного производства. Выше, выделяя коммуникацию как автономный тип коллективной деятельности, мы связывали ее со способностью субъектов обмениваться готовыми продуктами своей деятельности вне рамок предметно-продуктивного взаимодействия между ними. Вместе с тем отсутствие такого взаимодействия представляется абсолютным лишь до тех пор, пока социология исходит из самых общих представлений о коммуникативной деятельности, осуществляемой некоторыми «субъектами вообще», действующими независимо друг от друга, временно теряющими эту независимость в момент коммуникативного взаимодействия (вызванного столь же временным взаимоналожением потребностей) и вновь обретающими ее после его завершения. Такой подход логически необходим для установления исходных классификационных характеристик коммуникации на уровне типологического анализа «деятельности как взаимодействия». Вместе с тем концептуальный переход к определению всеобщего производства снимает свойственные данному подходу допущения. Выясняется, что субъекты самых различных неоднородных видов деятельности, связанные, казалось бы, лишь коммуникативным взаи-

модействием, в действительности взаимодополняют друг друга в процессе совместного создания комплекса необходимых условий своего существования, совпадающего с процессом создания и воссоздания интегрирующей их организационной формы — общества. Относительно этой задачи коммуницирующие субъекты теряют свою предметно-продуктивную автономию, поскольку осуществляемая ими деятельность является необходимым функциональным моментом воспроизводства самодостаточной организации как условия существования «частных» субъектов. В этих условиях уже нельзя представить себе автономного субъекта, «работающего» только на себя и вступающего в коммуникацию исключительно в целях удовлетворения собственных потребностей. Таковым может являться лишь субъективное намерение действующего индивида или группы: на самом деле субъект «работает» на себя, получает возможность удовлетворять свои потребности, лишь «работая» на общество, выполняя некоторую общественно необходимую функцию, удовлетворяющую потребности совместного существования людей, воспроизводящую объективные условия такого существования [4].

В связи со сказанным приведем еще одно атрибутивное определение производства, характеризующее его как *трудовой* процесс. Категория труда, как известно, по-разному понимается специалистами по историческому материализму. Одни из них полагают, по словам критикующей такую точку зрения Л. П. Буевой, что «к области общественного труда относится только деятельность, преобразующая природу, сфера материального производства» [73, с. 71]; другие справедливо считают, что понятие «труд» вполне распространяется «на дея-

[4] Таким образом, при наиболее абстрактном рассмотрении производства, когда его субъектом является общество, взятое в целом, производственный процесс предстает перед нами как «чистая» предметно-продуктивная деятельность, поскольку «моносубъект» попросту не имеет партнеров для коммуникативного обмена. Дихотомия предметно-продуктивной и коммуникативной деятельности вновь становится реальной при дальнейшей конкретизации производственного процесса, когда он включает в себя оба типа коллективной деятельности в их конкретных проявлениях (каковыми являются прежде всего собственно производство и обмен). Это, однако, не означает, что на новом уровне исследования производство теряет атрибутивный признак предметно-продуктивной в сущности деятельности: субординационная связь рассматриваемых типов формирует целевую доминанту процесса, взятого в целом.

тельность в областях управления, информации, общественного образования, воспитания и т. д.» [Там же, с. 72]. Вызывает дискуссии вопрос о правомерности отнесения к труду деятельности, предполагающей разрушение элементов социальной жизни (военная деятельность); предлагаются критерии отличения труда от игровой активности субъектов и т. д.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении поставленных вопросов, укажем, что трудом, по нашему мнению, следует считать любую деятельность, являющуюся реализацией функций, необходимых для воспроизводства условий совместного существования людей. В этом плане трудом является всякая активность, удовлетворяющая либо непосредственно-общественные потребности, которые могут быть несвойственны каждому из составляющих общество субъектов, либо непосредственно-индивидуальные потребности, не свойственные обществу как таковому, но важные для его нормального функционирования (так, потребность в здравоохранении индивидов является общественной, несмотря на то, что само по себе общество не может быть «больным» или «здоровым» в физиологическом смысле). Соответственно трудом мы считаем любую общественно необходимую деятельность, в том числе деятельность, связанную с насилием, когда она осуществляется в интересах сохранения общественной организации, не противоречащих ее поступательному развитию[5]. В то же время следует учитывать, что общественно полезный результат деятельности нередко может достигаться «за спиной» действующего субъекта, не составлять соб-

[5] Приведенные критерии трудовой деятельности выглядят достаточно простыми до тех пор, пока социология еще в состоянии изучать механизмы социальной целостности как таковой, отвлекаясь от исторических форм, в которых эта целостность приобретает антагонистическую форму выражения. Это чрезвычайно затрудняет установление общественно необходимых потребностей, учитывая, что любой прогрессивный класс прямо заинтересован в разрушении общественной формы, представляющейся «естественной и справедливой» господствующему меньшинству эксплуататоров. В подобных случаях критерием общественно необходимого являются, безусловно, не интересы поддержания «гомеостатического равновесия» общества за счет подавления факторов его дальнейшего развития (к чему стремится всякое потерявшее свою общественно полезную функцию эксплуататорское меньшинство), а именно интересы развития общества, осуществляемого в конечном счете в интересах трудящегося большинства.

ственной цели деятельности, что не позволяет квалифицировать ее как целенаправленный труд: именно таковой является игровая деятельность ребенка как подготовка к труду, но не сам труд.

Мы полагаем, что определение труда вводится социологией на уровне анализа общественного производства, предшествующем выделению его видов как конкретных форм труда. Важно отметить, что на этом этапе социологическая наука строго ограничивает понятие деятельности понятием труда, отвлекаясь от существования форм деятельности, альтернативных трудовой. Связывая общественное производство с деятельным взаимодополнением субъектов, совместно удовлетворяющих свои жизнеобеспечивающие потребности, социология считает любую из форм такого удовлетворения позитивным, общественно санкционированным трудом [6].

Итак, наиболее абстрактный анализ общественного производства как субъект-объектной оппозиции общества и природы раскрывает особые атрибутивные признаки «деятельности как производства», характеризующие ее как практический, предметно-продуктивный, трудовой процесс. Все это создает методологическую основу

---

[6] Лишь в ходе дальнейшей конкретизации выясняется, что при определенных общественных условиях деятельность может иметь нетрудовые формы, когда частные потребности удовлетворяются не получением некоторого «вознаграждения» за участие в совместной жизнеобеспечивающей деятельности, а путем «отклоняющегося поведения», направленного против интересов общества. Примером подобной деятельности является преступность (взятая в своем объективном значении, соотнесенном с интересами «рода человек», носителями которых являются прогрессивные классы; в противном случае пришлось бы считать преступной деятельность революционеров, направленную на защиту интересов трудящегося большинства общества и запрещаемую эксплуататорским меньшинством). Таким же нетрудовым является паразитическое существование отдельных трудоспособных индивидов и целых социальных групп, даже если оно признается законным с точки зрения существующих в обществе юридических норм (формулируя это положение, мы исходим из того, что «паразитический образ жизни, строго говоря, не есть бездеятельность» [73, с. 65]). Конечно же, «отклоняющиеся» формы деятельности возникают не случайно, они порождаются необходимыми условиями общественной жизни, нередко представляют собой вынужденный обществом способ существования субъектов. Вместе с тем вызывающая их необходимость не имеет исторически универсального характера, который заставил бы рассматривать ассоциальную деятельность как объективное условие общественной жизни как таковой, включил бы ее в поле зрения социологии уже на уровне абстрактных представлений о социальном процессе вообще.

дальнейшей конкретизации теории, не ограничивающейся представлением об общественном производстве как «моносубъектном» процессе, деятельности единого интегративного самодостаточного субъекта — общества[7]. Возможность и необходимость подобного представления отнюдь не превращают общество в некоего «метафизического субъекта»; в действительности оно выступает как «взаимодействие составляющих его «отдельных жизней», а не «особое существование, которое вступает еще в особое взаимодействие с этими «отдельными жизнями» [1, т. 3, с. 479]. В этом плане процесс самовоспроизводства общества представляет в своем содержании совместную деятельность людей, производящих необходимые условия собственного существования, потребляющих произведенное, опосредующих связь между производством и потреблением сложными процессами распределения и обмена. С выделения этих организационных моментов всеобщего процесса производства (не выявлявшихся на наиболее абстрактном уровне его исследования, поскольку «моносубъект» лишен возможности вступать в отношения распределения и обмена, а его производство неотделимо от потребления) начинается новый этап рассмотрения, на котором «деятельность как производство» «перерастает» рамки простейшей субъект-объектной оппозиции и включает в себя все структурные, функциональные и динамические характеристики социального взаимодействия.

Концептуальный анализ такой четырехчленной структуры процесса производства (выступающего еще как

---

[7] Рассмотрение общества как особого интегративного субъекта должно с самого начала сопровождаться рядом серьезных оговорок относительно антагонистических форм общественного устройства. Как известно, К. Маркс считал, что рассматривать такое общество как «один-единственный субъект» значит рассматривать его неправильно, умозрительно [1, т. 12, с. 720]. Вместе с тем из контекста рассуждений Маркса следует, что умозрительной он считает не идею вполне определенной субъектной целостности антагонистического общества, но попытку игнорировать сам факт его классовой дифференциации. Непонимание этого обстоятельства приводит к метафизической позиции, отрицающей реальное единство противоположностей на том основании, что оно имеет в отличие от их борьбы относительный характер. В социологическом плане такая позиция извращает природу классовых различий, связанных с процессом общественного разделения труда в ходе воспроизводства общественной формы как таковой, независимо от антагонистического способа ее существования.

«производство вообще», т. е. производство абстрактно взятых, не конкретизированных условий общественной жизни) осуществляется социологией в строгом соответствии с законами восхождения от абстрактного к конкретному. Первым шагом восхождения в этом случае становится рассмотрение выделенных организационных моментов методом изолирующей абстракции, в ходе которого теория делает акцент на относительную самостоятельность процессов собственно производства, распределения, обмена и потребления, каждому из которых свойственна своя специфика, учитываемая наукой. Особую важность в этом плане имеет анализ структурно-функциональных и динамических определений первой и определяющей фазы производственного процесса — производства в узком смысле слова, представляющего собой предметно-продуктивную коллективную деятельность создания и воссоздания необходимых условий общественной жизни.

Исследуя организационную специфику этого процесса, социологическая теория в полной мере руководствуется ранее установленными определениями социальной деятельности, конкретизируя их применительно к новой форме ее проявления. Такое исследование, к примеру, вносит важные уточнения в уже полученные знания объектной организации деятельности; речь идет о конкретизации первичных определений непосредственного и опосредованного объектов, в результате которой в теорию вводится дихотомия средств и предметов труда, необходимая для понимания специфических законов производственного процесса. Существенной конкретизации подвергается элементная структура коллективной «деятельности как взаимодействия», включающей в себя субъектов, используемые ими вещные функции и духовные значения, а также социальные связи и отношения, интегрирующие выделенные элементы в системную целостность. Установленные на предыдущей ступени познания функциональные связи выделенных элементов позволяют социологии синтезировать определения производительных сил и производственных отношений, которые становятся первыми собственными структурно-функциональными определениями производства как такового (при этом под производительными силами понимается образование, состоящее из инициирующих активность субъектов, а также вещных функций и духовных зна-

чений, представляющих собой, по Марксу, «объективные и субъективные» средства производства; этот комплекс интегрируется в единое целое совокупностью организационных субъект-объектных связей, которым противостоят устойчивые субъект-субъектные связи, выступающие в качестве самостоятельного организационного момента — производственных отношений).

Диалектическое единство производительных сил и производственных отношений становится для социологической науки сущностным определением собственно производственного процесса — таким же, каким субъект-объектное опосредование являлось для социального действия или взаимодействие для коллективной «деятельности вообще». Рассматривая это определение методом восхождения от абстрактного к конкретному, социология начинает со структурной оппозиции выделенных компонентов производства, акцентируя присущую им относительную самостоятельность (при этом, с одной стороны, фиксируются наиболее общие законы организации производительных сил, диалектики их субъектных и предметных элементов, с другой — дается анализ производственных отношений, в ходе которого выясняется принципиальное различие производственно-технических отношений, основанных на разделении трудовых функций участников производственного процесса, и социально-производственных отношений, выражающих связи между субъектами по поводу распределенных между ними средств и организационных условий производства. Именно на этой стадии анализа социология вводит рефлектированное представление о важнейшем феномене собственности, выражающем «господство условий производства над производителями» [1, т. 25, ч. II, с. 399].

Дальнейшая конкретизация представлений о производстве в собственном смысле слова связана с изучением функциональных связей между составляющими его компонентами, в ходе которого социологическая теория формулирует важнейший закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил и обратного воздействия первых на вторые. Тот же закон раскрывает динамические опосредования производственного процесса, выявляя заключенные в нем имманентные факторы возрастания производительных сил; стимулирующее (или тормозящее)

влияние со стороны производственных отношений и т. д.

Анализ имманентных определений производства как такового сочетается и в значительной степени пересекается с таким же специальным рассмотрением других относительно самостоятельных компонентов (фаз) интегративного производственного процесса. Нужно сказать, что само выделение таких фаз сопряжено с существенными теоретическими трудностями, которые могут быть преодолены лишь в том случае, если наука учитывает факт композиционного взаимопересечения установленных образований всеобщего производства, имеющий большое значение для последующего выделения конкретных видов производства и основанных на них сфер общественной жизни.

Еще в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркс показал, что производство в узком смысле слова по законам своей организации представляет собой микроаналог производства вообще, определенную модель последнего. Это означает, что собственно производство включает в себя в качестве внутреннего организационного момента процессы распределения, выступающего как «распределение орудий производства и... распределение членов общества по различным родам производства...» [1, т. 12, с. 722]; процессы обмена, выступающего как обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, а также обмена продуктов, поскольку он есть средство для производства готового продукта [Там же, с. 725]; наконец, процессы потребления, выступающего в данном случае как производственное потребление разнообразных факторов труда, в ходе которого производство «потребляет свои собственные составные части, чтобы превратить их в массу продуктов...» [Там же, т. 24, с. 45].

Не ограничившись этой констатацией, К. Маркс показал, что производство как таковое включает в себя не только субстанционально несамостоятельные акты распределения, обмена и потребления внутренних условий производства, не выходящие за рамки усилий по созданию готовых для потребления продуктов; оно включает в себя также процессы распределения, обмена и потребления уже созданных продуктов, покинувших, казалось бы, собственно производственную сферу. Непонимание этого обстоятельства упрощает реальную картину дел, оно не учитывает, что целью производственно-

го процесса является не однократный акт создания, а постоянное воссоздание, воспроизводство продуктов. С этой целью, как показано, в «Капитале», определенная часть созданных продуктов должна возвращаться в создавший ее процесс (в своей непосредственной форме, как это имеет место в случае с урожаем, используемым для следующего сева, либо в превращенной форме, как это происходит, скажем, с продуктом капиталистического производства, меняющим свою товарную форму на денежную) и потребляться в нем, обеспечивая его воспроизводство. Необходимость такого возвращения приводит к тому, что в собственно производственном процессе возникают особые механизмы ассимиляции им же созданного продукта, которыми осуществляется «функция, сама по себе не производственная, но являющаяся необходимым моментом воспроизводства» [1, т. 24, с. 149]. В простейшем варианте такие функции (изучаемые в своем конкретном содержании уже не социологией, но экономической наукой) могут быть представлены процессом хранения произведенного; более сложным примером является процесс обращения товаров, рассматривавшийся К. Марксом в качестве необходимого момента капиталистического производства. По своей природе такое обращение представляет собой коммуникативную деятельность по обмену уже созданных продуктов (которые, однако, не являются готовыми с точки зрения капиталиста, имеющего своей целью не производство общественно необходимых продуктов как таковых, а их возведение, словами Маркса, в «ранг капитала»). Тем не менее такой обмен созданных продуктов (означающий одновременно их распределение согласно потребностям капиталистического производства), равно как и их производственное потребление, не выходит полностью за рамки собственно производственного процесса и предшествует действительно отличным от последнего процессам распределения, обмена и потребления.

В самом деле, тот факт, что производство в узком смысле слова вовсе не сводится к процедуре коллективного «делания продуктов», не означает, что рассмотренное как совокупность всех имманентных механизмов воспроизводства, оно совпадает с процессом производства вообще. Последний, как отмечалось, имеет своей конечной задачей обеспечение жизненного процесса осуществляющих его субъектов, с целью чего определенная

доля готовых продуктов «в любом общественном производстве... входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей...» [1, т. 25, ч. II, с. 449]. Такое потребление находится уже за рамками первой фазы общественного производства, равно как и процессы, непосредственно обеспечивающие индивидуальное потребление. Последнее не может следовать сразу же после завершения собственно производственного процесса, так как «в обществе отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидуумам. ...Между производителем и продуктом встает *распределение*, которое при помощи общественных законов определяет его долю в мире продуктов; следовательно распределение становится между производством и потреблением» [Там же, т. 12, с. 720].

Понимаемый таким образом процесс распределения существенно отличается от распределения имманентных условий собственно производственного процесса, которое составляет сущность производственных отношений между людьми, является «основой общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов...» [Там же, т. 25, ч. II, с. 451]. (Подчеркивая этот факт, К. Маркс писал, что распределение условий труда «совершенно отлично от того, что понимают под отношениями распределения», когда под последними «имеют в виду различные права на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления» [Там же].)

Столь же существенно такое распределение отличается от распределения уже созданных продуктов, идущих в производственное потребление. Последний процесс, удовлетворяющий непосредственно-общественные, а не индивидуальные потребности, может осуществляться в различных деятельностных формах: в одном случае он имеет своим механизмом стихийное рыночное обращение продуктов, в другом — осуществляется путем планомерной деятельности руководящих экономикой общества органов. Как бы то ни было, подобное распределение является «непроизводительной функцией», имманентной собственно производственному процессу, в то время как рассматриваемая нами форма выходит за его пределы.

Еще одной фазой интегративного производственного процесса, выходящей за рамки собственного производства, является обмен, доставляющий индивиду «те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю» [1, т. 12, с. 714—715]. Именно такой обмен имел в виду К. Маркс, когда утверждал, что, взятый в целом, он «выступает независимым и индифферентным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт обменивается непосредственно для потребления» [Там же, с. 725]. (Деятельностной реализацией этого процесса в условиях товарного производства К. Маркс считал розничную торговлю, непосредственно предшествующую индивидуальному потреблению и рабочих, и капиталистов [Там же, т. 24, с. 71].)

Таким образом, из сказанного следует, что структурный анализ фаз (компонентов) процесса производства вообще обязан учитывать, что различие между ними не является абсолютным, сочетаясь с их композиционным взаимопересечением. В этом плане определенные на основе дифференциации общественных и индивидуальных факторов производства «чистые» формы распределения и обмена, выходящие за рамки собственно производственного процесса, отнюдь не исчерпывают собой содержания выделенных Марксом «непроизводственных» фаз. В действительности процессы распределения, входящие в узкопонимаемое производство и выходящие за его пределы, могут и должны рассматриваться наукой с точки зрения своей субстанциональной целостности как «распределение вообще», пересекающееся в своем объеме с собственно производственным процессом. То же касается и процессов обмена, субстанциональная целостность которого подчеркивалась Марксом, считавшим «непроизводственный» обмен последней стадией «обмена вообще»: в этом плане законы рынка остаются законами рынка независимо от того, обмениваются ли на нем продукты, идущие в производственное или индивидуальное потребление.

Установленный факт композиционного взаимопересечения фаз производства имеет большое значение, так как позволяет выявить целостную область *экономической* жизни общества, собственно экономику, в которую, по нашему мнению, входят интегративно взятые процессы распределения и обмена, а за пределами которой

остаются процессы непосредственного «делания» необходимых условий общественной жизни и их индивидуальное потребление. Выделение экономической области (отличаемой нами от сфер общественной жизни) представляет собой в таком понимании структурный срез общества, осуществляемый до выделения конкретных видов общественного производства, каждый из которых соответственно обладает своей «технологической» стороной и связанной с ней экономической организацией (их системная совокупность создает интегративную экономику общества, в рамках которой распределяются и взаимообмениваются продукты всех четырех основных форм производства). Анализ конкретного содержания экономических процессов выходит за рамки социологической науки и осуществляется политической экономией (в свою очередь, отвлекающейся от техологических аспектов производства). Однако само выделение экономической области жизни общества, анализ наиболее общих законов ее организации могут быть осуществлены только социологией в рамках присущей ей установки на фиксацию целостности социального процесса. Такой анализ имеет первостепенное значение для социологической теории, позволяя ей понять законы системной организации общества, характер составляющих его подсистем, установить важнейшие компоненты последних, к числу которых относятся исторические общности людей, в том числе классы, непосредственно вырастающие из экономической структуры общества.

Излишне говорить, что социологический анализ производства вообще не ограничивается установлением границ между составляющими его фазами, но предполагает дальнейшее исследование функциональных и динамических опосредований между ними. В ходе такого анализа выявляется детерминирующая роль способа производства продуктов (в рамках которого производительные силы определяют производственные отношения) перед способом их распределения (представляющим собой «лишь результат... распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет организацию производства» [1, т. 12, с. 722]), способами обмена и потребления; с другой стороны, раскрывается обратное воздействие процессов распределения, обмена и потребления продуктов на процесс их производства. Такой анализ позволяет помимо всего

прочего установить весь комплекс динамических опосредований интегративного производственного процесса, выявляя которые социология выходит за рамки причинно чисто «технического» развития способа производства продуктов, взятого безотносительно к их дальнейшей циркуляции (подобное исследование раскрывает, в частности, важнейшую стимулирующую роль факторов индивидуального потребления, которое, во-первых, «создает потребность в новом производстве», обеспечивая тем самым циклическое воспроизведение процесса, во-вторых, повышает «посредством потребности повторения способность, развитую в первом акте производства...» [Там же, с. 717, 719]).

Получив, таким образом, первичное представление о структурных, функциональных и динамических характеристиках интегративного производственного процесса, социология осуществляет дальнейшую конкретизацию полученных знаний, в результате которой изучаемое общественное производство перестает выступать в качестве «производства вообще», наполняясь присущим ему реальным содержанием. Как уже отмечалось, социологическая теория, осуществляя концептуальный переход от абстрактно взятых механизмов коллективной «деятельности как взаимодействия» к общественному производству, начинает сразу с анализа всеобщей формы последнего, содержанием которого является совокупное производство людьми своей общественной жизни. Ясно, что представления о всеобщем производстве на данном уровне анализа являются еще совершенно абстрактными, чисто формальными. Рассматривая в качестве его конечного продукта общество как таковое, социология ставит вопрос о производстве, распределении, обмене и потреблении необходимых условий общественной жизни, взятых в качестве еще не дифференцированного комплекса «условий вообще», т. е. недифференцированной совокупности жизнеобеспечивающих продуктов, созданием которых достигается цель всеобщего производства. Дальнейший анализ должен учитывать тот факт, что «единый процесс общественного производства диалектически дифференцируется соответственно качеству и числу классов общественных продуктов» [259, с. 17]. Устанавливая последние, мы получаем возможность рассматривать всеобщий процесс производства не только с точки зрения циркуляции абстрактных «продуктов

вообще», но и с точки зрения составляющих его конкретных видов общественного производства, которые отличаются друг от друга характером создаваемых ими продуктов. В свою очередь «единственным основанием выделения классов общественного продукта может быть только признак необходимости и достаточности для непрерывного воспроизводства» [Там же, с. 16] общественной жизни. «Совокупность основных конечных продуктов и соответственно основных сфер общественного производства может быть представлена как то, что необходимо и достаточно для обеспечения воспроизводства специфических сущностных характеристик социальной системы» [252, с. 8—9].

Соглашаясь с такой постановкой вопроса, мы полагаем, что осознанные представления о необходимых и достаточных условиях общественной жизни, подлежащих производству и воспроизводству в различных сферах интегративного производственного процесса, могут основываться лишь на понимании деятельностиой природы социального процесса, принципов структурно-функциональной и динамической организации (коллективной) деятельности как субстанции общественной жизни. В самом деле, считая, что общественная жизнь есть не что иное, как совместная деятельность людей, мы должны связывать поддержание (развитие) первой с производством и воспроизводством функционально необходимых элементов последней, в результате чего число видов общественного производства непосредственно коррелирует с числом ранее выделенных структурных элементов коллективной «деятельности как взаимодействия».

Исходя из этого, мы согласны с мнением многих ученых, которые (исходя зачастую из других посылок) выделяют четыре основных вида общественного производства в лице: 1) материального производства, в рамках которого создается вся совокупность разноспециализированных вещных факторов социальной деятельности (а также тиражируются духовные значения); 2) производства и воспроизводства человека как субъектного элемента «деятельности как взаимодействия»; 3) производства и воспроизводства «форм общения» субъектов в лице общественных отношений, становящихся объектом сознательного управления со стороны общества (регуляция субъект-объектных связей, осуществляемая в рамках любой производственной деятельности как самоуп-

равляемого процесса, не может рассматриваться как самостоятельный вид общественного производства); 4) духовного производства, создающего такой класс необходимых элементов коллективной деятельности, как объективированные духовные значения.

Новый уровень исследования процесса производства вообще с точки зрения составляющих его относительно самостоятельных видов характеризуется той же последовательностью анализа, которая реализуется на каждом витке восхождения от абстрактного к конкретному. И в данном случае такая последовательность предполагает рассмотрение имманентных структурных, функциональных и динамических характеристик каждой из выделенных форм производства, взятой методом изолирующей абстракции.

В ходе подобного исследования выявляются специфические различия между вновь возникшими структурными компонентами всеобщего производства. Одно из таких различий, наиболее важное для правильного понимания структуры интегративного производственного процесса, связано с существенной организационной спецификой сферы производства и воспроизводства человека, выделяющей ее из прочих сфер. Анализируя материальное производство, социальное управление, духовное производство, мы убеждаемся в том, что они представляют собой структурный аналог производства в узком смысле слова, как оно рассматривалось на предыдущей ступени исследования. Это означает, что названные сферы включают в себя процессы «делания» соответствующих продуктов, а также процессы производственного распределения (обмена) и потребления уже созданного, обеспечивающие воспроизводство процесса, взятого в целом. В то же время индивидуальное потребление произведенных продуктов, а также непосредственно подготавливающие его процедуры, о которых говорилось выше, выходят за рамки общественного производства вещей, духовных значений и устойчивых субъект-субъектных связей. (Так, материальное производство, создавая вещи, идущие в том числе и в личное потребление, не включает в себя ни деятельностных процессов их распределения между индивидами, ни обмена (хотя бы в форме розничной торговли), который «распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям» [1, т. 12, с. 715], ни потребления, в котором

«продукт выпадает из... общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления» [Там же].)

Это, однако, не означает, что названные процессы распределения, обмена и потребления идущей индивидам доли общественного продукта выпадают из системы всеобщего производства (которое, согласно Марксу, «охватывает как производительное потребление (непосредственный процесс производства) вместе с превращениями форм (обменами, если рассматривать дело с вещественной стороны), которые опосредствуют его, так и индивидуальное потребление с опосредствующими его превращениями форм или обменами» [Там же, т. 24, с. 395]). Не означает это также и то, что названные процессы составляют особую, пятую сферу общественного производства, отличную от четырех ранее выделенных. В действительности все эти процессы, обеспечивающие воспроизводство индивидов, включаются в сферу производства человека, придавая ей тем самым более сложное строение, чем у ее классификационных «партнеров». В результате указанная сфера включает в себя три относительно самостоятельных, в то же время связанных единой целевой установкой процесса: 1) непосредственное производство обществом (независимо от того, действует ли оно через индивидуальных или тем или иным образом ассоциированных производителей) необходимых ему человеческих индивидов; этот процесс, включающий в себя также «непроизводительные функции», обеспечивающие его воспроизводство, в сущности аналогичен прочим сферам производства, и сам дифференцируется на конкретные виды в зависимости от того, какие свойства человека подлежат производству: биологические, являющиеся, скажем, объектом здравоохранения, физической культуры, или социальные, производимые обучением, воспитанием; 2) самовоспроизводство человеческих индивидов в процессе личного потребления, составляющее область быта; 3) создание обществом необходимых организационных условий, опосредующих связь между производством необходимых продуктов (во всех присущих ему формах) и их индивидуальным потреблением, т. е. обеспечение быта в отличие от самого быта. Таковыми являются, к примеру, деятельность распределения, осуществляемая органами соци-

ального обеспечения, розничная торговля, деятельность служб быта и т. д.

Естественно, своей организационной спецификой обладает не только производство человека, но и все прочие сферы общественного производства. Соответственно метод изолирующей абстракции позволяет установить особый характер производительных сил и производственных отношений, их детерминационной связи в анализируемых сферах, специфику присущих им механизмов воспроизводства и пр. В этом плане характер конечного продукта (имеющего в одном случае предметно объективированную форму, в другом — выступающего в виде «бестелесных» общественных отношений, особым образом потребляемых людьми и пр.) вызывает самые существенные различия между названными сферами общественного производства [8]. Установление сущностной специфики каждой из сфер создает

---

[8] Неудивительно, что наличие подобных различий все еще мешает некоторым ученым видеть производственный характер форм деятельности, выходящих за рамки материального производства, так же, как оно, подчиняющихся «в своем функционировании и развитии определенным законам развития обмена и потребления» [277, с. 44]. В то же время важно понимать, что различия, выявляемые между сферами производства, нимало не затрагивают универсальных принципов организации деятельности, ее всеобщих атрибутивных определений. Глубоко ошибочно в этом плане стремление рассматривать материальное производство как единственную инкорнацию «социальной материи», отличать его от всех прочих форм производственной деятельности по критериям основного вопроса философии. Опровергая такой подход, некоторые ученые считают определение «материальное производство» терминологически неудачным, провоцирующим путаницу, в результате которой смешиваются «два разных категориальных ряда: ряд основного вопроса философии, с позиций которого любая сфера общественного производства должна быть понята как диалектическое противоречивое единство материального и духовного (идеального), объективной и субъективной реальности; ряд функционального разделения сфер общественного производства, который должен быть построен в соответствии с системным принципом необходимости и достаточности в обеспечении интегративных качеств социального. Когда же мы, по старой традиции, отождествляем материальное с производством «вещей», то это неоправдано ни по существу, ни терминологически: материя, если понимать ее в духе ленинского определения, не сводится к веществу, к «вещному» ни в их физическом, ни в экономическом выражении» [252, с. 10—11]. Соглашаясь по существу с приведенным замечанием, считаем необходимым учитывать, что термин «материальное производство» глубоко укоренился в марксистской социологии, использовался ее основоположниками, несмотря на по-

возможность их последующей дифференциации на множество специализированных форм деятельности. Вместе с тем подобному углублению знания о сферах общественного производства с необходимостью предшествует установление функциональных связей между ними, проявляющихся в форме их композиционного взаимопересечения, взаимопроникновения друг в друга.

Подобная связь между производством вещей, людей, отношений и духовных значений не означает, что выделенные виды теряют свою абстрактно-типологическую противоположность, как это происходит на следующем этапе познания, когда социология сталкивается с новым субстанциональным образованием в лице сфер общественной жизни, относительно которых сферы (виды) общественного производства выступают уже в качестве снятых, взаимоположенных моментов. Вместе с тем, сохраняя свою типологическую автономию, сферы общественного производства отнюдь не обладают полной функциональной независимостью от своих классификационных партнеров, не способны достичь своей цели без участия последних. Именно это обстоятельство становится причиной взаимопроникновения сфер производства, осуществляющегося в различных формах.

Одной из них является деятельностное взаимодополнение, возникающее в тех случаях, когда производство определенного продукта имеет своим внутренним организационным условием параллельно осуществляемую «живую» деятельность по производству продукта иной «сферной принадлежности». Так и материальное производство, и специализированное производство человека, и духовное производство оказываются невозможными без деятельности социального управления, регулирующей необходимые отношения между участниками коллективного производственного процесса. Подчеркнем, что факт подобного взаимопересечения не должен подвергаться абсолютизации, уничтожающей по существу функциональную специализацию сфер. Именно так можно понять В. И. Толстых, утверждающего, что «материальное производство лишь весьма приблизительно и

нимание того, что понятие «материальный» в словосочетаниях «материальное производство», «материальный субстрат общественной жизни», «материальные придатки» надстройки и т. д. не связано непосредственно с решением основного вопроса социальной философии.

с большой долей упрощения можно назвать «производством вещей», ибо главное здесь — протекающий в специфических исторических условиях процесс производства и воспроизводства общественных отношений людей, вовлеченных в дело материального производства» [277, с. 44—45]. Конечно же, мысль автора не связана непосредственно с обсуждаемой проблемой взаимопересечения материального производства и социального управления, поскольку он имеет в виду социально-производственные отношения, которые исторически складывались в процессе первого «за спиной» производителей, вне социального контроля с их стороны (имеется в виду генезис, но не функционирование и развитие отношений). Возникновение таких отношений К. Маркс действительно считал «более важным» для общества, чем непосредственно производимые материальным производством продукты. Однако это не дает никаких оснований ставить под сомнение функциональное назначение последнего, состоящее именно в производстве вещей, но не отношений, которые в новых исторических условиях становятся сознательно создаваемым продуктом сферы социального управления (несмотря на его зависимость от материального производства). Смешение функциональных назначений видов общественного производства ошибочно даже применительно к первоначальному синкретизму, которым характеризовалась жизнь первобытных коллективов; не следует забывать, что речь шла о синкретизме сфер общественной жизни, но не сфер общественного производства, каждая из которых всегда сохраняла свою функциональную (но не институциональную) автономию.

Еще одна форма композиционного взаимопересечения сфер процесса производства связана с взаимопроникновением не «живых» актов разнотипной производственной активности, но продуктов, в которых воплощаются эти акты. Основой подобной связи является то, что все вышеназванные виды производственного процесса представляют собой проявления коллективной «деятельности как взаимодействия», подчиняясь ее организационным принципам. Это означает, к примеру, что производство необходимых обществу научных знаний невозможно без наличия взаимодействующих субъектов, которые используют определенные вещные средства деятельности и между которыми существуют устойчивые

связи — общественные отношения. Переводя эти определения «деятельности как взаимодействия» на язык теории общественного производства, следует признать, что названные элементы научной деятельности как области духовного производства не «падают с неба», а создаются людьми в рамках иных видов общественного производства. Так, используемые учеными аппаратура, оборудование, здания и прочее (входящие объектным компонентом в комплекс присущих науке производительных сил) являются продуктами материального производства; сами ученые как субъектный компонент производительных сил представляют собой продукт специализированного обучения, с одной стороны, и самовоспроизводства в качестве живых функционирующих индивидов — с другой, т. е. продукт процесса производства людей; наконец, существующие в научном коллективе производственно-технические отношения создаются деятельностью социального управления, производящей устойчивые «формы общения» субъектов.

Из сказанного нетрудно заключить, что специализированное производство любого класса представляет собой производственное потребление продуктов, создаваемых иными сферами интегративного производственного процесса, каждая из которых «работает» как на себя, так и на дополняющие ее сферы. Соответственно воспроизводство любой из них предполагает не только непосредственное использование собственных продуктов, но и обмен их на необходимые продукты иного класса, выступающие в качестве предпосылок производства. Подобная циркуляция продуктов между сферами всеобщего производства обеспечивается двумя (способными взаимодополнять друг друга) путями. Одним из них является централизованное распределение продуктов специальными органами общества, способными регулировать комплекс присущих ему экономических отношений. В этом случае необходимая интеграция всех сфер производства обеспечивается одной из них — сферой социального управления, пронизывающей другие сферы и тем не менее сохраняющей свою типологическую автономию. Другим способом является осуществляемый через стихийные механизмы рынка непосредственный товарообмен разноспециализированных производителей. В этом случае экономическая интеграция обеспечивается (со всеми свойственными такому способу регуляции

противоречиями) особыми формами коммуникативной деятельности обращения, актами «купли и продажи», в процессе которых производитель «функционирует на рынке как продавец и покупатель» [1, т. 24, с. 147]. Подобные акты представляют собой субстанционально целостную деятельность торгового обмена, которая, будучи, по Марксу, «непроизводительным трудом», не составляет особой сферы общественного производства: она не надстраивается над выделенными сферами в качестве самостоятельного образования, а конституируется как целостная совокупность имманентных сферам коммуникативных актов, «пространственно» ограниченных областью взаимопроникновения сфер[9]. (Это означает, что одна и та же по своим основным законам торговая деятельность включается в качестве розничной торговли в область самовоспроизводства человеческих индивидов, оптовой торговли — во все сферы общественного производства в качестве имманентного им функционального механизма воспроизводства. Аналогичное место в структуре процесса производства занимают и некоторые виды предметно-продуктивной деятельности, создающие организационно-технические условия интеграции его сфер, каждой по отдельности и всех вместе; примером может служить деятельность средств связи,

[9] Мы полагаем, что в отличие от дихотомии практического и духовного противоположность предметно-продуктивной и коммуникативной форм «деятельности как взаимодействия» имеет классификационное значение лишь при анализе «производства вообще» (где она воплощается прежде всего в различие собственно производства и обмена) и не может служить основанием различения специальных видов общественного производства. Последние выделяются лишь по характеру совместно производимого людьми продукта, т. е. по характеру осознанной предметно-продуктивной деятельности. Коммуникация не способна порождать самостоятельные виды производственного процесса, несмотря на то что она имеет важнейшие следствия в лице создаваемых ею связей и отношений социальной системы. Следует учитывать, что последние возникают не как прямой результат деятельности (как это происходит в случае с социальным управлением), а как ее побочное следствие, складывающееся «за спиной» участников коммуникативного процесса, не предусмотренное ее собственными целями. Это обстоятельство показано В. И. Лениным на примере процессов товарного обращения, вступая в которые субъекты преследуют свои частные (собственно коммуникативные) цели, не представляя себе последствия их реализации в лице стихийно возникающих общественных отношений (в условиях планомерного развития последние, как уже отмечалось, создаются специализированным видом производства — социальным управлением).

типологически отличная от социального управления, хотя и осуществлявшаяся исторически главным образом органами последнего.)

Анализ реальных механизмов интеграции сфер общественного производства позволяет социологии конкретизировать ранее установленное абстрактное определение экономики как совокупности процессов (и отношений) распределения и обмена общественных продуктов, идущих как в производственное, так и в индивидуальное потребление. Не рассматривая данный вопрос специально, мы полагаем, что область экономики не надстраивается над выделенными сферами всеобщего производства и не совпадает с одной из них, но представляет собой организационную форму их взаимопересечения, взаимодополнения.

Отмеченный факт взаимопересечения сфер общественного производства имеет большое методологическое значение для последующей конкретизации социологического знания, позволяющей ему дать полнообъемную классификацию реальных видов материального производства, социального управления, производства человека и духовных значений. В результате материальное производство, к примеру, выступает как «объединяющее в себе однородные по конечному результату отрасли и виды деятельности» [259, с. 17—18]. Последние отличаются друг от друга функциональным назначением производимых вещей (идущих в индивидуальное или производственное потребление, используемых в самом материальном производстве или других сферах собственно общественного производства и т. д.; при этом социология не смущается фактом реальной полифункциональности, которой могут характеризоваться одни и те же вещи, используемые в различных областях деятельности). Такой же конкретизации подвергаются все прочие виды общественного производства (что создает концептуальную основу дальнейшего членения социологии на дисциплины типа «социология образования», «социология искусства» и т. д.).

Признавая первостепенную важность анализа отношений композиционного взаимопересечения сфер общественного производства, следует понимать, что эти отношения (координационные по своему характеру) не исчерпывают собой всей совокупности взаимоопосредований, существующих между названными сферами. Осо-

бую важность в этом плане имеет изучение субординационных связей в системе видов всеобщего производства. Изучая данные связи, социология формулирует важнейший закон определяющей роли материального производства, которое, удовлетворяя наиболее актуальные из объективных потребностей общественного существования, подчиняет себе прочие сферы, заставляет их «работать на себя» (что не отменяет имманентной логики функционирования и развития детерминируемых сфер и их обратного воздействия на материальное производство, приобретающего особое значение в современных условиях беспрецедентного роста меры воздействия на жизнь общества в целом со стороны социального управления и духовного (научного) производства). В настоящий момент мы не в состоянии рассмотреть сложнейшие проблемы, встающие перед наукой в этой области исследования функциональных и динамических опосредований видов общественного производства. Отметим лишь чрезвычайную важность такого исследования не только в содержательном, но и в методологическом плане, поскольку именно оно подготавливает концептуальный переход к новому уровню анализа субстанционального определения социологической науки.

Суть такого перехода, как уже отмечалось, связана с введением нового деятельностного определения *«общественная жизнь»*, которое представляет собой действительность общественного процесса производства, синтезирует в себе знание его сущности и форм существования. Опираясь на знание структурных, функциональных и динамических опосредований между типологически автономными видами производства, соцнология переходит ныне к изучению реальной институциональной формы существования, которую они приобретают в рамках особых сфер общественной жизни, из которых складывается ее интегративный процесс. Это значит, что на новом уровне исследования социология уже не удовлетворяется рассмотреннем видов общественного производства как четырех взанмосвязанных жизнеобеспечивающих функций, которые осуществляются некоторыми абстрактно взятыми субъектами, взаимодополняющими друг друга в рамках столь же абстрактно взятого общества. Возникает необходимость привести определения «субъектного ряда» в соответствие с развившимися представленнями собственно «деятельностного ряда».

Мы видели, что та же самая в своей сущности цель преследовалась социологией и на предыдущем этапе познания, вследствие чего логический переход от «деятельности как взаимодействия» к «деятельности как производству» привел к существенной конкретизации субъектных категорий. Именно так следует охарактеризовать введение наукой важного концептуального различия между обществом как самодостаточным интегративным субъектом и входящими в него «частичными» субъектами, не способными в отличие от общества обеспечивать собственной деятельностью комплекс функций, необходимых для производства и воспроизводства своего существования. В свою очередь определение «частичного» субъекта было «разложено» наукой на определение «частичного» интегративного субъекта, или социальной группы, и на определение индивида как простейшей классификационной единицы «субъектного ряда» (с этим было связано различение общественного и индивидуального факторов производственного процесса). Подобная дифференциация имеет большое значение, поскольку без ее учета невозможна типология сфер общественного производства, так как теряются критерии различения сфер производства человека и социального управления. В самом деле, каждая из сфер производит «субъектов» общественной жизни с тем существенным различием, что в первом случае производятся сами индивиды, во втором — отношения между ними, сводящие их в интегративное субъектное образование (т. е. конечным продуктом производства в определенной мере могут считаться общественные организации) [10].

Вместе с тем на новом уровне познания полученные представления об «индивиде вообще», «группе вообще» и интегрирующем их обществе оказываются недостаточными. На повестку дня становится типологический анализ групп соответственно их принадлежности определенным сферам общественного производства. В результате

[10] Следует отчетливо понимать тот факт, что типология производственных процессов связана с потребностями воспроизводства *элементов* коллективной «деятельности как взаимодействия», понимая под элементами наиболее простые, неделимые в пределах данной субстанциональной определенности носители (выражения) жизненно необходимых для существования объекта функций. Таким элементом взаимодействия является (наряду с элементами несубъектных классов) только индивид как простейший носитель деятельностной способности, а не социальная группа.

предметом изучения социологии становится общественный процесс, в котором изначальная функциональная специализация последних превращается в их институциональную обособленность. Это означает, что установленные сферы производства обретают своих реальных субъектов и рассматриваются в органическом синтезе с ними, приобретая тем самым статус сфер общественной жизни. Именно такой синтез, по нашему убеждению, развертывает исходное для социологии субстанциональное определение деятельности в определение общественной жизни как совокупной деятельности функционально выделенных групп и индивидов, занятых в конкретных видах общественного производства, конечным продуктом которого является общество во всем богатстве его характеристик (исключая лишь их историческую конкретизацию) [1].

Исследование историческим материализмом реального процесса общественной жизни, как и во всех предыдущих случаях, начинается с установления образующих ее структурных компонентов. Естественно, новое субстанциональное определение науки содержит в себе в снятом виде структурные характеристики всех предыдущих уровней организации социальной деятельности: простейшую субъект-объектную оппозицию «деятельности как действия», четырехэлементную композицию коллективной «деятельности как взаимодействия», ее типологические формы, наконец, сферы общественного производства, которые и становятся основой выделения собственных структурных определений рассматриваемого уровня, — сфер общественной жизни. Число таких сфер совпадает с числом видов производственного процесса; соответственно выделяются материально-производствен-

---

[1] Известно, что общество с развитой субъектной дифференциацией является продуктом долгого исторического развития, приводящего к тому, что каждый конкретный вид производства «вследствие разделения труда превращается из побочной функции многих в исключительную функцию немногих, в их особое занятие...» [1, т. 24, с. 149]. Вместе с тем конкретно-историческое содержание этого процесса на анализируемом этапе рефлексивного изложения социологии еще не подвергается особому рассмотрению. Подобно тому как экономический анализ капитализма начинался К. Марксом с его развитого состояния, социологический анализ общественной жизни должен начинаться с развитых структур с оформившейся сферной дифференциацией, что послужит ключом к последующему рассмотрению исторических законов их становления.

ная, социальная (в рамках которой осуществляется институциализированное производство людей) [12], управленческая и духовная сферы.

Понимание сфер общественной жизни как институциализированных видов общественного производства не означает, что между этими разноуровневыми определениями нет существенных различий. В действительности сфера общественной жизни представляет собой значительно более сложное синтетическое образование, снимающее абстрактно-типологическую противоположность видов производства, превращающее их во взаимоположенные моменты, одному из которых принадлежит роль системообразующего фактора объединяющей их целостности.

Так, в структурно развитых обществах материальное производство, рассмотренное в качестве сферы общественной жизни, понимается социологией уже не в качестве осуществляемой абстрактными, функционально неспециализированными субъектами деятельности по созданию вещей, включающей в себя несамостоятельные акты и объективирующие их продукты иных видов производства. Тот сегмент общественной жизни, в котором осуществляется реальный процесс производства вещей, в данном случае уже непредставим без самостоятельной, институционально оформленной деятельности социального управления, осуществляемой специальными органами, освобожденными от обязанностей прямого «делания вещей»; без такой же институционально оформленной деятельности по профессиональной подготовке работников и деятельности духовного обеспечения произ-

---

[12] Присоединяясь к ученым, характеризующим эту сферу общественной жизни термином «социальная», мы исходим из того, что подобное не слишком точное название де-факто закрепилось в языке: именно общественного человека как цель деятельности имеют в виду, когда говорят о «социальном планировании», «социальном обеспечении», «социальных задачах развития коллектива» и т. д. Отметим, что в литературе институциализированные формы деятельности, направленные на производство человека, иногда относят к так называемой семейно-бытовой сфере. Такое название представляется неудачным по двум основаниям: прежде всего областью быта и семейного воспитания (обучения) рассматриваемая сфера деятельности не ограничивается, во-вторых, связывать типологию сфер, их название с функционирующим в их рамках субъектами (в данном случае семьей) не следует во избежание ошибочной подмены деятельностного принципа выделения сфер общественной жизни субъектным, о чем будет сказано ниже.

водственного процесса. Таким образом, труд администраторов, педагогов, инженеров и ученых, типологически отличный от труда рабочих, сливается с ним в рамках единой материально-производственной сферы общественной жизни, выступая в качестве ее внутреннего организационного момента; при этом коллективы разноспециализированных производителей (административные, конструкторские, учебные и др.) становятся функциональными частями интегративных объединений (заводов, фабрик и др.), «отвечающих» за производство вещей в качестве собственных субъектов материально-производственной сферы.

Аналогичный компонентный набор характеризует все сферы общественной жизни. Так, рассматривая современную науку в качестве особой области духовной сферы, убеждаемся, что ее реальное функционирование может быть обеспечено лишь в случае сложного синтеза институциализированной деятельности духовного и материального производства, социального управления, производства человека, т. е. скоординированных усилий тех же самых по роду занятий ученых, администраторов, педагогов, рабочих. В этом плане различие между сферами определяется не фактом наличия или отсутствия тех или иных специализированных видов производства, но субординационной зависимостью этих равнообязательных видов, соотносящихся друг с другом по принципу «цель — средство». Так, если в рамках материально-производственной сферы духовное производство (и все прочие виды) выступает как средство изготовления вещей, то применительно к духовной сфере отношение полярно меняется: здесь институциализированные акты материальной деятельности подчинены задаче создания духовных значений, определяющей функциональный статус данной сферы в жизни общества.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что на уровне анализа общественной жизни социология, начинавшая с «искусственных» онтологически несамостоятельных конструкций, переходит к исследованию целостной социальной реальности, дальнейшая (формационная) конкретизация которой может осуществляться лишь в атрибутивном, но не собственно структурном направлении. В этом плане понятие «сфера общественной жизни» широко распространено в теории исторического материализма как обозначение наиболее широких, обладаю-

щих наибольшей автономией подсистем социальной целостности. В то же время сама природа этой целостности, подсистемы которой пытаются установить, различно понимается учеными, что вызывает существенные расхождения в понимании характера и числа сфер общественной жизни. Выше была изложена точка зрения, считающая, что искомым целым является интегративный деятельностный процесс, включающий в себя в качестве элементов субъектные, предметные и организационные факторы, а в качестве подсистем — основные виды деятельности, обеспечивающие воспроизводство процесса общественной жизни. Мы видели, что переход к этому определению был связан с конкретизацией субъектной стороны субстанции деятельности, из чего не следует, что именно субъектные факторы лежат в основе типологии подсистем общественной жизни. В действительности на всех уровнях конкретизации теории субстанциональное отношение субъектов и деятельности остается неизменным: первые представляют собой организационный момент второй. Исключением из этого правила не является даже общество (понимаемое не как синоним социальной формы движения, а как системная совокупность социальных групп и индивидов): оно должно рассматриваться как «предельный» самодостаточный субъект (и одновременно объект) интегративного процесса общественной жизни, ее основных сфер.

Ученые, исходящие из идеи субстанциональности субъектного начала в истории, придерживаются иной точки зрения: основными подсистемами целостной социальной реальности, отождествляемой с «субъектно» понимаемым обществом, они считают составляющие его социальные группы, а сферы общественной жизни рассматривают как области жизнепроявления данных групп.

Конечно же, такое комплексное явление, как социальная реальность, допускает ряд возможных интерпретаций и получает различные определения в зависимости от угла зрения, под которым оно рассматривается социологией. В этом плане можно согласиться с Э. С. Маркаряном, считающим возможным два взаимодополняющих друг друга подхода к структурному рассмотрению социальной системы: в первом случае социологию интересуют ответы на вопросы: кто действует в общественной жизни?, как организованы субъекты

социальной деятельности? и др.; во втором — внимание исследователей переключается на вопросы об основных областях приложения социальной активности, их соотношении друг с другом и т. д. Важно, однако, понимать, что «мирное существование» субъектного и деятельностного подходов кончается сразу, как только социология ставит вопрос о принципах их совмещения в рамках целостного взгляда на социальную реальность, стремясь установить исходное начало, лежащее в основе ее полнообъемной структурной модели. Остается повторить, что единственно правильной мы считаем постановку вопроса, при которой типологию форм социальной деятельности кладут в основу типологии социальных групп, а не наоборот. Именно такой подход демонстрировали классики марксизма, которые при анализе социальных групп (в отличие от многих школ буржуазной социологии, ставивших во главу угла имманентные факторы субъектной организации, прежде всего специфику группового сознания) всегда исходили из системы общественно необходимого разделения труда (деятельности), логика которого определяет логику институционального оформления его видов.

Таким образом, выделение основных подсистем интегративной социальной реальности мы основываем исключительно на типологии общественно необходимых видов производственной деятельности, вполне соглашаясь в этом плане с А. К. Уледовым, давно отстаивающим «деятельностную» природу сфер общественной жизни [285, с. 89]. Что же касается социальных групп, то их место в социальной структуре определяется законами членения сфер на внутренние субъектные, вещественные, духовные и организационные моменты. Вместе с тем такая постановка вопроса должна учитывать явное различие структурного статуса, который имеют в сферах общественной жизни отдельно взятые индивиды и их социальные объединения.

Выше отмечалось, что уже на уровне общественного производства исчезает ранее существовавшее «безразличие» социологической теории к классификации социальных субъектов, позволявшее выделять их в качестве элементов «деятельности как взаимодействия», не уточняя, о каких именно субъектах идет речь (поскольку абстрактные законы социального взаимодействия не меняются от того, осуществляется ли оно индивидами

или интегративными субъектами). В дальнейшем свойство быть социальным субъектом перестает быть тождественным свойству быть элементом деятельностного процесса: в противном случае нам пришлось бы рассматривать в качестве его исходной нерасчленимой части само общество. Не может считаться таким элементом и социальная группа, способом существования которой является сложное взаимодействие составляющих ее «микросубъектов»; оно слагается как целое из частей, из простейших актов социальной активности, конечным носителем которых является в данном ракурсе анализа уже не абстрактный «субъект вообще», а общественный индивид. Что же касается социальной группы, то она обладает собственной элементной организацией, включая в себя взаимодействующих субъектов, используемые ими вещные средства и духовные значения, а также интегрирующие группу социальные связи и отношения. (В этом плане мысль К. Маркса о том, что общество «выражает сумму тех связей и отношений, в которых... индивиды находятся друг к другу» [1, т. 46, ч. I, с. 214], относима к любому интегративному субъекту и в то же время наглядно демонстрирует элементный статус индивида. Последний в отличие от группы уже не может рассматриваться как многоэлементный структурный аналог общества хотя бы потому, что создаваемые в процессе социального взаимодействия отношения в своей реальной (а не интериоризованной) форме выступают по отношению к индивиду не как структурный элемент, а как внешнее условие деятельности. Соответственно индивид в противоположность группе может дифференцироваться социологией не в структурном, а лишь в атрибутивном плане — в аспекте многообразных свойств и состояний, которые он проявляет в качестве неразложимого носителя целенаправленной активности; попытка такого разложения означает рассмотрение индивида уже как биологической системы, отдельные органы которой также «действуют», но в некатегориальном для социологии значении этого термина.)

Однако, не являясь элементом целостной социальной реальности, группы в то же время не являются ее подсистемами, субстанциональной основой выделения сфер общественной жизни. В действительности они представляют собой модификацию, сложное производное при-

сущего сферам субъектного элемента, родственное ему по функциональному статусу и отличное фактом своей «делимости» в пределах свойственного общественной жизни элементного ряда. Таким образом, речь идет об особых *компонентах*, занимающих промежуточное место между элементами и подсистемами социальной целостности, наличие которых (компонентов) лишний раз свидетельствует о сложном, многоуровневом характере последней.

Следует специально подчеркнуть, что рассмотрение социальных групп в качестве внутреннего организационного момента институциализированных форм общественного производства не может быть поставлено под сомнение тем обстоятельством, что некоторые социальные группы являются субъектами одновременно нескольких, а порой и всех сфер общественной жизни. Указанное обстоятельство, характеризующее все классы структурных образований, из которых складываются сферы, в случае с социальными группами проявляется в нескольких формах. Одной из них является «амбивалентность» группы относительно выделенных подсистем общественной организации, связанная с отсутствием «врожденной» принадлежности к одной из них (так могут быть охарактеризованы организации, осуществляющие функцию экономической интеграции сфер, к примеру, капиталистическая биржа, не являющаяся исключительным органом какой-либо определенной институциализированной сферы общественного производства, в отличие, скажем, от государства, проникающего во все сферы в качестве института социального управления). Другой формой проявления является «полифункциональность» групп, генетически связанных с одной из сфер и в то же время способных выполнять функции, характерные ее классификационным партнерам (таким примером может служить социалистический производственный коллектив, создающий материальные или духовные ценности и в то же время действующий как институт сферы производства человека, осуществляющий задачи социального обеспечения, рекреационные цели и пр.). В наибольшей степени «промежуточное» положение относительно основных сфер общественной жизни свойственно историческим общностям, для которых признак «амбивалентности» сочетается с признаком «полифункциональности», имеющей врожденный,

а не приобретенный характер (в этом контексте речь может идти только о классах и семье, поскольку этнические группы, как и все исторические общности, возникающие стихийно, представляют собой не компонент социальной структуры, а ее исторически конкретное целостное выражение).

Как известно, некоторые ученые используют приведенные положения для выделения особой—социальной—сферы общественной жизни (в ряду материально-производственной, политической и духовной сфер), содержанием которой считают не институциализированные процессы производства (и самовоспроизводство) человека, а жизнедеятельность исторических общностей людей. Характерно, что такая точка зрения критикуется представителями самых различных подходов к выделению подсистем социальной организации, поскольку представляет собой попытку «комбинированной» типологии, отталкивающейся сразу от нескольких оснований. С одной стороны, она нарушает логическую целостность «деятельностного подхода», внося в него существенное противоречие, которое вытекает из того факта, что деятельность исторических общностей представляет собой синтез материально-производственной, социальной, политической (управленческой) и духовной активности, исторически определенную форму их реализации и не может противопоставляться им в качестве рядоположенной классификационной альтернативы, как это делают сторонники критикуемой точки зрения. Соответственно мы не можем считать, что деятельность исторических общностей протекает в особой сфере, наряду с которой существуют материально-производственная, политическая и духовная сферы, «свободные» от субъектного начала в лице исторических общностей. С другой стороны, анализируемая позиция нарушает логическую последовательность «субъектного» подхода к типологии сфер, поскольку отличные от общностей социальные организации (в том числе обладающие признаками «амбивалентности» и «полифункциональности»), как правило, рассматриваются ее сторонниками как внутренний организационный момент сфер, выделенных по «деятельностному» или «отношенческому» основанию (последний подход развивают ученые, вслед за А. В. Дроздовым считающие исходным основанием выделения сфер типы общественных отношений).

Осознавая эти противоречия, возникающие в результате параллельного использования различных принципов типологии, ученые стремятся свести их к «общему знаменателю», считая таким универсальным основанием выделения сфер наличие имманентных законов организации, определяющих их относительную автономию [55, с. 61]. Утверждается, что выделение социальной сферы как жизнедеятельности исторических общностей вытекает из того факта, что их генезис, функционирование и развитие не могут быть объяснены отдельно взятыми факторами материально-производственного, политического или духовного порядка, обладают своей качественной спецификой относительно законов существования этих необходимых видов социальной деятельности. Не ставя подобную автономию под сомнение, мы полагаем, что она характеризует не только исторические общности, но и другие социальные группы. Более того, можно считать, что она характеризует все классы структурных образований, из которых состоят сферы общественной жизни. Именно при изучении сфер относительная самостоятельность этих образований, о которой социология «догадывалась» и ранее, становится реальным фактом науки, требующим последовательного анализа [13]. Учитывая сказанное, мы не можем согла-

[13] Теория устанавливает, в частности, что типология основных сфер производственной деятельности сама по себе не объясняет важного различия между номинальными и реальными, формальными и неформальными, солидарностными и антагонистическими группами, между общностями и организациями, не дает полного понимания законов возникновения групп, присущих им механизмов поддержания целостности и эволюции. Выясняется, к примеру, что даже глубокое знание функциональных задач политической или религиозной деятельности не означает автоматического овладения знанием законов консолидации политических партий или религиозных групп; выделение сфер общественного производства не делает самоочевидным вопрос о конкретных механизмах образования и развития классов как его агентов, их переходе из «класса в себе» к «классу для себя» и т. д. Одним словом, становится ясным уже отмечавшийся факт, что «субъектный» анализ, основываясь на «деятельностном» и исходя из него, не «поглощается» последним полностью, и это касается не только изучения законов существования исторических общностей. Наконец, такой же качественной спецификой функционирования и развития обладают элементы несубъектного класса: изучаемые особым разделом социологической науки (так называемой «культурологией») вещные средства и духовные значения, социальные связи и отношения, обнаруживающие внутреннюю логику развития, которая может быть объяснена собственно деятельностными факторами лишь в конечном счете.

ситься с точкой зрения В. С. Барулина, считающего наличие особых законов существования некоторого класса структурных образований общественной жизни достаточным основанием для рассмотрения его в качестве подсистемы последней.

Таким образом, наше понимание сфер общественной жизни соответствует взглядам ученых, считающих, что «разные виды деятельности составляют основу соответствующих сфер» [285, с. 91]; рассматривающих их как «широкие совокупности взаимосвязанных процессов и явлений, подчиненных задачам удовлетворения фундаментальных потребностей общества» [164, с. 35]; полагающих, что «основные сферы общественной жизни... различаются между собой по выполняемым ими функциям, т. е. по тому, какие потребности социального целого они удовлетворяют и как именно» [285, с. 91]. Естественно, социологическая наука не ограничивается выяснением подобных наиболее общих характеристик сфер как таковых. Концептуальный анализ общественной жизни, так же как и исследование общественного производства, имеет несколько уровней своей организации. Он не исчерпывается изучением структурных определений. Рассмотрев выделенные сферы методом изолирующей абстракции (в рамках свойственного социологии целостного восприятия общества), методологическая рефлексия обращается к их субординационно-координационным зависимостям функционального и динамического планов. Такое рассмотрение (вводящее, в частности, в теорию рефлектированные определения базиса и надстройки) создает полнообъемное представление о жизни «общества вообще», после чего социология переходит к исследованию действительности общественной жизни — исторического процесса, конкретизируя для этого определение общества введением определения общественно-экономической формации как продукта исторически конкретной деятельности людей. Содержание этого фундаментального перехода, приводящего теорию к концептуальному осмыслению реалий современного социального процесса, выполнению важнейших мировоззренческих задач исторического материализма, требует специального логического анализа, учитывающего многоуровневый и многоаспектный характер формационной социологии марксизма. Такой анализ находится за рамками задач настоящей монографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.
4. Архив Маркса и Энгельса. Т. 1—2. М., 1932—1933.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1—55. М., 1958—1965.
6. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
7. XXV съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений. Москва, 21—23 сентября 1976 г. М., 1977.
8. Абульханов Р. Ф. Об общественной природе деятельности потребления. — Вопросы философии, 1968, № 10.
9. Аверьянов А. Н. Системообразующие факторы. — Философские науки, 1981, № 6.
10. Агальцев А. М., Макарова Г. П. Человек в системе категорий исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма (препринты докладов Всесоюзного координационного совещания «Проблемы структуры исторического материализма и систематизации его категорий»). М., 1981.
11. Агудов В. В. Категории «структура» и «элемент». — Философские науки, 1974, № 3.
12. Агудов В. В., Плесский Б. В. Системный метод исследований и диалектико-материалистический метод. — Философские науки, 1972, № 3.
13. Айзикович А. С. Некоторые вопросы теории общественных отношений. — Философские науки, 1979, № 6.
14. Айзикович А. С., Клягин Н. В., Орлов А. А. Всесоюзное координационное совещание по проблемам исторического материализма. — Философские науки, 1981, № 4.
15. Айзикович А. С. Новое в общественной жизни и развитие исторического материализма. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма (препринты докладов Всесоюзного координационного совещания «Проблемы структуры исторического материализма и систематизации его категорий»). М., 1981.
16. Актуальные проблемы теории общественных отношений (материалы координационного совещания, проведенного в Институте философии АН СССР 26—27 декабря 1977 г.). М., 1978.

17. Акулов В. Л. Философия, ее предмет, структура и место в системе наук. Краснодар, 1976.
18. Александров В. Б. О некоторых методологических предпосылках исследования проблемы начала в историческом материализме. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.
19. Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1978.
20. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
21. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.
22. Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977.
23. Андреев М. А. О соотношении общих и специфических законов общественного развития. — Учен. зап. кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия, вып. XIV. Л., 1973.
24. Андреев Ю. П. Признаки общественных отношений. — В кн.: Общественные отношения и сознание. Свердловск, 1975.
25. Андреев Ю. П. Методологические проблемы анализа структуры общественных отношений. — В кн.: Социальная диалектика в категориях исторического материализма. Свердловск, 1980.
26. Антонов И. Г. Взаимосвязь субъекта и объекта социально-преобразующей практики. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М., 1982.
27. Антонович Г. В. Исторический материализм и социальный детерминизм. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.
28. Арефьева Г. С. О видах и формах социальной практики. — Философские науки, 1974, № 2.
29. Арефьева Г. С. Социальная активность. М., 1974.
30. Арефьева Г. С. Категории «субъект» и «объект» в историческом материализме. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филос. наук. М., 1975.
31. Арефьева Г. С., Вербин А. И. Сущность материалистического понимания истории. — Философские науки, 1978, № 3.
32. Арефьева Г. С. В. И. Ленин о единстве диалектического и исторического материализма. — Вопросы философии, 1979, № 3.
33. Арефьева Г. С. Исторический материализм как наука. — Философские науки, 1982, № 4,6.
34. Афанасьев В. Г. О системном подходе и социальном познании. — Вопросы философии, 1973, № 6.
35. Афанасьев В. Г. Исторический материализм и проблемы управления обществом. — Философские науки, 1972, № 3.
36. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980.
37. Афанасьев В. Г. О структуре целостной системы. — Философские науки, 1980, № 3.
38. Бабушкин В. У. О природе философского знания. М., 1978.
39. Багатурия Г. А. Первое великое открытие Карла Маркса (формирование и развитие материалистического понимания истории). — В кн.: Маркс — историк. М., 1968.
40. Баженов Л. Б. Принцип системности как регулятив научного знания. — Философские науки, 1978, № 2.
41. Байлук В. В. Категории «объективный фактор» и «субъективный фактор», «стихийное и планомерное». — В кн.: Катего-

рии исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.

42. Барг М. А., Перияк Е. Б. Структура и развитие классово антагонистических формаций. — Вопросы философии, 1967, № 6.

43. Барг М. А. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса. — В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.

44. Барг М. А. О двух уровнях марксистской теории исторического познания. — Вопросы философии, 1983, № 8.

45. Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание. — История СССР, 1982, № 6.

46. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

47. Бакшутов В. К. Содержание категории «общественное бытие». — В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.

48. Бакуркин Б. Ф., Комаров М. С. Функционализм вчера и сегодня: эволюция структурно-функциональной школы в американской социологии. — Философские науки, 1977, № 4.

49. Бареиц С. Н. Диалектика социального развития и проблема ее отображения в историческом материализме. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма (препринты докладов Всесоюзного координационного совещания «Проблемы структуры исторического материализма и систематизации его категорий»). М., 1981.

50. Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. Барнаул, 1969.

51. Барулин В. С. Развитие социалистического общества и постановка методологических проблем исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976.

52. Барулин В. С. Роль категорий общественного бытия и общественного сознания в системе категорий исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.

53. Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.

54. Барулин В. С. На путях к системе законов и категорий исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.

55. Барулин В. С. Диалектика сфер общественной жизни. М., 1982.

56. Батищев Г. С. Общественно-историческая деятельность — сущность человека. — Вопросы философии, 1967, № 3.

57. Батищев Г. С. Деятельность и ценности. Критика «деятельностного» подхода к теории интериоризации. — Философские проблемы деятельности (материалы «круглого стола»). — Вопросы философии, 1985, № 2.

58. Батищев Г. С. Деятельная сущность человека как философский принцип. — В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.

59. Билялов А. К. Об определении категорий «основа» и «обоснованное». — Философские науки, 1976, № 5.

60. Блауберг И. Б., Юдин Э. Г. Философские проблемы исследования систем и структур. — Вопросы философии, 1970, № 5.
61. Блауберг И. Б., Юдин Э. Г. Системный подход в социальном познании. — В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972.
62. Богданова Т. П. К вопросу об исходной категории исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.
63. Бородин Е. Т. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества. — Философские науки, 1976, № 2.
64. Бугреев А. Н. К анализу категорий исторического материализма «стихийность» и «сознательность». — Философские науки, 1976, № 2.
65. Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.
66. Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976.
67. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
68. Бухалов Ю. Ф. О месте исторического материализма в марксистско-ленинской философской науке. — В кн.: Исторический материализм в общей структуре философского знания (препринты докладов Всесоюзного координационного совещания «Проблемы структуры исторического материализма и систематизации его категорий»).
69. Бычко И. В. Категориальная структура общественного бытия. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.
70. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.
71. Вазюлин В. А. Диалектика исторического процесса и методология его исследования. М., 1978.
72. Вербин А. И., Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Исторический материализм и социология. — Вопросы философии, 1959, № 5.
73. Вербин А. И., Фурман А. Е. Место исторического материализма в системе наук. М., 1965.
74. Вербин А. И., Келле В. Ж. Базис и надстройка и механизмы деятельности людей. — Философские науки, 1979, № 1.
75. Вербин А. И. Соотношение общественных отношений и деятельности людей. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.
76. Вербовский В. В., Капустин В. А. О логической структуре исторического материализма. — В кн.: Проблемы строения исторического материализма как социально-философской теории.
77. Воробьев Н. А. Роль категорий исторического материализма в функционировании конкретно-социологического знания. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.
78. Воронович Б. А. Философский анализ структуры практики. М., 1972.
79. Воронович Б. А., Плетников Ю. К. Категории деятельности в историческом материализме. М., 1975.
80. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6-томах. М., 1982—1984.
81. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976.
82. Гегель Г. В. Ф. Введение в философию. Философская пропедевтика. М., 1929.

83. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. М.—Л., 1932.

84. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. М.—Л., 1929.

85. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. М.—Л., 1935.

86. Гендин А. М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970.

87. Гендин А. М. Потребность, интерес, цель как факторы детерминации человеческой деятельности. — В кн.: Проблемы философии и научного коммунизма. Красноярск, 1971.

88. Гиндев П. Философия и социальное познание. М., 1977.

89. Глезерман Г. Е. К вопросу о понятии «общественное бытие». — Вопросы философии, 1958, № 5.

90. Глезерман Г. Е. Интерес как социологическая категория. — Вопросы философии, 1966, № 10.

91. Глезерман Г. Е. К вопросу о предмете исторического материализма. — Вопросы философии, 1970, № 3.

92. Глезерман Г. Е. Исторический материализм и проблемы социальных исследований. — Коммунист, 1970, № 4.

93. Глезерман Г. Е., Келле В. Ж., Пилипенко Н. В. Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия. — Коммунист, 1971, № 4.

94. Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитое социалистическое общество. М., 1973.

95. Глезерман Г. Е. Законы общественного развития, их характер и использование. М., 1979.

96. Голубчиков А. Родовая сущность человека как исходная «клеточка» построении системы категорий исторического материализма. — В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980.

97. Гольдентрихт С. С. Общественное бытие, социально-историческая практика и сознание. — В кн.: Общественное сознание и общественная практика. М., 1979.

98. Гончарук С. И. Законы развития и функционирования общества. М., 1977.

99. Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Категории современной науки. М., 1984.

100. Грехнев В. С. К вопросу о специфике социально-философского исследования. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия, 1982, № 5.

101. Григорьев Г. С. Труд — начало системы категорий исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

102. Гринкевич Р. Д. О соотношении категорий социальная потребность и интерес. — Вестн. Ленингр. ун-та, сер. Философия, 1966.

103. Гуйван П. Н. Категория деятельности в материалистическом понимании истории. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

104. Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад. — Вопросы философии. 1968, № 2.

105. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

106. Даниелян М. С. Гносеологический анализ общесоциологической теории. Ереван, 1979.
107. Даукаев А. А. Исходная категория исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.
108. Деборин А. Гегель и диалектический материализм. — В кн.: Гегель. Энциклопедия философских наук. М.—Л., 1929.
109. Демин М. В. Методологические проблемы анализа человеческого общения. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия, 1979, № 4.
110. Демин М. В. Человеческая деятельность. М., 1984.
111. Демичев В. А. Общественное бытие и общественное сознание, механизмы их взаимосвязи. Кишинев, 1969.
112. Демичев В. А. Общество как открытая саморегулирующаяся органическая целостность — исходная абстракция исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.
113. Демичев В. А. О некоторых аспектах рассматриваемой проблемы. — В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма.
114. Демичев В. А. О «начале» и структуре исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.
115. Диалектика взаимоотношений базиса и надстройки развитого социалистического общества. Под ред. Х. Н. Момджяна. М., 1983.
116. Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей. — Вопросы философии, 1976, № 9.
117. Дмитриева М. С. О понятии «субъективный фактор». — Философские науки, 1982, № 5.
118. Дмитриенко В. А. Соотношение системного и деятельностного подходов в научном познании. — В кн.: Вопросы методологии науки. Томск, 1974.
119. Дмитриенко В. А. О предмете и некоторых вопросах структуры исторического материализма. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.
120. Дробницкий О. Г. Природа и границы сферы общественного бытия человека. — В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.
121. Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966.
122. Дубровский Д. И. Категория идеального в системе марксистского философского знания. — Философские науки, 1982, № 5; 1983, № 1.
123. Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.
124. Едренкин В. А. К характеристике отношений материального производства. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.
125. Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
126. Зайцева Е. Н. Место и роль общения в человеческой

деятельности. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М., 1983.

127. Зеленов Л. А. Основные проблемы теории деятельности.— В кн.: Методология и теория деятельности. Горький, 1982.

128. Иванов В. Д. Становление основных принципов материалистического понимания истории. — В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма.

129. Ильенкоа Э. В. Диалектическая логика. М., 1984.

130. Исторический материализм как социально-философская теория. М., 1982.

131. Кабыща А. В., Осипов Г. В. Теоретико-методологические предпосылки формирования системы категорий в марксистско-ленинской социологии. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

132. Каган М. С. Опыт системного анализа человеческой деятельности. — Философские науки, 1970, № 6.

133. Каган М. С. О системном подходе к системному подходу. — Философские науки, 1973, № 6.

134. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974.

135. Каган М. С. Общение как философская проблема. — Философские науки, 1975, № 5.

136. Каган М. С. Системность и историзм. — Философские науки, 1977, № 5.

137. Каган М. С. Еще раз о философском анализе человеческой деятельности. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия, 1980, № 3.

138. Каган М. С. О структуре исторического материализма и системе его категорий. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

139. Кальной И. И. Единство формационного и деятельностного подходов в теории исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

140. Камынин И. М., Ковальзон М. Я. О специфике материальных общественных отношений коммунистической формации. — Вопросы философии, 1962, № 1.

141. Караваеа Г. Г., Шарипов Т. Ш. Исторический материализм и общественные науки. Ташкент, 1966.

142. Караваев Г. Г. Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973.

143. Караваев Г. Г. Принципы классификации категорий исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.

144. Категории исторического материализма. М., 1980.

145. Категории исторического материализма: их роль в познании и преобразовании социальной действительности. Киев, 1985.

146. Категории социальной диалектики. Минск, 1978.

147. Кветной М. С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). Саратов, 1974.

148. Кедров Б. М. О методе изложения диалектики от абстрактного к конкретному. — Вопросы философии, 1978, № 2.

149. Кедров Б. М. Метод логического построения науки (сочетание принципа системности с принципом развития). — В кн.: Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1983. М., 1985.

150. Келле В. Ж. Об «уровнях» социологической теории. — В кн.: О структуре марксистской социологической теории. М., 1970.

151. Келле В. Ж. Исторический материализм и проблема деятельности. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

152. Келле В. Ж. Соотношение детерминизма и системности в методологии социального познания. — Вопросы философии, 1983, № 6.

153. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Исторический материализм как наука и структура его изложения. — Вопросы философии, 1963, № 12.

154. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования. — Вопросы философии, 1980, № 7.

155. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981.

156. Ковалев А. М. Исторический материализм и научный коммунизм. — В кн.: Исторический материализм как наука. М., 1974.

157. Ковалев А. М. Взаимодействие общества и природы. М., 1980.

158. Ковальзон М. Я. Философский анализ человеческой деятельности. — Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия, 1978, № 2.

159. Коган Л. Н. О структуре марксистской философии. — Вопросы философии, 1966, № 7.

160. Конев В. А. О трех типах теорий в структуре исторического материализма. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

161. Конт О. Курс позитивной философии. Родоначальники позитивизма. Вып. 4. Спб., 1912.

162. Кориев Г. П. Об исходном начале построения системы категорий исторического материализма. — В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма.

163. Королев Б. Н. Начало бытия — в деянии. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

164. Краснов В. М. К понятию общества как социальной системы. — Философские науки, 1977, № 2.

165. Кребер Г. Философские категории в свете теории систем. — Философские науки, 1967, № 3.

166. Кремянский В. И. К анализу понятий системы и структуры. — Философские науки, 1975, № 5.

167. Кузьмин В. П. Системное качество. — Вопросы философии, 1973, № 9—10.

168. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

169. Кучинский Ю. Социологические законы. — Вопросы философии, 1957, № 5.

170. Лавриненко В. Н. Проблема социальных интересов в ленинизме. М., 1978.

171. Лармин О. В. О структуре общественных отношений.— В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.

172. Лармин О. В. Исторический материализм и социология.— В кн.: Исторический материализм как наука.

173. Лашина М. В. Основные сферы общественной жизни и их взаимосвязь. — Философские науки, 1979, № 4.

174. Лашина М. В. Концепция основных сфер общественной жизни и систематизация категорий исторического материализма.— В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма.

175. Лашук Л. П. Введение в историческую соцнологию. Вып. 1. М., 1977.

176. Левичева В. Ф., Щербина В. Ф. Материальное и идеальное в общественном производстве. Л., 1984.

177. Лекторский В. А. Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания. — В кн.: Методологические проблемы исследования деятельности. М., 1976.

178. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

179. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

180. Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981.

181. Майзель И. А. Проблемы человеческой деятельности и общественных отношений в категориальном аппарате исторического материализма. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории.

182. Малиновский Б. Научная теория культуры. — Вопросы философии, 1983, № 2.

183. Мамалуй А. А. Методология «Капитала» К. Маркса и системное единство диалектического и исторического материализма. Харьков, 1979.

184. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса. — Вопросы философии, 1968, № 6.

185. Марахов В. Г. Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1970.

186. Маргулис А. В. Диалектика деятельности и потребностей. Белгород, 1972.

187. Маргулис А. В. Категория деятельности человека. — Философские науки, 1975, № 2.

188. Маргулис А. В. Конкретно-исторический характер взаимосвязи деятельности и потребностей общества. — Философские науки, 1977, № 2.

189. Маргулис А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциологической теории. — Вопросы философии, 1981, № 12.

190. Маргулис А. В. Социальная деятельность и общественное производство. — В кн.: Общественное производство и человек. Общественное производство социализма (препринты докладов Все-

союзного координационного совещания «Социально-философские проблемы теории общественного производства»). М., 1982.

191. Маргулис А. В. О проблеме исходного основания в общесоциологической теории. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

192. Маркарян Э. С. Об основных принципах сравнительного изучения истории. — Вопросы истории, 1960, № 7.

193. Маркарян Э. С. Системное исследование человеческой деятельности. — Вопросы философии, 1972, № 10.

194. Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972.

195. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.

196. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981.

197. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1982.

198. Марксистско-ленинская философия как система. М., 1981.

199. Материалистическая диалектика и системный подход. Л., 1982.

200. Мегрелидзе К. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.

201. Межуев В. М. Человек и культура в системе категорий исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

202. Методология и теория деятельности. Горький, 1982.

203. Миклин А. М. Системность развития в свете законов диалектики. — Вопросы философии, 1975, № 8.

204. Минкина Н. А. Несколько замечаний о проблеме начала. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

205. Михайлова И. В. К проблеме уровней познания. — В кн.: Методологические проблемы современной науки. М., 1970.

206. Мишин В. И., Арханов А. С., Бенедиктов Н. А. Единство истории и целостность исторического материализма. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

207. Мокроносов Г. В., Москаленко А. Т. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. Новосибирск, 1981.

208. Момджян К. Х. Концептуальная природа исторического материализма. М., 1982.

209. Мысливченко А. Г. Общественное сознание и практика. М., 1979.

210. Нарский И. С. Об историческом материализме как марксистской социологии. — Вопросы философии, 1959, № 4.

211. Нарский И. С. Практика как категория диалектического и исторического материализма. — Философские науки, 1980, № 1.

212. Нарский И. С. О соотношении диалектического и исторического материализма. — В кн.: Предмет философии и система философского знания. Челябинск, 1981.

213. Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М., 1984.

214. Общественные отношения. Вопросы общей теории. М., 1981.
215. Овсепян А. А. Способ воспроизводства общественных отношений. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.
216. Орлов Г. П. Проблема классификации категорий исторического материализма. — В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.
217. Осипов Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979.
218. Осипов Г. В. Предмет и структура социологической науки. — Социологические исследования, 1981, № 1.
219. Основы марксистско-ленинской социологии. М., 1980.
220. Павлов Т. Избр. филос. произв. Т. 1—4. М., 1961—1963.
221. Песенко В. Н. Общественные связи и отношения. Р н/Д, 1978.
222. Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971.
223. Плетников Ю. К. Базис и надстройка и механизмы сознательной деятельности людей. — Философские науки, 1979, № 1.
224. Плетников Ю. К. О категории общественного бытия. — Философские науки, 1979, № 3.
225. Плетников Ю. К. Проблемы дальнейшей разработки теоретической системы исторического материализма. — Философские науки, 1981, № 4.
226. Плетников Ю. К. Общественная структура: проблемы и перспективы развития. — Философские науки, 1982, № 1.
227. Плетников Ю. К. Проблема начала в теории исторического материализма. — В кн.: Проблемы начала и исходной категории в теории исторического материализма.
228. Плетников Ю. К., Шевченко В. Н. Исследования в области исторического материализма. — Вопросы философии, 1981, № 1.
229. Пожитной Н. М., Станкевич Л. П. Труд в системе категорий исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.
230. Приписнов В. И. Соотношение категорий надстройки, общественного сознания, духовной культуры и субъективного фактора. — В кн.: Проблемы исторического материализма. Душанбе, 1967.
231. Приписнов В. И. О месте категориального ряда «социальный закон» в системе категорий исторического материализма. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.
232. Проблемы истории докапиталистического общества. М., 1968.
233. Пфафенштиль И. А., Синицина Т. И. Диалектика соотношения факторов детерминации деятельности. — Философские науки, 1981, № 6.
234. Рабочая книга социолога. М., 1976.
235. Разин В. И. О признаках классификации категорий ис-

торического материализма. — В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма.

236. Рейнгольд М. Ш. Исходная категория исторического материализма и основной вопрос философии. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

237. Рожин В. П. Введение в марксистскую соцнологию. Л., 1961.

238. Рожин В. П. О соотношении философии и соцнологии.— Учен. зап. кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Философия. Вып. 8. Л., 1967.

239. Рожко К. Г. Тождество и различие диалектического материализма с историческим. — В кн.: Предмет философии: принципы, подходы, аспекты. Челябинск, 1981.

240. Рожко К. Г. О систематизации категорий исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.

241. Рожко К. Г. Принцип деятельности. Томск, 1983.

242. Рожнов Я. В. О содержании и сущности начал исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

243. Руткевич М. Н. Диалектика и соцнология. М., 1980.

244. Рыбаков Н. С. Систематизация категорий исторического материализма как методологическая проблема. — В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма.

245. Рябушкина И. Б. Об исходной и основной категории исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

246. Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973.

247. Сагатовский В. Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода. — Философские науки, 1976, № 3.

248. Сагатовский В. Н. Деятельность как философская категория. — Философские науки, 1978, № 2.

249. Сагатовский В. Н. Природа системной деятельности.— В кн.: Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978.

250. Сагатовский В. Н. К построению системы категорий исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.

251. Сагатовский В. Н. Общественные отношения и деятельность. — Вопросы философии, 1981, № 12.

252. Сагатовский В. Н. О структуре общественного производства. — В кн.: Структура общественного производства. Материальное и духовное производства (препринты докладов Всесоюзного координационного совещания «Соцнально-философские проблемы теории общественного производства»).

253. Садыков М. Б. О дальнейшем совершенствовании структуры исторического материализма как учебной дисциплины. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

254. Самарская Е. А. Понятие практики у К. Маркса и современные дискуссии. М., 1977.

255. Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры. М., 1962.

256. Свидерский В. И., Зобов Р. А. Отношение как категория материалистической диалектики. — Вопросы философии, 1979, № 1.

257. Свидерский В. И. О диалектике отношений. Л., 1983.

258. Сейфуллина Г. З. О структуре исторического материализма. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

259. Семашко Л. Н. Подход к структуре общественного производства. — В кн.: Структура общественного производства. Материальное и духовное производства (препринты докладов Всесоюзного координационного совещания «Социально-философские проблемы теории общественного производства»).

260. Семенов Е. В. «Кооперация деятельности» как проблема и категория исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

261. Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — Вопросы истории, 1966, № 8.

262. Семенов Ю. И. О системе категорий исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

263. Сержантов В. Ф., Гречаный В. В. Единство марксистской философии. — В кн.: Единство диалектического и исторического материализма. Л., 1978.

264. Соковнин В. М. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973.

265. Стачкенич Л. П. Потребности и деятельность. — Философские науки, 1976, № 2.

266. Ставскан Н. Р. О начале и структуре исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.

267. Степанов И. Г. О методологическом значении систематизации категорий исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.

268. Степанов И. Г. Основной вопрос философии и систематизация категорий исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации категорий исторического материализма.

269. Степанов И. Г. Основы взаимосвязи категорий исторического материализма. Томск, 1982.

270. Степанян Э. Х. Общественные отношения, сознание, деятельность. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия, 1976, № 6.

271. Стребков Ю. С. Методологический аспект построения теории общественной жизни. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.

272. Субботин И. И. О специфике философского знания. — Философские науки, 1974, № 3.

273. Субъект и объект как философская проблема. Киев, 1979.

274. Суворов Л. Н. О месте исторического материализма в структуре марксистско-ленинской философии. — Вопросы философии, 1964, № 8.

275. Телятников Г. В. «Управление обществом» в структуре исторического материализма и в системе его категорий. — В кн.:

Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

276. Терентьева Л. М. Методологические вопросы теории общения. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М., 1979.

277. Толстых В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства. — Вопросы философии, 1982, № 4.

278. Третьяков Н. Ф. Деятельность как исходный принцип предмета исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

279. Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958.

280. Турченко В. Н. О системе категорий исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.

281. Угринович Д. М. О предмете марксистской социологии. — В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.

282. Угринович Д. М. О структуре марксистской социологической теории. М., 1970.

283. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

284. Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

285. Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975.

286. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

287. Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма. — Вопросы философии, 1984, № 6.

288. Философская энциклопедия. Т. 1—5. М., 1960—1970.

289. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

290. Философские проблемы деятельности (материалы «круглого стола»). — Вопросы философии, 1985, № 2—5.

291. Фофанов В. П. Предмет, метод и система категорий исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма.

292. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.

293. Франко А. Г. К вопросу о начале исследования теоретической системы исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации и классификации категорий исторического материализма.

294. Фриш А. С. Актуальные проблемы теории общественных отношений. М., 1978.

295. Фролов К. М., Челлини В. М. Исторический материализм как общесоциологическая теория и методология общественных наук. М., 1976.

296. Фурман А. Е. Исторический материализм. М., 1970.

297. Фурманов Г. Л. Исторический материализм как общесоциологическая теории. М., 1979.

298. Хван Э. Исторический материализм и марксистская социология. М., 1971.

299. Харин Ю. А. О категориальной структуре анализа социальной действительности. — В кн.: Проблемы структуры истори-

ческого материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

300. Хачатурян А. Б. Некоторые методологические вопросы исследования человеческого сознания. — В кн.: Некоторые вопросы теории и истории общественного сознания. М., 1976.

301. Хорев Н. В. Проблема общей логики и структуры курса исторического материализма. — Философские науки, 1980, № 9.

302. Хотякова В. А. Социальные законы и деятельность людей. — Философские науки, 1972, № 5.

303. Черезов А. Е. Основание логико-понятийной взаимосвязи категорий исторического материализма. — В кн.: Основания систематизации категорий исторического материализма.

304. Черкасов Г. Н. Объективные и субъективные факторы детерминации человеческой деятельности. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. Философия, 1972, № 4.

305. Чесноков Д. И. Исторический материализм. М., 1964.

306. Чесноков Д. И. Исторический материализм. Изд. 2-е. М., 1965.

307. Чесноков Д. И. Исторический материализм и социальные исследования. М., 1970.

308. Чесноков Д. И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973.

309. Чумаев В. К. О соотношении категорий «деятельность» и «взаимодействие» в анализе социальной действительности. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

310. Шаронов В. В. Роль принципов диалектического материализма в построении общесоциологической теории. — В кн.: Методологические аспекты материалистической диалектики. Л., 1974.

311. Шевченко В. Н. Исторический материализм как марксистская философия истории. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.

312. Шевченко В. Н. Социально-философский анализ развития общества. М., 1984.

313. Шептулин А. П. Исходные начала и принципы построения системы категорий диалектики. — Философские науки, 1979, № 2.

314. Шептулин А. П., Левин Г. Д. Вещь, свойство, отношение. — В кн.: Марксистская диалектика как научная система. М., 1983.

315. Шершунов А. Д. Исторический материализм как общесоциологическая теория. — В кн.: О структуре марксистской социологической теории.

316. Шершунов А. Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975.

317. Шершунов А. Д. Об исходных и простейших категориях исторического материализма. — В кн.: Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976.

318. Шершунов А. Д. О «клеточке» общественной жизни и исходном понятии исторического материализма. — В кн.: Проблема начала и исходной категории в теории исторического материализма.

319. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959.

320. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
321. Ядов В. Я. Предмет и структура марксистско-ленинской социологии. М., 1972.
322. Ярошевский Т. М. Размышления о практике. М., 1976.
323. Яцкевич А. Ф. Вопросы структуры исторического материализма в плане системно-исторического анализа. — В кн.: Проблемы структуры исторического материализма как социально-философской теории марксизма-ленинизма.
324. Aron R. Progress and Disillusion. The Dialectique of Modern Society. N. Y., 1968.
325. Buckley W. Sociology and Modern systems theory. New Jersey, 1967.
326. Buckley W. Society as a complex adaptive system. — In: Modern system research for the behavioral scientist. Chicago, 1968.
327. Merton R. K. Social Theory and social structure. Glencoe, 1962.
328. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1—4. N. Y., 1962.
329. Sorokin P. A. Society, Culture and Personality. N. Y., 1962.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . .

Глава I

Методологические принципы систематизации категорий исторического материализма . . . . . .

§ 1. Принцип восхождения от абстрактного к конкретному и основные направления дифференциации категориального аппарата исторического материализма . . . . . .

§ 2. Проблема начала категориальной систематизации. Субстанциональная категория науки и исходная абстракция восхождения . .

Глава II

«Деятельность» как субстанциональная категория исторического материализма . . . . . .

Глава III

Начальные этапы конкретизации субстанционального определения исторического материализма: «деятельность как действие», «деятельность как взаимодействие» . . . . . .

§ 1. «Элементарная клеточка» социальной субстанции и последовательность ее рассмотрения . . . . . .

§ 2. Содержание и последовательность анализа «деятельности как взаимодействия» . .

Вместо заключения. **Основные этапы дальнейшей конкретизации субстанционального определения теории: «общественное производство», «общественная жизнь», «история»** . .

Литература . . . . . .